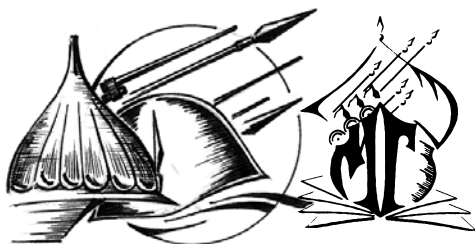

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2018

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Над пропастью во лжи	3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Российский «либерализм» как тоталитарная идеология	109
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Трансгуманизм и права человека	140
Людмила РЯБИЧЕНКО. Новый «ювенально-гендерный» мир	183
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Горсти талых вишен	194

ПРОЗА

Сергей МИХЕЕНКОВ. Повесть о бессмертном сержанте ...	12
Владимир КРУПИН. Застойные времена. Рассказ	120
Юрий ПАХОМОВ. Неделя у тёплого моря. Рассказ	158
Борис АГЕЕВ. Собачья будка. Рассказ	200

ПОЭЗИЯ

Борис ВОРОБЬЁВ. На вечных кругах. Стихи	101
Эмма МЕНЬШИКОВА. Лишь рябине гореть и гореть... Стихи	132
Виктор КАРПУШИН. В мимолётной печали. Стихи	176

Александр КОРОТАЕВ. Безумный ветер . Стихи	211
Александр ЛИСНЯК. Звёзды движутся по кругу . Стихи	216

ПОДВИЖНИКИ

Игорь СМОЛЬКИН. Слово и дело пастыря	220
Архимандрит ТИХОН. Стихи	221

РУССКИЙ МИР

Кирилл ПШЕНИЧНЫЙ. Беспросвет в конце тоннеля	223
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей СОКУРОВ. Украинские особенности русского и славянского братства	234
Валерий ГАБРУСЕНКО. Большевики и русское крестьянство	242

ЭКСПЕРТЫ

Валентин КАТАСОНОВ. Инвестиционная оккупация России	247
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валентин СЕМЁНОВ. Закон и «культурная мафия»	252
Александр БОЧКОВ. Система, убивающая разум	256
Игорь РОМАНОВ. Смутное время и бутафорская монархия	260

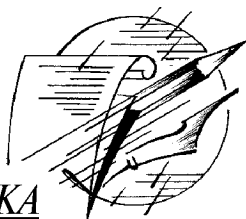
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Увидеть в человеке Человека . К 70-летию Валерия Хатюшина	265
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Ветви одного дерева . О романе Олега Этлухова «Притяжение»	278

НАД ПРОПАСТЬЮ ВО ЛЖИ

На Западе сатанизм превратился в официальную массовую культуру, и Запад готов на всё, чтобы таковую защищать. Посылки на сатанизм скрупулезно подсчитаны и являются воплощением скрытого обличья гуманитарной демократии, которая в любой момент готова щедрой рукой сбросить бомбы на Сирию, Иран или пригрозить России. Мишенью является всё, что не вписывается в систему, но главной мишенью становится христианство.

Церковь препятствует нашим доморощенным бесам устраивать праздник, и поборники демократии приходят от этого в бешенство. Текущее общество желает ликвидировать всякий след чистоты и духовных корней. Оно хочет уничтожить даже саму память. Отступим немного в прошлое. Советский Союз на Западе не пользовался уважением по причинам политическим, но имелись также и причины культурного и художественного характера. Он производил не «Битлз», но Прокофьева, Шостаковича или народные танцы; он не воспевал люциферовой свободы. Это, как говорят у нас, старомодно и отстало от жизни. Это отжило и не модно. Нам по-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

давай новенькое, и каждое утро! Западная культура не является больше христианской культурой, она не укоренена в истории или земле данного народа. Она связана с духовной дессурой людей, она абстрактна и массивна, у нее гнусные цели и точные глобализационные планы, ее историю можно прочертить от так называемой современной литературы до постклассического кинематографа.

Воцарение же наркотиков и контркультуры соответствует полицейско-политическому проекту, в котором черпал вдохновение Голливуд. Что касается сексуальной революции, то она была предписана как некое чудодейственное лекарство уже в «Дивном новом мире» Хаксли! Вылилась она в доступную всем массовую порнографию и в злобный политический рык.

Обусловливание массового сознания начинается с детства и даже раньше. Ребенок превращается в жесткий диск и должен функционировать по заданной программе. Подростки, как привязанные, ходят за своим айподом, гипержестокими видеоиграми и сатанизмом. Культурное влияние на умы сопряжено с влиянием на питание, которое приводит в результате к ожирению, пассивности и вечному жеванию. Все эти кондитерские изделия были досконально изучены лабораториями.

И в том же духе действует культура типа «секс, наркотики, рок-н-ролл». Она имела единственную цель — отупить нашу молодежь на несколько поколений вперед, распространить наркотики, алкоголизм и нигилизм и таким образом развести по разным каналам силы, превратить человеческие существа в шелуху, в тубик (ютуб). Позднейшие ссылки на сатанизм совершенно очевидны в рок-музыке, за нею идет литература для детей и современная поп-культура, транслируемая через личности, подобные Мадонне, Рианне, Гаге и Бейонсе, которые эпатируют галерею зрителей своим базарным масонским символизмом.

Философское наступление проводилось Америкой через рекламу, имеющую в своих истоках военную пропаганду, а затем Франкфуртской школой с ее постоянной охотой за «авторитарными» фигурами. Также при помощи телевидения внедрили образ гомосексуалиста, очернив при этом роль отца семейства, превратив женщину в серийную мадам Бовари с ее вечными долгами и разводами, а подросток превратился в вечно недовольного и взрывного индивидуума с кепкой, перевернутой задом наперед. Была уничтожена семья, затем сама идея нации, признанная фашиствующей, а за нею и цивилизация. О расе даже не будем говорить! Поэтому Россия и славянские народы должны уразуметь, что они шоки-

руют Запад (на Олимпийских играх, например) своими белыми атлетами. Конечно же, совершенно непроизвольно, но все-таки шокируют!

Всё теперь в западном мире пропитано праздным и игривым сатанизмом, всё — особенно американские студенческие братства. Они обожают дьявола, скелеты, черепа, бешеный секс, чародеев и магические силы. Они насаждают мир без веры (которому известен лишь закон денег), мир грубый и трансчеловеческий. Американские университеты превращают людей в сумасшедших и в ницшеанцев. И их сообщества, их коды, их обряды посвящения, их обращения к сатане больше не скрываются. Они взяли власть в США и продолжают выставлять себя и свои элиты напоказ в полном расцвете люциферовых крестовых походов».

Михаил Веллер с его злым и агрессивным талантом площадного публициста одним из первых в России, не соблюдая никакого пиетета, на весь Интернет сказал главное про операцию «Беженцы»: *«Это — армия вторжения. Ее авангард. Они едут сюда не перевариваться — отнюдь! — они едут сюда переваривать Европу. Желудочный сок уже впрыснут в обреченное тело. Последний этап заката Европы наступает вот сейчас — на наших глазах. А социальные процессы развиваются по экспоненте. Пик процветания цивилизации сменяется крахом с удивительной скоростью — историки знают. Причина не в мигрантах. А в сгнившем мозге Европы».*

Я не поклонник творчества Веллера. Но тут он попал в точку. В 1957 г. после третьего курса Иняза я работал переводчиком на Международном фестивале молодежи и студентов в Москве. Там все были ужасно прогрессивные и передовые. Мир, дружба, жвачка. Прогрессивные американцы у себя в гостинице курили «Кэмел» с марихуаной и глотали ЛСД. А утром выходили на антивоенные митинги. Это было время хиппи по доктору Лери, изобретателю первых галлюциногенов, и битников по Джеку Керуаку. Американский поэт 60-х годов Джон Чиарди писал о них: *«По части битников позвольте заметить, что было время, когда они чуть не превратились в предводителей интеллектуального мятежа. Однако к настоящему моменту стало достаточно ясно, что восстание было поднято исключительно ради удовольствия».*

Культ удовольствия потребовал терпимости и толерантности к тем, кто возвел удовольствие в смысл жизни, а контркультуру и половые извращения — в норму общежития. Этот процесс интеллектуального и морального гниения поначалу проходил скрытно, как первая стадия сифилиса. Правда, в этом случае — духовного. Папа римский Бенедикт XVI гово-

рит, что Запад утратил уважение к своей культуре, и сейчас он видит в ней всё презренное и разрушительное, забывая о прекрасном и важном. И как человек, который от ненависти к самому себе разрушает себя наркотиками и алкоголем, Запад впитывает ядовитые «измы» по мере того, как, вглядываясь в зеркало, видит всеобъемлющее зло — себя.

А вот в Швеции Ева Брунне, первая в мире лесбиянка, возведенная в сан епископа стокгольмского диоцеза лютеранской церкви Швеции, обратилась к духовенству «Церкви моряков» — храма, находящегося в районе Фрипорт г. Стокгольма, с призывом снять с церкви кресты, «чтобы не обижать мусульман». Как сообщили шведские СМИ, ее план предусматривает оборудование внутри церкви специальной молельной комнаты для мусульман, откуда должны быть удалены кресты и другие христианские символы. Она также предлагает обустроить в местных церквях подобные комнаты для представителей других религий. Е. Брунне проживает в однополном браке с Гуниллой Линден, также священником лютеранской церкви. Их отношения получили церковное благословение. Пара воспитывает сына.

Брунне уверяет, что снятие крестов с храмов поможет мусульманам лучше относиться к христианской церкви. Блажен, кто верует! В Париже лет десять назад нелегальные иммигранты захватили католический собор почти в центре города и там забаррикадировались, требуя немедленной прописки во Франции. За несколько дней, что они провели в том храме, иммигранты использовали алтарь как туалет. Когда известная актриса Бриджит Бардо, обращаясь к защитникам «прав человека», поддержавших требования этих иммигрантов, возмутилась и сказала: «Мы же не гадим в их мечетях!», ее тут же обвинили в расизме.

Швеция «сдалась без единого выстрела», — заявила в интервью SVT Памела Геллер, автор книги «Остановить исламизацию Америки», комментируя «инициативы» епископа-лесбиянки. Швеция утратила христианство. Она жертвует своим собственным наследием для размещения иммигрантов, которые отнюдь не будут столь же любезными по отношению к коренным шведам — немусульманам. Епископ прокладывает путь для исламизации Швеции. Роберт Спенсер (Robert Spencer), исламовед, отметил в связи с этим, что именно так выглядит самоубийство общества и культуры. «Как это замечательно, и щедро, и экуменично, и мультикультурно», — написал Р. Спенсер в своем блоге.

Брэт Стивенс, журналист Wall Street Journal, пишет: «Мы наблюдаем гибель Европы. Пока что это туманно и не неиз-

бежно, но всё же гибель видна, и она приближается, подобно планете в объективе искусственного спутника. Европе приходит конец, и вовсе не из-за «склеротической» экономики или ее застоя в демографии. Также не является причиной и массовый приток мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки». Статистика говорит о том, что 75% беженцев — это мужчины, молодые и сильные. В отличие от распространенного мнения всего лишь 25% беженцев — из Сирии. Более того, оппозиционный лидер Иордании Мудар Захран отметил, что 75% сирийских беженцев на самом деле приходят из безопасных зон.

Это экономические мигранты, которые воспользовались возможностью убежать в богатые страны с щедрой системой социального обеспечения из-за текущего военного кризиса. Это не означает, что Европу обманывают, но, с другой стороны, такая ситуация не сложилась бы, если бы Европа не хотела быть обманутой. Статистические данные говорят о том, что 63% немцев поддерживают политику Ангелы Меркель. Поражает то, что 37% из них предпочитают продолжать текущие уровни миграции, а 22% убеждены, что поток мигрантов стоит увеличить. В большей степени это отражает утрату христианской идентичности.

Нападения мигрантов происходят по всей Европе. Но то непротivление злу, которое воспитали в европейцах, проповедуя толерантность и политкорректность, нередко приобретает характер очевидной патологии. Британская Daily Mail рассказала о том, как беженец из Сомали изнасиловал норвежского левого политика Карстена Нордала, у которого не было отклонений в половой ориентации. Суд приговорил мигранта к 4,5 года заключения и высылке из Норвегии в Сомали. После того как его изнасиловал мигрант, политик впал в депрессию и хотел избавиться от этого воспоминания с помощью алкоголя и наркотиков.

Приведу в связи с этим еще один пассаж из Веллера, чтобы стало яснее, откуда всё пошло: *«В 1971 г. выходит эпохальная книга, библия политической философии — «Теория справедливости» Джона Ролза. Практическим следствием этого многостраничного труда было внедрение в мозги и в практику второй части второго принципа справедливости по Ролзу. А именно: перераспределение ценностей в государстве должно производиться в пользу малоимущих путем отчуждения у многоимущих. Грубо говоря: от каждого по способностям — каждому по потребностям. Ну — в реальных и разумных пределах. Вот такой вульгарно-коммунистический тезис, которым нам плешь проедали на уроках обществоведения в советской сред-*

ней школе. Но здесь он был подан в обрамлении массы ученых аргументов и рассуждений.

Вы понимаете: социальные отношения должны быть, как в семье, где сильный и богатый заботится о слабых и не зарабатывающих детей или больных братьях, и так далее. Не требуя отдачи — а из любви и человечности. Интеллектуалы Запада заужали себя за понимание этих взглядов и практическое их применение. Свято веря: это истина, умная и хорошая.

Дармоеды и паразиты всех мастей взвыли от счастья. Удовлетворение их потребностей за счет работяг получило не только силу закона, но силу моральной максимы! Бесплатные: квартира, образование, медицина, продуктовые талоны, гуманитарная одежда и денежное пособие — на карманные расходы! А на хрена работать? Принудительный труд — мерзкая отрыжка тоталитаризма.

Ты пашешь? Ну и плати налоги, сволочь! А я заслуживаю помощи. Психологию личности, а в общем и психологию социальную, теория справедливости Ролза выполнять не желала. Блаженная маниловщина оказалась выполняема в эпоху чрезвычайно эффективного производства и перепроизводства.

Работяги приходили в бешенство от необходимости содержать наглых паразитов. Им объясняли, что это закон, а они должны быть добрее и человечнее...»

Веллер точно описал реакцию «работяг». Она одинакова и в Европе, и в США, и в России. Рядовой налогоплательщик, даже весьма далекий от политики, задает себе вопрос: почему я должен оплачивать расходы на неизвестно откуда свалившегося мне на голову мигранта? почему государство у меня отбирает, а ему дает те блага, которые мне положены как коренному жителю и гражданину этой страны? чем я хуже этого беженца? Вопросы закономерные.

Президент Франции Франсуа Миттеран произнес в 1989 г.: «Всякому терпению приходит предел», имея в виду пропорцию иммигрантов в обществе. В 1990 году премьер-министр, социалист, Мишель Рокар заявил, что «Франция не может принять у себя все беды мира».

А между тем та же канцлер ФРГ Меркель засылает в маленькую деревушку, где всего 100 человек коренного немецкого населения, почти 700 мигрантов из Африки и Ближнего Востока не потому, что она начиталась Кьеркегора, Хаксли или Ремарка с Бёллем и в результате воспарила в самые выси человеколюбия, а потому что получила на этот счет прямое указание на одной из Бильдербергских встреч непосредственно от главарей мировой закулисы.

Ангела Меркель родом не из просоветской Восточной Германии, как многие думают. Она родилась в Гамбурге (ФРГ) в 1954 г. Только вскоре после рождения Ангелы ее семья сделала нетипичный выбор, переселившись на восток. Отец Меркель, пастор лютеранской церкви, основал семинарию в ГДР и занял пост директора дома инвалидов. Благодаря своему привилегированному социальному положению он часто совершал поездки на Запад. Меркель вступила в государственную молодежную организацию Freie Deutsche Jugend («Свободная немецкая молодежь»), став в итоге секретарем отдела пропаганды и одновременно сотрудничала со спецслужбой ГДР «Штази». Именно в этом ее «советском прошлом» немецкие правые усматривают истоки ее «интернационализма» по отношению к беженцам: мол, воплощает в жизнь коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Николя Бонналь разобрался в этой ситуации куда лучше, чем Веллер. Он пишет в одной из своих статей, что в ноябре 1989 года, когда уже стало ясно всем, что «социалистическое содружество» долго не протянет, ЦРУ предприняло попытку завербовать ряд должностных лиц «Свободной немецкой молодежи». Через месяц Ангела Меркель резко сменила политическую ориентацию и присоединилась к «Демократическому возрождению» — движению, вдохновленному Христианско-демократической партией, которая считалась всегда на 100% проамериканской. Второго мужа Меркель, Иоахима Зауэра, наняла американская компания Biosum Technology, после чего Зауэр год отработал в лабораториях Пентагона в Сан-Диего. Позже он устроился в компанию Accelrys, также сотрудничавшую с Пентагоном. В 2003 г. канцлер Герхард Шредер выступил против англо-американской интервенции в Ираке, после чего Ангела Меркель написала «смелую» статью в Washington Post, в которой разнесла доктрину европейской независимости Ширака—Шредера, выразила благодарность Америке, заверила в своем дружественном настрое по отношению к США и поддержала эту скандальную войну. «Тот, кто отказывается от военного вмешательства в качестве крайней меры, ослабляет давление, которое необходимо оказывать на диктаторов, и не снижает, но усиливает вероятность войны» — написала она в этой верноподданнической статье, призвав в ней европейцев следовать в кильватере американской внешней политики. Так что с канцлером всё ясно. Оказалось, что казачок-то засланный. К тому же — перевербованный.

Увы, европейские лидеры как один, за редким исключением, говорят «яволь!» на все указания из Вашингтона. А там

на каждого есть свой крючок, свое досье, свой компромат. Кризис на Украине и история с введением санкций против России показали, что в своей внешней политике страны ЕС утратили самостоятельность, так как антироссийские санкции, незаконные с точки зрения международного права, и ответные российские меры привели европейскую экономику к гигантским убыткам. Потеряли свою независимость и европейские СМИ, что показывает наглядно их освещение событий на Украине, в Донбассе, в Крыму и в Сирии. Европейские парламентарии, посетившие летом 2015 г. Крым с целью самим увидеть, что там реально происходит, были поражены прежде всего тем, что увиденное ими ни в коей мере не соответствовало тем «ужасам российской оккупации», которые расписывают их отечественные СМИ, контролируемые медиамагнатами Европы и США. Это всё те же «симулякры», с помощью которых стратеги «гибридных войн» развалили и погубили Ливию. Пресс-секретарь МИД РФ Мария Захарова рассказала в связи с этим об одной из встреч на Генассамблее ООН в Нью-Йорке, где представитель одной из подконтрольных США стран сказал нашей делегации: «Запомните: мы не согласны с тем, что вы делаете, и мы будем делать всё, чтобы создавать видимость неправильности ваших шагов». И добавил ставшую знаменитой фразу: «Восприятие важнее реальности».

Не только ближневосточные вассалы США, но и Евросоюз на глазах теряет свою самостоятельность, что проявилось особенно наглядно во время украинского кризиса и в ходе операции «Беженец». В том, что это не стихийное нашествие, а именно спецоперация, теперь уже мало кто сомневается.

Не преувеличение ли это? Не обвинят ли меня в искусственном нагнетании страхов и разжигании вражды к Западу? У меня после того, как я на этом Западе в общем и целом провел более 20 лет в качестве корреспондента «Правды», такая вражда не возникла. Запад — понятие неоднозначное. Как и везде, там нормальные, по большей части нелегко живущие люди, и их нам понять и принять за своих, даже подружиться, несложно. Другое дело — тот Запад, для которого торгашеские ценности стали духовными, а духовные обращены в предмет торга. В 1981 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла моя книга «Над пропастью во лжи», которую я так назвал по аналогии с известным романом Сэлинджера «Над пропастью во ржи», вышедшем ровно за тридцать лет до этого. В той книге, заголовок которой у меня потом не раз крали, я приводил слова бывшего президента США Джимми Картера, произнесенные им в День Победы 9 мая 1980 г. в

муниципалитете города Филадельфии, где его предшественник Томас Джефферсон подписал когда-то Декларацию независимости: «Нам завидует весь остальной мир... Соединенные Штаты — это сверхдержава не только потому, что это сильнейшее государство на земле в военном, экономическом и политическом отношении, но также еще и потому, что, по моему мнению, мы сильнейшее государство на земле в моральном и этическом плане. Мы верим в права человека не только для себя, но и для всех других». Да, по силовой части был прав правоборец Картер. А вот по части моральной лгал безбожно. Эта ложь, постоянное оправдание всех преступлений США заботой «о правах человека» действительно привели человечество к краю пропасти. Это было очевидно уже тогда, когда я писал ту свою книгу. В наши дни сам Картер осознал, видимо, что так оно и есть. Он выступил против лжи Вашингтона об «аннексии Крыма» Россией и против лжи об «агрессии России против Украины в Донбассе». Но самое сенсационное — Картер не только публично выступил против лжи официального Вашингтона об операции российских ВКС в Сирии, но даже передал России карту с нанесенными на нее объектами ИГИЛ, составленную его картеровским центром для лучшей ориентировки наших бомбардировщиков.

Так что есть Запад и Запад. Первый стремится понять Россию и с ней сотрудничать во имя будущего человечества. Другой — ненавидит ее и своей ложью о нашей стране подталкивает человечество к пропасти.

ПОВЕСТЬ О БЕССМЕРТНОМ СЕРЖАНТЕ

Глава первая. БЕГ

Октябрь 41-го. Шестьдесят пехотных, танковых и моторизованных дивизий Группы армий «Центр» начали операцию «Тайфун» — мощный и стремительный рывок на Москву, который должен был окончательно решить судьбу похода германской армии на восток.

На брянском направлении танкам и мотопехоте 2-й танковой группы генерала Гудериана противостояли войска Брянского фронта, в том числе 50-я армия генерала Петрова. В первые же дни немецкого удара фронт армии был разрезан, и её дивизии, полки, а порой батальоны и отдельные отряды сражались изолированно. Те, кто выжил и выдержал первый натиск, отходили к Туле. К Туле стремились и танки Гудериана. Началась гонка. Кто первым займёт город и оборонительный район в окрестностях. Две массы войск, утопая в грязи, спешили на восток. Одни — чтобы занять удобные позиции и оборонять город и тыловую Москву на заранее подготовленных рубежах. Другие — чтобы лишить войска противника,

ПРОЗА

сбитые с позиций под Брянском, всякой опоры и на их плечах ворваться в Москву.

Командарм Петров, герой Испании, погибнет в пути. Армию возглавит другой генерал — Ермаков. Энергично проведёт перегруппировку остатков частей, вышедших к Туле, и с ними остановит танки Гудериана. Генерала Ермакова вскоре после этого отдадут под суд, но это уже другая повесть...

Солдаты, отступавшие в те дни и ночи по разбитым дорогам Брянщины к Туле, ничего этого не знали. Они просто бежали на восток, к Москве. Никто из них не мог и предполагать, что ждёт их в конце пути. И где этот путь закончится для них. Бегущим всё казалось пропавшим, уничтоженным, раздавленным гусеницами немецких танков, сожжённым точным огнём чужой артиллерии. И собственные жизни им представлялись случайными химерами, которые вот-вот тоже растают, растворятся в дымке бесконечных дорог, в нежной до слёз белизне перелесков, превратятся в землю и дождь.

— Наше дело какое... — рассуждал пожилой сержант Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. — Наше дело — солдатское. Приказали бежать, мы и бежим. Бежать — не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться. — И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошёл густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, этот его дух скручивался в такой ядрёный жгут, что им, как в те минуты казалось Отяпову, можно было повалить любую вражью силу. Потому, должно быть, он и улыбался в одиночку. Улыбался, изо всех душевных сил стараясь не унывать, сержант Отяпов ещё и для того, чтобы хоть как-то справиться со страхом и собственной бессмысленной злостью. Правда, смысл-то у его злости был, но выхода той злости случая пока не представилось.

Третьи сутки полк на марше. Но марш складывался по какому-то несуразному уставу. Порядка того устава никто не знал, но следовать ему — куда деваться? — приходилось. Командиры стали неразговорчивые. Видать, думал себе сержант Отяпов, всё это оттого, что на прежних позициях много добра покидали, а теперь за такую бесхозяйственность и, если строже смотреть, форменное вредительство придётся отвечать перед родиной и народом. Но народ-то, перед которым надо было держать ответ, и сам бежал, горбясь под мокрым снегом в промокших шинелях и ватниках. И то хорошо, что хоть винтовки не побросали. А родина всё не кончалась и не кончалась. Правда, дороги становились всё хуже и хуже.

— Ты, Отяпов, своим штандартом тут перед нами не маши, — сказал ефрейтор-связист, прибившийся к их взводу по дороге.

— А что такое? Аппетит испорчу? Так все одно с утра ничего не ели и, видать, до утра ничего такого не предвидится.

— Вот выйдем к Рессете, там, в Хвастовичах, стоят наши дивизионные тылы. Там нам и кухня, и отдых. Так что, ребята, не падайте духом. — Ротный стоял чуть поодаль, под разлапистой елью и тоже нервно курил, заглушая голод и тоску.

Обсушиться они и на этот раз не успели. Пронеслось по лесу, от костра к костру вдоль остановившейся на час-другой солдатской реки-дороги:

— Тушить костры! Приготовиться к маршу!

И снова двинулись по осенней слякоти, изнашивая остатки обуви, которая первая страдала во время любых неурядиц. Вот, думал сержант Отяпов, с беспокойством поглядывая на свои ботинки, и спать вам не надобно, и есть не просите, а силу свою изнашиваете прежде моей, человеческой. Ещё месяц назад он получил со склада совсем новенькие ботинки. Крепкие, как борона. От них сладко пахло дёгтем и кожей. И сносу им, казалось, не будет. А что он в них повоевал? Какие такие сроки? Неделю и два дня. До этого нёс службу при дивизионной прачечной. Контингент там, что и говорить, оказался не окопный. Бабы и есть бабы. С ними одна война. Но всё же было повеселее. А тут вон и шутки никто не понимает...

В левом ботинке неприятно похолодало, а вскоре и вовсе захлопало. Что ж ты, боец, с досадой поглядывал на свой ботинок Отяпов, так скоро из строя запросился? Да, вот попробуй, хоть какой ты будь командир, но прикажи ему, ботинку, воду не пропускать! Хрен он тебя послушается. А ты, сутки некормленный, с десятью патронами в подсумке, изволь, исполняй то, что тебе прикажут. А что прикажут? Приказ бойцу всегда един — родину оборонять. Вот и оборони её, с десятью-то патронами... Хорошо, что придумал Отяпов себе вот какое облегчение жизни: выменял за горсть табака у ефрейтора-связиста новенькую пару фланелевых портянок, подвернул их, сверху обмотки, и — как всё равно в сапогах! Но где-то сбоку начал расходиться шов, видать, раскис. Сырость, грязь, непогода... Надо бы просушить ботинок, почистить его и подбить свежими деревянными шипами. Но где о таком думать в этой кутерьме?

Спать на ходу для Отяпова — дело тоже привычное. Лишь бы на чей-нибудь штык не напороться. А то споткнётся кто из впереди идущих, выставит свою винтовку с примкнутым штыком, а ты — на него. Хорошо, народ почти побросал свои

штыки. Ни к чему они теперь им, бегущим. Только за берёзки цепляться, движение задерживать. Но побросали не все.

А дрёма так и охватывает, так и ласкает тело. Натурально бабья натура у этой дорожной усталости... Нет сил отгонять её. Так и прилёт бы сейчас под любым кустом, хотя бы вон под тем, или под тем, где мох погуще. Да, мечтал сержант Отяпов, прилечь после такой дороги — дело самое подходящее и простительное. Не посмотрел бы ни на сырь, ни на что. Притулил бы голову на мягкий мох, раскинул руки. Только бы выпался всласть, а там будь что будет...

И посреди этих своих сугубо личных мыслей встрепенулся Отяпов, открыл глаза и увидел идущего рядом старшего лейтенанта Безлесова. Тот, похоже, тоже на него глянул. «Как бы не догадался, о чём я только что возмечтал», — беспокойно подумал Отяпов. Вспомнил вечернее происшествие...

ЧП случилось, когда только-только начало смеркаться и дивизия, закончив днёвку, побатальонно начала выдвигаться на лесную дорогу. Из роты пропали двое. Отяпов их знал. Тамбовские. Вроде бы хорошие, надёжные ребята. На Десне лежал с ними в одном окопе, когда немец налетел самолётами и начал обрабатывать тяжёлыми бомбами передний край оборонной полка. Ничего, бомбёжку пережили благополучно, медвежатиной от них после налёта не пахло. Потом отбивали танковую атаку. Один танк прошёл через их окопы, и артиллеристы подожгли его уже в тылу, возле блиндажей санчасти. Но и тут тамбовские не сплеховали. Стреляли, как все, отсекали пехоту. Пехота — на танки, но через их окопы не прошла.

И вот — ушли с поста. Смена пришла, а их и след простыл.

Роту послали на поиски. Прочесали ближайший перелесок, нашли. Сперва винтовки. Они их побросали в куст. Подсумки, гранаты, всю боевую амуницию. Навоевались. А потом поймали, похватили и самих беглых.

Расстреливали перед дорогой, чтобы видел весь полк. Зачитали приказ. Вырыли ямку. А полковая колонна всё шла и шла мимо, и все смотрели на тамбовских, как они стояли над ямкой под берёзой белые как мел и ждали каждый своей пули.

Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов машинально, словно от вспышки близкого разрыва, закрыл глаза. И, пока не бахнул залп, не открывал. Смотреть на то, как умирали тамбовские, не хотелось. Отяпову почему-то их было всё же жалко. Хоть и присяге они изменили, и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но всё же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы и не расстреливать бойцов за малодушие, за трусость и прочие отвратительные проявления, достойные всяческого осужде-

ния и даже презрения товарищей по оружию. Пострадать, попозорить, но жизнь оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле берёзы затворы.

А некоторые смотрели. И потом обсуждали, вспоминали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские तोпопливо закапывали...

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них, конечно же, стыдно. Но вот сейчас через шаг-другой отвалится подмётка, и — что тогда ему, сержанту Отяпову, делать посреди фронтовой дороги? Как воевать дальше? Нет, угрюмо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование всё же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшины забрали в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из того обменного склада справедливо и заслуженно перепало.

За этими мыслями, которые совсем истерзали Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда, к большаку, по которому шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сёк, со звоном, буд-то колючей проволокой, царапал по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, если через два дня Покров? Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, сокол ясный, пёс клыкастый... Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. Если не прилетит, загадал Отяпов, значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел.

Второй снаряд лёг уже поближе к дороге. Видно было, как блеснуло за деревьями, и чуть погода посыпались по кустам осколки. А третий на куски разнёс санитарный фургон. Машина стояла на пригорке перед ложиной, и из неё перегружали на повозки раненых. Видать, закончилась горючка. Вот как неудачно остановился. Слишком видное место. Шофёр-то, видать, растяпа...

— Господи, Иисусе Христесе. — И Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, но им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

— Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу перетаскаться через

лошину. Дорогу совсем растолкли. Вперёд ушли танки и бронетранспортёры. Тракторы протащили тяжёлые орудия. И теперь телеги по ступицы проваливались в колеи, заполненные густой осенней жижей. Такая только к весне затвердеет, в нормальную дорогу превратится. Или когда приморозит. Кони лезли из гужей. Да, думал Отяпов, глядя на старания коней, нам несладко тут о смерти думать, а какого им...

— Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, — приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или какая-нибудь просьба, которую наверняка никто не выполнял.

— Да какой тебе закурить, — терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. — Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут... Тут германец не разрешает. Так что терпи.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади. — Шире шаг, мать-перемать! — кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обугленное дерево, он стоял на взгорке и размахивал чёрным трофейным автоматом без магазина. Всё перепуталось, думал Отяпов, торопя идущего впереди ефрейтора-связиста:

— Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит серёд дороги.

— На дороге — не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе...

Переправа, как понял Отяпов, совсем скоро. К ней и тянулись батальонные колонны и обозы.

Рядом уже несколько километров тянулся санитарный обоз будто прилип. Раньше его не было. На раненых смотреть было тоскливо.

— Дядя Нил, подсоби! — услышал он вдруг знакомый голос.

Присмотрелся: господи Иусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, его свояченицы племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. А теперь вот тоже тут, в шинельке да в пилотке.

Лидка нахлестывала серого исхудалого коня, до плеч забрызганного дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что голова его билась о грядку. Отяпову даже показалось, что Лидка везёт мёртвого. Совсем одурела девка. Мёртвых складывали у дороги, мёртвых дальше не везли. А на их место тут же притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах. Телеги не пустовали.

— Ты ж откуда, дочка, в наш ад свалилась? — посочувствовал ей Ояпов, подтолкнул к повозке ефрейтора Курносова и сам как следует налёг на полук.

Ещё двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь почувствовал помощь, полез по грязи, как чёрт, и через минуту-другую они уже весело бежали, то ли подталкивая полук, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под солдатским одеялом и вдруг узнал в нём комбата. Толкнул Лидку.

— Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Ресеты, — упреждая его взгляд, сказала Лидка и отвернулась.

— Куда ж его ранило? — тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответит Лидка.

Но она ничего не сказала. Будто не расслышала. Бойтся, подумал Отяпов. Или бойтся, или, чего хуже, жалеет этого дезертира.

— Скидай его в канаву, сук-кина сына! — И Отяпов потянулся, чтобы перехватить вожжи.

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала нахлёстывать коня, и тот понёс повозку обочиной, испуганно обгоняя понуро бредущих бойцов.

Вот жизнь, думал Отяпов, твою капитана-мать... А ведь — капитан, со шпалой в петлицах. В такое время батальон бросил...

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дурёха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Надо ж, в одном батальоне, а ни разу не встретились.

Пока выталкивал из грязи повозку с пьяным комбатом левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом — полной рекой... Твою-капитана, про себя выругался Отяпов, но о комбате уже не думал. Думал о Лидке.

Что злиться на Лидку? К тому же приказ ей отдан... А коли приказ, то как быть военному человеку? Исполнять! А как иначе?

А вот он бы поступил иначе. И Отяпов вспомнил, как в тридцать шестом с мужиками искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено всё в лугах, растрясено, мокнет, гниёт. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку

затеяли. Ну и нагрянули колхозники к ним на честной пир, вытащили всех троих на пруд и искупали в ряске... Чуть не посадили. Хотели припаять неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем. Такие нынче при больших штабах...

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хрюскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперёд. Её глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов давно потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, связист, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом хорошенько скрутил ботинок. Теперь даже вода меньше поступала внутрь, и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и потеряется в грязи. Спасали, конечно, портянки. Да провод Курносова. Вот спасибо ефрейтору, не зря что связист.

Впереди открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в плотное серое стадо, шёл, колыхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нём чувствовалось нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались по сторонам, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но сломанные оглобли тут же скручивали ремнями, и кони снова шли вперёд, в том же потоке.

— Давай, Курносов, не отставай, братец, — торопил Отяпов связиста.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторней и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие, и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотиной и горячим тухлым воздухом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулемётного расчёта. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для ДП¹. Надо бы помочь пулемётчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перерубило другой: не справлюсь, не донесу, уж больно парень велик для моих плеч, эх, твою-капитана, всех не вынесешь, не спасёшь. Кому-то и тут лежать...

— Держи, не потеряй! — И Отяпов сунул сержанту свою винтовку.

Пулемётчик действительно оказался тяжёлым. Глубже стали протопать ноги в жидкой болотине. Хорошо, что сапёры загатили колею, и вязанки хвороста всё же кое-как держали, пружинили под ногами, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпов с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперёд, так что он едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою жизнь. Курносов хрипел рядом. Только бы не бросил мою винтовку, беспокоился Отяпов. Только бы снаряд не попал в настил...

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, брёвна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

Глава вторая. БОЙ У БОЛОТА

Отяпов встал на колени, соскоблил грязь с лица. Глаза видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала разглядеть всё, что происходило вокруг. Рядом карабкался ефрейтор Курносов. Похоже, он был жив. Пулемётчик, тоже живой, лежал рядом и смотрел на Отяпова с надеждой. По щекам его текли слёзы. Совсем молоденький, лет, может, восемнадцати. Отяпов разглядел его ещё на марше — уши из-под пилотки торчком, шинель — как на горбатом. Явно из последнего пополнения.

— Не брошу я тебя, не брошу, сынок. Как-нибудь поволоку.

Он встал и начал поднимать пулемётчика. Тот, как мог, помогал ему, карабкался на спину, хватался за скользкую мокрую шинель. Отяпов уже знал, что не бросит пулемётчика, что бы ни случилось.

Лес был рядом. Туда сломя голову бежали те, кому удалось перебраться на другой берег.

Левее послышалась стрельба. Отяпов прислушался и сразу всё понял: вот те на, твою-капитана, называется, ушли, вырвались...

По краю болота бежали немцы. Они старались держать цепь, время от времени останавливались, некоторые припадали на колени и торопливо стреляли из винтовок. Ключки пламени взблескивали по всей цепи. Стреляли они то куда-то правее, то прямо в них. Но ни одна пуля ни в кого поблизости не попала.

Вот тебе и вышли из окружения...

Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. «Эх, некому подать команду», — лихорадочно соображал Отяпов. Да и винтовки у него нет. Только горсть патронов в подсумке.

— Стой! — закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. — Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захрустели затворы. Мелькнула, как девка во сне, надежда.

— Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

— Эх, мать вашу германскую разэтак!.. — весело матерился Отяпов.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал ефрейтор-связист и тоже вёл огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с длинными копыями винтовок наперевес.

— Наши!

Возле болота началась рукопашная. Но Отяпову и его товарищам было не до неё. Куда им в это месиво лезть? И не разобрать, где свои, где чужие. Можно и под свои штыки попасть.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка напуганная, в глубоко надвинутой пилотке. Лицо изгваздано грязью и кровью. В повозке по-прежнему лежал, болтался на ухабах пьяный комбат и бился головой о грядку.

— Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! — И Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. — Вези, доченька. С богом.

И они, всем своим случайно сбившимся в кучу подразделением, навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в лес.

В лесу комбат пришёл в себя и начал выбираться из повозки. Его мутило.

— Эх ты, шваль подколёсная, — вслух думал о нём Отяпов. — Сколько нынче хорошего народу побило, а тебе хоть бы что... Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Надо было отвернуться, чтобы не смотреть на позор своего командира. И он отвернулся. Это он сейчас такой, подумал Отяпов, а завтра протрезвеет, осмелеет и опять ими командовать кинется, орлом заходит...

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы. Тащили пулемёты. Ездовые гнали повозки, нагружен-

ные миномётными трубами и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худославый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал чёрный трофейный автомат. Теперь в автомате торчал длинный рожок. Капитан подошёл к ним, заглянул в повозку.

— Капитан Титков? — Взглянул на Лидку, которая ни жива ни мертва сидела, поджав ноги, на грядке. — Что с ним? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, выброшенного к ногам, обгадил и их.

— А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! — Капитан резко опустил автомат и оттянул затвор. — Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят... Как там приказывал товарищ Сталин? — И капитан пронзил холодным блеском оставившихся глаз Отяпова. — А товарищ Сталин приказывал: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно приказал: трусов и дезертиров...

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушились на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали кто где стоял. А когда подняли головы, ни капитана, ни его подчинённых ни возле повозки, ни поблизости нигде не увидели. Только голос его, хрипловатый, с тугой металлической окалиной рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

Все в лес, подальше от этой проклятой реки, подумал Отяпов, а этот назад пошёл, и людей своих повёл. Вот кому сам чёрт не брат. Вот это капитан. С таким и умереть не страшно. Нет, братцы, не всё ещё пропало, засмеялся он через силу, есть и в нашей войске смелые и гожие для хорошей войны люди.

Они заташили на повозку своего комбата. Исполнять приказ капитана не стали. Кто стрелять в своего комбата будет? Лидка протёрла клочком соломы, выдернутой из подстилки, его заблёванную шинель.

— Вези, Лидка, — махнул рукой Отяпов. — Что ж делать. За него ведь и такого с тебя спросят. Да парня не брось. Спасибо за перевязку. Даст бог, выживет. Вези скорей. Выходишь — жених тебе будет. Смотри, какой парняга...

Возле дороги строили вышедших. Командовал лейтенант в кожаной куртке и ярко-рыжей, как на парад, новенькой портупее.

Отяпов с ефрейтором и другими, кто не отставал от них, тоже стали в строй. Хорошо, что Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей портупеей, и ему тоже поступал бы в лоб наганом:

— Где винтовку бросил, сучье отродье! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности! — Так он внушал тем, у кого при построении не оказалось в руках личного оружия.

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клюнуть. Револьвер он держал в руке.

— Наша задача — не дать противнику захватить переправу! Оттеснить в болото... Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

— Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят, — толкнул его ефрейтор Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы, мясные или рыбные. Любые хороши. Лучше бы, конечно, мясные...

Лейтенант скомандовал «вольно». У кого имелась махорка, сразу закурили. Ждали обещанные консервы и сухари. Продукты действительно вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь шербатым ртом, сказал:

— Ну, налетай, кому пряного посола не хватило!

«Пряного посола» хватило всем. Скумбрия в масле — тоже вещь хорошая. У связиста Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко, одну и другую, крутанул им крышки консервных банок. Облизал плоское лезвие, сунул его, чистое, за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пустеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только запах. Но и пустую её выбросить было жалко. И только когда Курносов поднёс каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и расстегнул крайний подсумок. Патроны были уже в обоймах. Снаряженные. Это хорошо. Меньше возиться с обоймами.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и подошёл к старшине.

— Тебе чего, папаша? — спросил старшина.

— Да вот... — И Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом. — Обужи сменной на вашем складе, случаем, не имеется?

— Имеется, — живо согласился старшина и указал за со-
сны, где были сложены в ряд убитые во время миномётного
обстрела. — Любого размера и фасона. Можно даже подо-
брать трофейные — с железными подковками. Из самой Гер-
мании, биё-мать...

Эх, в рыло бы тебе, складская душа, подумал Отяпов, гля-
дя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирём редкие зубы
старшины.

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого
лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паёк и
патроны.

— Ну что, Гусёк, нашёл свою судьбу? — окликнул бойца
лейтенант.

Он всё ещё держал наган в руке, словно и вправду поджи-
дал посланных за брошенными винтовками.

— Нашёл, товарищ лейтенант. Там, возле моста уронил...
Обстрел начался, ну я и...

— Молодец! Даже если винтовка не твоя. Становись в строй!

Интересно, Гусёк — это фамилия или прозвище? Отяпов
разглядывал бойца. Невысокий ростом, длинная не по рос-
ту шинель. Такие урезают на ладонь — на фитили для коп-
тилок.

Пошли. Гусёк всё время держался возле Отяпова и ефрей-
тора. Связист помог ему откупорить банку с рыбными кон-
сервами. Гусёк буквально проглотил её содержимое. Масло
текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и
улыбался счастливой улыбкой. Как-никак, а всё же поел
перед смертью.

— Расстрелял бы, — кивнул Гусёк на лейтенанта, который
шёл впереди с наганом в руке. — Если бы винтовку не нашёл,
как пить дать, расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой...

— И правильно бы сделал, — не оглядываясь на бойца,
угрюмо сказал боец, шедший вереди; лицо его, небритое, блед-
ное, не выражало ничего, кроме крайней усталости.

— Да я ж нашёл! Вот она! — радостно оправдывался Гусёк
и тряс в руках винтовку. — За что ж меня расстреливать?

Да, подумал Отяпов, ротный тут — личность свирепая. Где
теперь его рота? Где старший лейтенант Безлесов? Почему он
с чужим ротным идёт куда-то? А куда идёт? Видать, в бой.
Немцы рядом. Их только отогнали к болоту. Там они. Там. В
любой момент могут появиться.

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как
серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими
дорогами, должно быть, только что пробитыми, стал тороп-
ливо втягиваться в лес на восточном берегу Ресеты.

А куда вёл их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дёртали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам всё время везёт? Вот и капитан его не расстрелял. И на мосту под снаряды не попал. И немцев вовремя от переправы отбили. И сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры-Лидки. Бабы — они такие... Без разбору мужиков жалеют.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел «максим», делая небольшие паузы. Очереди длинные, такие делает неопытный пулемётчик. Или противника не видит, да и лупит набум лазаря, чтобы только командир не бранился, что не ведёт огонь по противнику. Или, наоборот, противник весь, вот он, перед фронтом.

Из-за деревьев им навстречу выбежал ещё один лейтенант.

— Вот, кого смог набрать... Шестьдесят два человека при двух пулемётах. — Лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. — Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку за сутки бросает. Пристрелить — патрона жалко. — И лейтенант засмеялся. Смеялся лейтенант вроде и не зло, но кто его знает, чужого командира.

Гуська трясло. Он водил по прицелу грязной протиркой, продувал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов.

— Сидят, не рыпаются? — спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

— Пока сидят. Но, думаю, скоро полезут. — Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще, в стёганую телогрейку и будёновку. В руке ППШ.

— Без поддержки миномётов или артиллерии не полезут. Ждут усиления.

— Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго взвода поймали возле болота. Показал, что из полка «Великая Германия», что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе.

— «Великая Германия»... Всё у них великое...

— Хорошо, что погода нелётная.

— Да. Туман. Хоть что-то... Всерьёз за нас взялись. «Великая Германия». Сидят в болоте и не рыпаются. Побольше бы людей да пару миномётов, и заставили бы эту «Великую Германию» здешнее болото ноздрями выхлёбывать...

Немного погодя лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушёл на левый фланг. Другой, сбив на затылок будёновку, оглянулся на них:

— Приготовиться к атаке. Штыки!..

Какие там штыки... Штыки давно уже побросали, лиш-
ний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки
у него дрожали, и штык никак не защёлкивался. В конце
концов он его бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону.

— Дай-ка сюда. — И Отяпов ловко, одним движением на-
садил штык на ствол Гуськовой винтовки. — На, воюй по
уставу.

— Пошли, — негромко и не по уставу сказал лейтенант,
встал и, не пригибаясь, в полный рост пошёл вперёд.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда не-
мецкий пулемёт срежет храброго лейтенанта. Но тот вошёл в
просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча ППШ.
И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-
за сосны и понесла вперёд, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться
поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото запыло туманом. Виднелись лишь сухие шесты
олях, будто воткнутые в снег.

Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шёл, а потом, поняв, что бойцы подня-
лись, побежал вперёд. Он бежал быстро, как мальчишка,
которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу
своей смерти так спешишь, хотелось окликнуть лейтенанта
Отяпову. Сержант едва поспевал за ним.

И тут произошло то, о чём потом вспоминали выжившие,
и помнили всю войну, потому что такое, даже на передовой,
случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послы-
шался смутный шум, похожий на движение многих людей.

Вот они, понял вдруг Отяпов, и, испугавшись, что бежав-
шие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попы-
таться залечь или как-нибудь по-другому уклониться от не-
минуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

— Держи строй, ребята!

Немцы шли навстречу — ровной цепью с поразительно
одинаковыми интервалами. Ни выстрела, ни крика команд.
Они уже всё решили, как разделаться с их отрядом и двумя
храбрыми лейтенантами.

Туман в один миг будто рассеялся. И они увидели, что ров-
ные столбики, вышедшие из болота, движутся на них полу-
кольцом, охватывая с флангов. А значит, их больше, с ужа-
сом понял Отяпов, если решили окружать. Но теперь надо
было думать уже о другом. А лучше вообще ни о чём не ду-
мать, чтобы не мешать ни себе, ни своим товарищам.

Вначале всё делалось молча. Потом разом зарычали, завывали на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились те, кого вёл лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных.

В какой-то миг Отяпов успел увидеть, как Гусёк обогнал его и, держа винтовку со штыком на вытянутых руках, чтобы она была длиннее, кинулся в расступившийся туман, но тут же упал, то ли споткнувшись, то ли сбитый с ног пулей или ударом немецкого приклада. И это его спасло от другого приклада, который немного запоздал и только чиркнул металлической накладкой по каске Гуська.

Отяпов боялся потерять винтовку. Он уже не думал ни о лейтенантах, ни о своих боевых товарищах Курносове и Гуське — винтовка стала его и командиром, и напарником. Он перехватил её одной рукой поперёк цевья, другой за шейку приклада и расчищал перед собой пространство, круша всё, что выступало из тумана и преграждало ему путь к переправе, к разбитому мосту, к лейтенанту, потерявшемуся в этой мутной смеси тумана и ужаса.

Рукопашная закончилась так же неожиданно, как и началась. Отяпов застал себя стоящим на коленях. Перед ним лежало тело человека, которого, должно быть, он сбил с ног минуту назад. Одето оно было в тёмно-зелёную шинель с погонами. Рядом лежала винтовка с примкнутым широким белым штыком, похожим на нож.

— Живой? — Кто-то знакомый наклонился к нему, заглянул в лицо, нелепо улыбнулся.

— Ну что ты головой трясешь? Как конь перед бороздой... — сказал другой. Кому это говорили? Неужто ему, Отяпову? Он потрогал свою голову. Ничего, голова была в каске, каска цела, значит, и голова тоже.

— Пошли, пошли...

А голоса хоть и знакомые, а доносятся будто издалека.

Вот и лейтенант. Тот, первый, злой, в кожаной куртке. Теперь у него в руке немецкий автомат. Смеётся. Довольный. Видать, повезло ему, по шее не попало. А где другой, молодой, с ППШ?

Под сосной складывали убитых. Знакомых среди них никого нет. Как нет? Вот лежит, голова разбита, затылок словно косой срезан. Вот он, твой лейтенант, сержант Отяпов. Тот, кто тебя в бой повёл. Кто первый в свалку кинулся. Кого ты искал в тумане, чтобы рядом с ним быть. И буденовки на нём уже нет. Видать, потерял свою командирскую шапку...

Болела спина. Болело плечо. Болела левая рука.

— На вот, переобуйся. Далеко ли ты, разутый, уйдёшь? — опять этот голос. Голос хороший, сердечный. А рассмотреть лицо человека, который так заботливо разговаривал с ним, Отяпов не мог. Перед глазами плавал разноцветный туман. Как будто бабочки с диковинными крылышками порхали в жаркий июльский полдень над сырой лесной дорогой. Такие дороги он любил — едешь на телеге вдоль оврага, сено с лесного покоса везёшь, а они кругом летают, на холодную от пота рубаху садятся, на руки, цепкими лапками кожу щекочут..

Он сел и начал переобуваться. Новая обувка пришлась ему впору.

— Твой трофей. Заслуженный. Носи.

Голос он узнал. С ним разговаривал Курносов.

— А где моя винтовка? — спросил он Курносова.

— Винтовка тут, — ответил Курносов. — Гусёк несёт.

— Живой? — обрадовался он, что жив этот мальчишечка, который, как ему казалось, никак не мог выжить в том аду, который они только что пережили.

— Живой! Герой, брат, наш Гусёк! Немца заколол!

— Неужто?

— Твоего перехватил. Лежать бы сейчас тебе, Нил Власыч, под сосёнкой, если бы не Гусёк, — хвалил Курносов мальчишечку.

— Вот тебе и мальчишечка, — вслух подумал Отяпов. — Спасибо тебе, Гусёк.

Гусёк не ответил. Молча шёл рядом. Отяпов видел его тень.

— Не слышит. Спит, — пояснил Курносов. — Пускай поспит, пока не споткнётся. А спотыкаться ему не привыкать. — И Курносов устало засмеялся.

Глава третья. К ТУЛЕ

Уже стемнело. Накрапывал дождь. Вышли из леса. С просёлка свернули на пашню и пошли пашней. Потом пашня кончилась, под ногами загрела стерня. Не успели запахать, подумал Отяпов и потянул ноздрями воздух, пытаясь по запаху определить, что тут было сжато, овёс или рожь. Пространство пахло сырой шинелью да ружейной смазкой. Но хлебным духом откуда-то всё же веяло, и народ заметно заволновался. Хотелось есть. Отяпов по себе знал, что у голодного человека, как и у зверя, обоняние обостряется.

Зашли в деревню. Прислушались. Вроде тихо. На другом конце, за оврагом, гудели голоса.

— Немцы, что ль? — И боец, который прибудил к ним в пути, сдвинул каску набок, освободил ухо, прислушался.

Голоса затихли.

— Тебе, Тульский, теперь везде немцы будут мерещиться, — засмеялся Курносов.

— Будут, точно, — согласился Тульский.

На самом деле у бойца были другая фамилия и другое имя. Но когда он вышел на них в лесу и рассказал о себе, всем запомнилось главное, что он — тульский. А они шли к Туле. Какая такая надежда появилась у них с приходом в отряд Тульского, никто не мог понять определённо, но каждый из них в себе надежду эту чувствовал. Чувствовал и таил, и она согревала.

— И что, — переспросил его Гусёк, — из самой Тулы?

— Из самой. Из Заречья. Есть у нас в городе такой район, самый старинный. Живут там исконные туляки.

— Самоварники, — поддакнул Отяпов и подумал: вот бы сейчас кипяточку, покруче чтоб, да с чёрным сухариком...

— Нет, я с улицы Штыковой. У нас на Кузнечной слободе живут в основном оружейники.

— И что, в самом деле есть такая улица — Штыковая? — удивился Гусёк.

— Есть. И Штыковая, и Курковая, и Ствольная, и Пороховая, и Дульная.

— Забавный вы, должно быть, народ — туляки, — покачал головой Отяпов, слушая новоприбывшего. — Вот дочапаем до твоей Тулы, приведём тебя к отцу и матери живым и невредимым. Так ты нас тогда хотя бы покорми. А?

То, о чём не выдержал и сказал Отяпов, было частью их надежды.

Тульский задумался. Погодя сказал задумчиво:

— Мать щи с гусятиной по воскресеньям варит. А сегодня — какой день?

— Хреновый сегодня день...

Некоторое время шли молча.

Погодя Ванников, тоже приставший по дороге, вдруг сказал почти зло:

— Это ж почему только по воскресеньям?

— День такой, — сказал Тульский и улыбнулся, будто перед ним поставили тарелку щей с гусятиной.

— Хороший, должно быть, город, эта ваша Тула. Самовары у вас самолучшие. Пряники — тоже знатные. Пряник ваш, тульский, я раз как-то пробовал. Понравился. Ружья вон тоже делаете.

— Какие у них пряники?! — снова возразил Ванников.

— Ты, Калуга, мне просто завидуешь. У вас в Подзавалье² хлеб с мякинами пекут. Так что помалкивай.

— Да пошёл ты!..

Ванников лиховал — Калуга была занята немцами. А у него там, в Подзавалье, семья — жена и трое малых детей. Задумаешься. Отяпов стал приглядывать за Ванниковым — как бы чего не натворил. В таком настроении человек сам не свой, и ни за что не знает, на что его случай толкнёт.

Этот разговор у них случился в лесу. А теперь надо было думать о ночлеге и о еде. Об этом и думали. Зашли в деревню и вдруг спохватились: хорошо это или плохо? Не развели. Может, в деревне немцы.

— А я бы сейчас хлебца с мякинами... С превеликим удовольствием! — И Отяпов мельком взглянул на Ванникова; тот ещё сильнее нахмурился.

Гусёк вспоминал рукопашный бой. У него всё ещё тряслись руки и часто тянуло живот, хотя там ничего уже не было. В дороге раз пять отставал от отряда и присаживался под кустом. Что из него выходило, непонятно. Столько консервов он не ел.

Отяпов, наконец, выбрал дом, куда надо было стучаться. Именно от него веяло свежесдобитым хлебом. И он не ошибся.

— Здравствуйте, хозяйюшка, — сказал он, когда за дверью заскреблись и послышался вкрадчивый женский голос.

Женщина открыла и молча пропустила их в сенцы. Будто ждала.

— В хату не пойдём, — приказал Отяпов. — Располагаемся тут.

Он сразу сообразил: сенцы рубленые, тепло держат. Народу много, двенадцать душ, надышат быстро. К тому же есть вторая дверь во двор, а там — огороды, сад, риги на задах. Вроде и банька в кустах возле ручья. К ней тропинка. Всё это он присмотрел, когда выбирал дом.

Хозяйка сперва показалась старухой. Но потом, когда вышла с зажжённой лампой и прибранная, хоть и наспех, оказалась молодой лет тридцати.

Тульский сразу заходил вокруг неё селезнем, забасил. И глаза у молодки заблестели. Вот молодёжь, подумал Отяпов, и война им нипочём!

— А может, в баньку сперва? — предложила хозяйка. — Кто у вас старший?

Все посмотрели на Отяпова.

Отяпов, правду сказать, уже уминал боками свежую пряную солому, сдержанно покашливал от её дразнящего хлебного духа и думал всем своим усталым и избитым телом только об одном — как бы поскорее залечь и ни о чём не думать. Даже есть расхотелось, так забирала усталость. Но узнав о

том, что хозяйка в этот день топила баню и что баня ещё не выстужена, так и подпрыгнул.

— Давайте, давайте, мужички, — торопила их хозяйка. — А я пока поесть вам соберу.

Молодка заходила по комнате, обвивая их сладким духом. Поправила наглухо задёрнутые шторы на низких окнах, подошла к печи, вынула заслонку. А сама нет-нет да и поглядывала на Тульского. Тот тоже сторожил её вороном.

Эх, какая баня была у этой молодки! Видать, муж мастеровой этой бедовой бабёнке в жизни попался. И плотник, и печник. Парок ещё держался — будь-будь. Каменка стояла не залитой. Словно их ждала.

Вымылись. Словно паутину с себя сняли. И сразу вроде не так страшно жить стало. Отяпов окинул взглядом своё невеликое войско. Он уже твёрдо знал, что доведёт его до Тулы.

Хозяйка старалась так, будто среди них был её муж. Стол накрыла прямо генеральский. Варёная картошка, свойски хлебушек по хорошему ломтю на каждого брата, сало, солёные огурцы и грибочки. От солёных грибов так и веяло дубовой бочкой, прямо домом родным, так что плакать хотелось...

Праздник праздником, а часового Отяпов всё же выставил. Вынес ему угощение, даже от своей скибки крошку отломил, и приказал:

— Уснёшь — штыком заколю. Так и знай.

Хозяйка принесла бутылку самогонки. Выпили. А потом смели всё со стола одним махом. Подчистую. И залегли. Отяпов, засыпая, слышал, как молодка шепталась с Тульским, как, вздохнув, повела его в хату... Эх, молодёжь...

Разбудил его Тульский. Он к утру заступил на пост, обошёл окрестность и всё разглядел. Сказал:

— Посмотри.

Только-только начало светать. Заря в октябре поздняя. Но такая же румяная, как в августе.

Отвёл штору, а там картина: напротив, за ручьём, немцы из хаты выходят, вдоль дороги строятся в две шеренги. С полсотни. Два ручных пулемёта, ротный миномёт. Два бронетранспортёра на полугусеничном ходу, тоже с пулемётами — на турелях. Целое войско.

— Когда ж они пришли? — спросил Отяпов и посмотрел на свою винтовку, несколько дней не чищенную и порыжевшую в некоторых местах от его бесхозяйственности.

— Хрен их знает. Варя сказала, что вечером их не было.

Варя... Вот тебе и Варя...

— Проспали, чёртовы дети...

Немцы между тем построились, провели перекличку, погрузились на бронетранспортёры и поехали по дороге навстречу встающему солнцу. Именно там была Тула.

Отяпов поднял людей чуть позже, когда немцев и след простыл. Раньше поостерегся — зашумят, поднимут гвалт со страху, и тогда пропали они. Против пулемётов...

Больше в деревнях не останавливаемся, твёрдо решил он для себя, когда шли уже лесом, вдоль дороги, на которой за березняком рокотал транспорт чужой армии. Транспорт двигался в том же направлении, что и они. Вся война в те дни двигалась к Туле.

Глава четвёртая. ТУЛА

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому, на их счастье, двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий 50-й армии.

Обозом командовала женщина с петлицами капитана медицинской службы.

Отяпов доложил о прибытии.

Она некоторое время устало смотрело на них. Потом спросила:

— Раненые есть?

— Нет.

— Больные?

— Все здоровые, товарищ капитан. Только сильно голодные и от усталости с ног валяются.

— Потерпите немного, — сказала она. — Скоро места на повозках освободятся.

Отяпов уже знал, что означали свободные места на санитарных повозках.

И действительно, не прошли и километра, санитары сняли троих умерших. Тут же, при дороге, закопали. Неглубоко. Разгребли снег, листву, заглубились в талый грунт на два штыка и — готовы могилы. Отяпов помогал санитарам. Не потому, что имел какую-то корысть, а просто так, по привычке что-то делать вместе со всеми. Чтобы не так душа ныла, думать не мешала. А думать ему теперь надо было за весть его отряд. Командир не командир, но что-то вроде старшего. Как-никак всё же сержант.

Для него место на повозке освободилось перед самой Тулой. Закапывая умершего бойца с петлицами артиллериста, он подумал, что уже и сам бы дошёл, своими ногами.

Возле шоссе зенитчики окапывали свои длинноствольные орудия.

— Такие, должно быть, любой танк насквозь прошивают, — сказал раненый, сидевший впереди. — А нас бросили с одними бутылками. Докинь до него бутылку, когда он все окопы перед собой из пулемёта простреливает...

— Так надо подпускать. Поближе, — зашевелился и другой раненый, у которого была плотно забинтована голова и только для рта и носа были сделаны узкие продухи.

— Поближе, — огрызнулся сидевший впереди. — Ты вон подпустил...

— Я подпустил.

— И где твоё отделение?

Забинтованная голова ничего не ответила, только вздохнула.

Вечером они, все двенадцать душ, сидели за просторным столом в доме на Кузнецкой слободе в Заречье и, не веря своим глазам, ели наваристые щи с гусятиной.

До того Отяпову понравились эти тульские щи, что он про себя решил: вот вернусь с войны, обязательно гусей заведу. Если, конечно, живой останусь...

После еды завалились спать.

Но спали недолго. Прибежал сосед, четырнадцатилетний Гришка, который всё это время не отходил от Тульского, растолкал его и сказал, что комендантский патруль собирает окруженцев по всему городу. Патрули с винтовками заходят во все дома. Сгоняют куда-то к стадиону.

— Двоих расстреляли. Я сам видел. Патруль расстреливал. Вывели и шлёпнули. Видать, шпионы. Или дезертиры. — Гришка на одном дыхании выложил свою новость и внимательно смотрел на Тульского.

Отяпов сел и начал обуваться. Сапоги у него теперь были хорошие. В таких ещё можно не один десяток километров отмахать. Хоть по грязи, хоть по снегу. Но, видать, идти далеко теперь не придётся. Зашевелились и другие.

Новость не радовала.

Начали обсуждать своё положение. А положение было не ахти каким весёлым.

— Пришли к своим, дрит-твою...

— А куда ж нам было идти, — оправдывал сам себя сержант Отяпов.

В город они прошли мимо постов. Вёл их Тульский. Свернули с шоссе ещё возле окопанных зениток и дальше — огородами. И вот теперь сидели и решали, что делать дальше. Кто-то предложил пойти в комендатуру или выйти и доложить о прибытии первому встречному патрулю.

— Ну-ну, — хмыкнул Ванников, всё видевший в чёрном цвете. — Далеко вас патрули не поведут. К ближайшей кирпичной стенке...

Выход неожиданно предложил Гришка:

— Вам надо идти к Рогожинскому посёлку. Там наши оборону строят. Заводские. И отец мой там, и братья. Я вас проведу.

— Мы не ополченцы, — робко возразил Гусёк. — Нам надо искать свою часть.

— Где она теперь, своя часть... — наконец сказал Отяпов.

Все замолчали. Отяпов стал для этих людей не только командиром, но и тем человеком, который может спасти, вытащить из смертной прорвы. А она теперь, та прорва, везде — справа и слева, спереди и сзади. Хуже, чем перед болотом на переправе. Рассуждать можно всяко, но решение принимать должен самый мудрый и опытный.

— Надо идти к ополченцам. Там теперь передовая.

— Опять к чёрту в пасть!

— Оборвались, обносились... — зароптали бойцы.

Отяпов поднял руку. Ропот сразу стих.

— Мы тут из разных частей. Кто будет разбираться, чьи мы и с чем пришли сюда. Немец всё время шёл за нами следом. А значит, не сегодня-завтра, он будет здесь. Искать свои полки будем потом. Собирайтесь, ребятушки. Давайте почистим оружие и пойдём на позиции. А с таким ржавым железом мы не бойцы.

— Там, видать, тоже особый отдел есть, — сказал Ванников.

— Будем молить бога, чтобы нам там поверили. — И Отяпов расстелил перед собой плащ-палатку, вынул из вещмешка маслёнку и протирку, выщелкнул из винтовки затвор, вытащил шомпол. Всё это разложил перед собой на плащ-палатке. Поплевал на руки.

Его примеру тут же последовали все, у кого было оружие.

Спустя несколько часов они стояли ровной шеренгой перед командиром роты тульских ополченцев. Тот выслушал доклад Отяпова, внимательно осмотрел новоприбывших, их оружие. Потом достал из полевой сумки блокнот и начал переписывать фамилии и номера частей. Переписав всех, сказал:

— Вот что, товарищи бойцы регулярной Красной армии, я должен доложить о вашем прибытии и желании воевать вместе с нами командиру полка. А пока на довольствие вас поставить не могу.

Оружие у них забрали. Сложили возле блиндажа командира роты.

— И куда ты нас привёл? — покачал головой Ванников. Лицо его было бледным, руки дрожали.

Ночь они переночевали в одном из домов, куда их отвёл ополченец, вооружённый французской винтовкой времён Первой мировой войны.

— Где ты её отрыл? — Ванников кивнул на диковинное оружие, оснащённое длинным штыком, похожим на шпагу.

— Что бы ты понимал, — ответил ополченец. — Она бьёт на два с половиной километра.

— Да ну! — покачал головой ополченец. — Хорошая фузея.

Проснулись в полночь. Разбудил их всё тот же ополченец с винтовкой Лебеля.

— Ротный вызывает, — коротко сказал он.

Ещё не рассвело как следует, когда со стороны шоссе, которое узкой сырой полосой угадывалось левее возле леса, прибежала разведка. Туман понемногу начал рассеиваться. Видимость становилась лучше. В окопах сразу началось оживление, брустверы зашевелились. Народ забегал туда-сюда. Ротный куда-то пропал. Потом появился с другой стороны. Увидел их и, видимо, вспомнив, что и с ними надо что-то делать, сказал:

— Разбирайте винтовки. Кто у вас старший?

— Я. Сержант Отяпов. — И Отяпов неуклюже махнул у обреза каски опухшей от холода ладонью.

— Приказываю вам, сержант, со своими людьми занять вон то крыло. — Он указал в туман. — Окопы там открыты. Будете прикрывать зенитный расчёт со стороны леса. А сейчас получите патроны и по буханке хлеба. Другого пайка на вас не предусмотрено. Огонь открывать по моему приказу. Дальше действовать по обстоятельствам. Ваша задача, повторяю, не пропустить немецкую пехоту к орудиям со стороны леса.

Патронов им дали много. Сколько смогли взять, столько и нагребли в карманы и подсумки. Выдали по бутылке КС и три противотанковых гранаты. Гранаты, как и хлеб, надо было поделить. Одну Отяпов взял себе, другую поручил Тульскому, а третью Курносову.

Когда разобрали винтовки и получили патроны, повеселел и Ванников. Он посматривал на лес и полоску шоссе, черневшую на фоне заснеженного поля, и говорил самому себе:

— Сейчас мы им... Или грудь в крестах, или голова в кустах. Надоело уже бегать.

Потом, глядя, как ловко, снаряжая обоймы, управляется с патронами Тульский, сказал:

— Смотри, Тула, гранату не потеряй.

Тульский в ответ засмеялся:

— Не потеряю, Калуга. А ты, я вижу, вроде как малость отжился. Как воробей с мороза...

Ванников в ответ только усмехнулся.

Они заняли пустые окопы рядом с запасными позициями зенитчиков и начали готовиться.

Ефрейтор Курносов поглядывал на небо, крутил головой, будто принюхивался. Наконец сказал:

— Погода хорошая. Постояла бы такая подольше.

— Это так, — согласился Отяпов, — низкая облачность, туман — самолёты не полетят.

— Так и наши не полетят, — отозвался Гусёк.

— А где ты видел наши самолёты? — тут же вмешался в разговор Ванников. — Разве что сбитые.

Ни Гусёк, ни связист больше не промолвили ни слова. А Отяпов молча решил, что погода и вправду хорошая. Иначе бы или «рама», и «костыль» уже кружили бы над их позициями.

Зенитка стояла немного поодаль, ближе к домам. С длинным опущенным вдоль земли хоботом, она походила на хищного зверя, готового клонуть любого, кто вылезет к ним из тумана.

Разведка принесла весть: по Орловскому шоссе движется колонна бронетехники и крытые грузовики с пехотой.

Немного погодя из леса, наполовину скрытого туманом, вылетела, будто перепуганная птица, сигнальная ракета. Она косо прочертила серое небо над черной стеной неподвижного леса и исчезла, сгорев и оставив едва заметный чёрный след.

— Идут.

Отяпов оглянулся на своих бойцов: Курносоев, Гусёк, Тульский, Ванников, дальше двое из отдельного разведбата, прибившиеся к ним перед самой Тулой. С другой стороны замерли остальные, кого он знал и кому доверял, потому что слабые ушли по пути сюда. Куда они делись, гадать теперь было трудно, да и некогда. Может, в плен, может, по домам. Отяпов знал: такие настроения — по домам — тоже одолевали бойцов, оставшихся без командирского пригляда.

— Ну что ты, Гусёк, дрожишь, как целочка перед первым разом. — Ванников нервно мял в зубах докуренное до последней степени колечко самокрутки. — Ты уже умирал. Ты не должен бояться.

— А я и не боюсь, — ответил Гусёк. Лицо его было серым. Но решительным. В нём, в Гусёке, сейчас что-то происходило. Что-то новое, чего он сам ещё не понимал.

Отяпов посмотрел на него и отвернулся. Надо было сказать людям перед боем какие-то нужные слова. Командир должен что-то сказать своим бойцам перед боем.

— Ребята! — крикнул он. — Что бы ни случилось, держаться своей позиции! И друг друга! Раненых не бросать!

Это был его первый боевой приказ. Он вдруг почувствовал, что руки его согрелись и что спина вспотела так, как будто где-то рядом топилась печь.

В лесу уже слышалась стрельба. Захлопали частым заплотным боем мосинские винтовки. Потом полыхнул немецкий пулемёт. Отяпов его сразу узнал. Снова зачастили винтовки. Разведка, понял Отяпов, или боевое охранение — мотоциклисты. Наскочили на охранение ополченцев.

Так оно и случилось. Через несколько минут в поле замелькали фигурки бегущих со стороны леса. Они быстро пересекли обмысок белого поля и исчезли в противотанковом рву.

— Охранение отходит.

— Неужто танками попрёт?

— На телегах поедет... — хмыкнул Ванников.

В стороне шоссе зарокотало, сперва одиноко, с перерывами, потом стало сливаться в единый вибрирующий гул. Казалось, проснулся лес и начал жить какой-то своей неведомой и зловещей жизнью, враждебной и городу, и им, притаившимся в своих окопах, и сейчас он стронется и поползёт на них всей своей несметной силой.

Туман всё ещё держался понизу, и Отяпов подумал, что он им поможет. Как-никак, а танкистам, да ещё в незнакомой местности, ориентироваться и вести огонь будет куда сложнее, чем нашим артиллеристам.

Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчёт уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

Глава пятая. БОЙ НА ОКРАИНЕ ТУЛЫ

Гул разрастался, захватывал всё пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы Отяпова, проникал через шинельное сукно и охлаждал тело. Печка сразу перестала топиться...

Отяпов знал, что многих сейчас трясёт. Его тоже начало знобить и выкручивать суставы. Самое худшее в бою — ждать начала. Поскорей бы...

Танки сошли с шоссе и развернулись для атаки. Пехота машин не покидала. Грузовики замедлили ход и растянулись по дороге. Иногда их скрывал косяк тумана, но потом про-

странство снова очищалось, распахивалось в глубину, и в окопах становилось жутко: до чего ж большая сила пёрла на них.

Вскоре танки начали маневрировать. Они выстраивались группами. Первая, семь стальных угловатых коробок пошли вперёд, вдоль шоссе. Три отвернули к домам, остальные шли прямо.

Ну и выдержка у этих ребят, подумал Отяпов и оглянулся на позицию зенитчиков. И в это время бахнуло, и над окопами боевого охранения пронеслась, упруго шурша, струя раскалённого воздуха. Второе орудие тоже произвело выстрел.

— Мимо.

— Артиллеристы, в гроб их душу..

— Наплачешься с такими стрелками. Кровавыми слезами наплачешься..

Стало совсем страшно. Неужто, подумал Отяпов, зенитчики стрелять не умеют? Может, и не умеют. По наземным-то целям — совсем другая стрельба, и они ей, по всей вероятности, просто не обучены.

Танки, не сбавляя скорости, продолжали двигаться в первоначальном направлении. Они сразу открыли огонь. Из коротких хоботов их пушек часто вспыхивало пламя. Но стреляли они не прицельно, и ни одного снаряда ни на позиции зенитчиков, ни в окопы пехоты не попало.

— На арапа берут, — сказал кто-то из бойцов.

Ещё один трассер резанул над полем мутную хмарь и на этот раз ударил точно в башню переднего танка. И тотчас сильный взрыв встряхнул железную коробку, отделил башню от шасси, и столб багрового пламени встал вертикальной колонной и некоторое время стоял так, подпирая серое небо, тоже, казалось, готовое упасть и разрушиться. Вот это был выстрел!

В окопах одобрительно закричали.

— Готовсь! — скомандовал Отяпов, чувствуя, как азарт охватывает всё его разом помолодевшее тело.

Тем временем немецкая пехота начала выскакивать из грузовиков и взводными гусеницами рассыпаться по полю.

Заработали пулемёты. Сразу несколько «максимов» — то короткими, то длинными очередями. Патронов не жалели.

— Огонь! — закричал Отяпов и тут же нажал на спуск.

Первый выстрел он сделал так, больше для шума, не целясь, и пуля полетела куда попало. Бойцы припали небритыми щеками в ложах своих винтовок. По первой обойме расстреляли в один миг. Потом огонь поредел. Отяпов это знал — начали целиться, аккуратней стрелять.

Из других окопов тоже вели огонь. Дробно застучали автоматы. Где-то правее, из-за противотанкового рва, резко били бронебойки.

Чем ближе подходили танки, сопровождаемые пехотой, тем плотнее и яростнее становился огонь из окопов. Артиллеристы начали стрелять чаще и точнее.

Горели уже три танка. Один, с сорванной гусеницей, осел набок и зарывался в землю. По нему вели огонь бронебойщики. Добивали. Его развернуло бортом к позициям бронебойщиков. Экипаж машину не покидал. Пушка его начала отвечать. Чёрные кусты взрывов мгновенно выросли за противотанковым рвом. Но и танк задымил. Открылся боковой люк. Оттуда что-то выбросили наружу, потом ещё. Похоже, выбрасывали стреляные гильзы. Танк по-прежнему вёл частый огонь в сторону противотанкового рва. Потом из люка вывалился человек и скатился вниз.

До подбитого танка было метров двести. Отяпов дрожащими от возбужденного азарта пальцами передвинул хомут на прицельной планке. Прицелился. Немец копошился возле танка. Похоже, он был ранен. Дым всё гуще тянул из открытого бокового люка. Но башенное орудие продолжало вести огонь. Наконец оно затихло. Ещё один танкист выполз из люка. Вылезал он медленно, будто не верил, что его боевая машина уже горит. Отяпов выстрелил. Немец повис вниз головой. Отяпов знал точно, что попал именно он.

Бой шёл весь день. Танки отходили, перестраивались и снова атаковали. Пехота теперь передвигалась под прикрытием бронетранспортёров. С бронетранспортёров длинными очередями вели огонь пулемёты. Но ничего у них особо не получалось.

Двоих убитых уже оттащили в боковое ответвление и прикрыли сверху плащ-палаткой, на которой ещё недавно они чистили винтовки. Трое были ранены. Какое-то время раненые сидели на дне окопа без дела, но потом, так и не дождавшись санитаров, вернулись к своим стрелковым нишам и продолжили огонь. Санитары по-прежнему не появлялись. Отяпов понял, что никто к ним не придёт. Он приказал перевязывать друг друга самим. Раненых взялся перевязывать Гусёк. Получалось у него неплохо. А Отяпов подумал: Лидку бы сюда, она ловкая и бесстрашная, а главное, по медицинской части справляется не хуже, чем расчёт зенитки с танком.

После полудня затихло.

Пришёл посыльный от командира роты и сказал, чтобы составили донесение о потерях. Чуть погодя вернулся:

— Выделите двоих человек для получения горячей каши.

Есть хотелось. Но ещё сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько ночей.

С поля тянуло гарью. Подбитые и сгоревшие танки чернели вдоль противотанкового рва и возле дороги. Их было порядочно. Раза три Отяпов пытался сосчитать их. Но каждый раз сбивался. Не потому, что их там, в поле, было так много. Досчитывал до пяти, семи, и начинал так волноваться, что в глазах рябило, набегала слеза, он сползал с бруствера и несколько минут смотрел на затоптанное дно окопа, на стреляные гильзы, на раздавленные их дульца, обмётанные пороховой гарью. В конце концов решил: надо готовиться к новому бою и людей готовить. А танки пускай считают те, кто их сжёт. Это их трофеи.

Глава шестая. ГОСПИТАЛЬ

О том, что он ранен, Отяпов узнал через несколько часов после того, как его ослепила вспышка разорвавшейся на бруствере мины.

Ранение оказалось лёгким — мелкими осколками посекло лицо и руки. Но контузия была куда серьёзней. Вначале Отяпов ничего не слышал. Потом в ушах зашумело и снова, как в окопе, пошла кровь. Она текла из ушей и из носа. Он подумал, что умирает, и попросил вынести его на свежий воздух, хотя бы в коридор. Но никто его никуда не понёс.

Сосед по койке сунул ему докуренную до половины самокрутку. Отяпов затянулся несколько раз и успокоился. Он ждал, когда придёт смерть, но она что-то тянула, не приходила. Её он не чувствовал даже вдали. Хитрит, гадюка, подумал он и прислушался. Шум в ушах менялся. Он то накатывал, то отступал. Наверное, так шумит море, подумал он, хотя на море никогда не был, не видел и не слышал его даже издали. Потом сквозь шум моря начал пробивать какой-то стук. Через некоторое время стук превратился в грохот. Уж его-то Отяпов узнал. Он напряг все силы своего ослабевшего тела, приподнялся и посмотрел на окно. Да, понял он, танки всё же прорвались, смяли их оборону на Одоевском шоссе и теперь приближались к госпиталю. Даже марлевые занавески, как ему показались, дрожали. Вот так. Не удержались ни зенитчики, ни его ребята, которых он собрал в лесах на Ресете и под Белёвом. Он машинально пошарил возле себя руками. Гранаты нигде не было. Да и руки слушались плохо. Где ж граната? Он же оставлял себе одну.

— Ну что ты всё воюешь, — услышал он тихий спокойный голос человека, который совершенно не боялся гула приближающихся танков. — Всё воюет и воюет... Отвоевался теперь. Полежи спокойно. И другим дай полежать в тишине и покое.

Отяпов указал на окно.

— Ну, что там такое? Синица прилетела. Долбит в окно. Видать, к ночи мороз ударит.

— Танки! — выдохнул Отяпов. — Они прорвались. Там мои ребята...

Человек засмеялся.

— Танки... Во попал ты под них, как ягнёнок под волка... Теперь век бластиться будут. Говорю тебе, синица в раму клюёт. Летних мух выбирает. К зиме дело...

— Танки...

Танки ни в тот день, ни в следующий, ни потом через позиции, которые удерживали они вместе с зенитчиками и тульскими ополченцами, не прошли. Когда унесли в тыл раненого и контуженого Отяпова, два танка проскочили левее, попав в мёртвое пространство, где артиллеристы их достать уже не могли. Они остановились и начали вести огонь по позициям зенитчиков.

Первую противотанковую гранату, выданную им на отделение, взял Тульский и пополз к ближнему танку. Как он до него добрался, никто толком не видел. Думали, что он убит или ранен и лежит в поле, в бурьяне, замётённом снегом. Уже собирались ползти за ним, искать. Дымом заволокло всё пространство перед окопом. И ориентировались они лишь по выстрелам танковых пушек и зенитки. То немец в дыму полыхнёт, то наши ответят. И те, и другие, видать, мазали, и продолжали свою изматывающую дуэль. Но вскоре там, где затаился танк, грохнуло, и высоко вскинулось пламя.

— Дополоз! — сказал радостно кто-то из бойцов. — Это наш его накрыл. Гранатой.

— Вот молодец, пряничная душа, — похвалил Тульского и Ванников.

Тульский сделал своё дело, и никому из них уже не надо было ползти туда, в смертное поле, со второй гранатой.

Немного погодя, когда второй танк, отстреливаясь, ушёл назад, к лесу, Ванников и Гусёк притащили раненого Тульского. Положили на солому на дно окопа.

— Не тормозите его, — сказал сержант Курносков. — Отходит.

Так, не приходя в сознание, Тульский и помер.

Через два дня со стороны города подошла смена: рота пехоты и батарея противотанковых орудий.

«Сорокапятки» разместили в разных местах, в глубину, уступом к шоссе. А бойцы охранения заняли окоп, где оборонялся отряд Отяпова, и начали окапываться дальше, углубляя ходы сообщения.

Рота была свежая, с лейтенантами. Бойцы одеты в белые полшубки. Уцелевшие смотрели на них, как на ангелов, спустившихся с небес.

— Где ж таких только взяли...

Отяпову жилось хорошо. Слава богу, думал он, глядя в свежий потолок, видать, недавно покрашенный известью, хоть отдохну под крышей, в тепле, на чистой койке. Ни тебе стрельбы, ни осколков над головой, ни пуль, ни ветра, ни холода. Командиры не матерятся. Их тут просто нет. Говорят, их, командиров, лечат в другой палате. Вот и хорошо, от них тоже отдохнуть надобно — надоели. Врачи и медсёстры спокойные, обходительные. Сосед Отяпову тоже попался хороший. Отяпов давно, ещё когда брели лесами к Туле, заметил, что на людей ему на войне везёт. Народ: и сосед в окопе, и на марше, и так, когда драпали по лесам, и на отдыхе ему попадался хороший, покладистый, не особенно хитрый — так, чтобы на чужом горбу покататься, — уважительный и в бою стойкий. Не сказать, чтобы уж очень храбрый, но надёжный, в беде не бросали. Героев на фронте он пока не встречал. Разве что зенитчики. Ловко пожгли танки. Хорошо стреляли. И держались, надо сказать, геройски. Порой совсем их снарядами засыпало, а глядишь, опять стреляют. Разве не герои? Да и те лейтенанты, которые у болота повели их в атаку, вспомнил Отяпов, тоже герои. Нет, подумал он, это и есть настоящие герои. Так что и героев он на войне повидал.

Соседа звали Кузьмой. Лежал он в госпитале уже порядочно, с середины октября. Обгорел в танке на Ресете, когда прорывались на Хвостовичи. Там, под селом Красным, у моста, его Т-26 подбил немецкий танк.

— Из засады стрелял, — рассказывал Кузьма; говорил он спокойным тихим голосом, как будто о чём-то главном в своей нынешней жизни всё время сожалел. — Две болванки пролетели мимо. Первой германец промазал. Видать, заторопился. Увидел меня на дороге — вон какая цель хорошая на прямой наводке! — и сплеховал от нервов. Германец, что ж, тоже существо живое, нервное.

Отяпов полюбил Кузьму не только за его разговоры, которые, должно быть, и самого танкиста успокаивали и мирили с тем, что выпало ему на войне, но и за то, что тот приносил ему из курилки «сорок». Украдкой совал ему в руку колечко

недокуренной самокрутки, и Отяпов жадно затягивался несколько раз. Сразу кружилась голова, и становилось легче и спокойно, как дома. Пережитое куда-то уносилось, таяло, как то болото в тумане, а ранение казалось пустяком, о котором и думать не следует.

Думалось только об одном — о доме.

Но что думать о доме? Дома сейчас немец. Хозяйничает в его деревне, на колхозных полях, в лесу, на речке. Всё теперь пошло под чужую власть. Ладно, ладно, погоди, вот поднимись с койки на костыль, а там, может, и ровнее пойдут...

Отяпова одолевала злая надежда на то, что он не совсем отвоёвываясь, что вернётся ещё к своим товарищам, в окопы, что рано или поздно Красная армия соберёт силы и начнёт наступать. Ведь били же они их, проклятых, на Рессете. Эх, как лихо они тогда атаковали! Даже Гусёк героем ходил, немца повалил. Хороший бой был. Победный. Хотя ни в какие донесения и приказы он, конечно же, не попал. Не названы в том несуществующем приказе имена лейтенантов и других отличившихся бойцов. Гуська, например. Да и его, сержанта Отяпова.

Он вспомнил своего убитого немца и подумал: даже если калекой теперь останусь, я своё дело на войне сделал. Родину оборонил.

— Первый мимо пролетел. От второго я ушёл, в сторону машину бросил. Знал, что он упреждать будет. Так утку стреляют, с небольшим упреждением, чтобы сама на заряд налетела... А третий ударил прямо под башню. Загорелись. Башнёра — наповал. Колька Лучников, из Тамбова, хороший был парень. Гармонист. Так и сгорел вместе со своей гармоней.

«Вот, — кольнуло в самое сердце Отяпова, — а мы своих тамбовских над ямкой постреляли...»

В какой-то момент слушать Кузьму становилось тягостно. Отяпов и сам навидался всей этой крови и грязи, и слушать чужую боль было невыносимо. Оставалось одно — терпеть. Иначе как? Товарища надо было понимать — душа просила выхода. Вот он его, Отяпова, и выбрал в слушатели. И Отяпов терпеливо слушал всё подряд.

— Как ты думаешь, — спрашивал Кузьма, — какой мне теперь танк дадут? На «тридцатьчетвёрку» бы попасть. Вот это машина! Экипаж четыре человека. Угол наведения... Мотор — дизель, пятьсот лошадей... Наклонная броня...

— Ты и эту сожжёшь, — подал голос забинтованный с головы до пояса ополченец. — Технику любить надо. Беречь. Под огнём надо уметь маневрировать, а не лезть на рожон. Видел я, как вас возле Одоевского шоссе били. У них — одна пушка, а набила вас, всю дорогу запрудили...

У пехоты всегда претензии к танкистам, артиллеристам и лётчикам. А танкисты и пушкари всегда бранят пехоту. Эту историю Отяпов знал. С танками, да при поддержке артиллерии, отбиваться от немцев было куда легче. Случалось, и контратаковали. Но танки могли прекратить атаку перед самыми немецкими окопами и вернуться назад. А артиллерия не всегда умела подавить огневые точки, и немецкие пулемёты оживали в самое неподходящее время, когда пехота высыпала в поле и не имела никакого укрытия. Другое дело, зенитчики. Эх, молодцы ребята! Как они жгли немецкие танки!

Отяпов несколько раз спрашивал о них, живы ли? Может, кто тут лежит? Никто ему ничего толком ответить не мог. Какие зенитчики? Какие герои? Нет тут никаких героев...

В конце концов он даже расстроился. Как же так, думал он, ребята город спасли, немецкие танки возле самых тульских домов остановили, а никто об их подвиге не знает.

В начале декабря в палату пришли ефрейтор Курносов, Гусёк и Ванников. Отяпов увидел их, глазам не поверил, а когда догадался, что это не контузия ему икается, а самая доподлинная явь, обрадовался и чуть было не заплакал. Так его тронула забота товарищей. Не забыли, навестили калеку, консервов вон принесли, сала и хлеба. Целый кулёк всякого довольствия. Небось от своего пайка оторвали мне на гостинец...

Самым бравым и подтянутым выглядел Гусёк. Он шеголял в белом, ещё не выгвазданном ни сажей, ни окопной грязью овчинном полушубке и высоких необмятых валенках. На плече висел такой же новенький ППШ, а на ремне штык-нож от СВТ. Видать, на махорку выменял, подумал о своём бравом гвардейце Отяпов.

Он сразу кивнул на шанцевый инструмент и сказал:

— Освоил новую матчасть?

— Так точно, — улыбаясь, ответил боец.

Хороший парень, про себя похвалил Гуська Отяпов. Хорошо, что вывел его с Рессеты. Цепкий оказался, не смотри, что на вид хлипкий и всё время дрожал. Вот уж вправду сказано: страх — это волк; одного придавливает, как овечку, так что та уже и не мекает, а другого героем делает.

— Залежался ты на чистых простынях, Нил Власыч, — сказал Курносов. — Когда на выписку?

— Да уже скоро, — признался он. — Видать, что-то за городом затевается. А? — И он заговорил тише, чтобы слышали только свои: — Выписывать народ стали больше. Слыхал от санитаров такое: маршевые роты формируют, войска на передовой свежими силами пополняют.

Долго им в палате сидеть не разрешили. Попрошались. На всякий случай сказали, где искать их полк, и пошли.

Когда они ушли, Кузьма, вернувшись из курилки со всегдашним «сороком» в рукаве, кивнул на дверь:

— Товарищи? Я так и понял. Хороший народ. Боевой. Такие ближе всякой родни.

— Это да. Я с ними всего повидал. Рад, что живы. — И вздохнул. — Живы, да не все.

— А ко мне никто не придёт. Все погорели. — И вдруг Кузьма объявил: — Завтра мне на медкомиссию. Буду проситься в свою бригаду. Где она теперь? Начальство знает. Механиков-водителей не хватает. Есть приказ, что нашего брата после госпиталей направлять только по прежней специальности. Как думаешь, «тридцатьчетвёрку» мне дадут?

— Дадут, Кузьма. Конечно, дадут. Ты парень ходовой, знающий. — Отяпов задумался. — А мне винтовка всегда найдётся. Хоть со склада, хоть из-под снега...

Глава седьмая. НАСТУПЛЕНИЕ

В середине декабря 1941 года вперёд пошёл и левый фланг Западного фронта — 50-я и 10-я армии.

Из штаба фронта в штаб 50-й армии пришёл приказ: глубоким ударом на узком участке фронта выйти к Калуге и к 20 декабря овладеть городом. Задачу должна была выполнить ударная группировка, куда вошли несколько дивизий и отдельных частей. Отходящие на линию реки Оки войска 2-й танковой армии Гудериана сплошного фронта уже не имели. Лишь в крупных населённых пунктах и городках стояли немецкие гарнизоны. Однако путь на Калугу ударной группировке приходилось пробивать с боями.

Отяпов всё время посматривал на артиллеристов. Вот чёртовы дети, бранил он про себя «сорокапятчиков», которыми командовали два молоденьких лейтенанта. Те копошились в снегу вместе с расчётами, что-то кричали ездовым. Но ездовые, устав нахлёстывать лошадей, которые совсем выбились из сил и теперь почти беспомощно дрожали облепленными снегом боками, командиров, похоже, не слышали.

На самом деле командовал всей здешней артиллерией пожилой старший сержант. Невысокий ростом, коренастый, в белой каракулевой шапке, он подсказывал то к одной zapряжке, то к другой, давал какое-нибудь короткое распоряжение или просто делал едва заметный жест, и расчёт дружно

налегал на щит орудия, хватался за постромки, помогал лошадям осилить подъём.

Шли они уже несколько часов. Рота двигалась взводными колоннами. Тащили с собой обоз — несколько саней с боеприпасами и ротным имуществом. С ними шёл взвод «сорокапятков».

В голове колонны несколько раз вспыхивала стрельба. Но тут же всё затихало. Передовое охранение уничтожало какой-нибудь немногочисленный немецкий гарнизон в очередной деревне. Немцы вместо того, чтобы уйти, встречали колонну пулемётным и автоматным огнём. Их тут же сметали ответным огнём. По всему было видно, что противник не ждал прорыва на этом направлении и принимал авангарды группировки за мелкое подразделение или разведку противника.

В бой рота пока не вступала. Бойцы лишь видели в снегу на обочинах полузамётённые снегом трупы немецких солдат и полицейских. Рассматривать убитых было некогда. Вот сволочи, думал Отяпов, всего-то месяц-другой, как немец здешние просторы занял, а уже желающих ему служить — орава! Неужто и у них в Отыпах кто-нибудь из местных повязку надел? А что, очень даже может и такое случиться. Он начал перебирать в памяти всех мужиков, кого не успели забрать на войну, и не мог найти ни одного такого, на кого можно было бы подумать, что он пойдёт служить немцам. Но всё же представил, какая жуткая жизнь, должно быть, в оккупированных деревнях, и снова тревога за своих охватила его.

Командиры всё время поторапливали.

— Давай, давай, ребята! Шибче! Шибче! — сердито пробасил сквозь забитые снегом густые усы старший сержант на своих артиллеристов и повелительным жестом махнул оказавшимся рядом пехотинцам.

Левая пристяжная упала на колени и испуганно заржала. Отяпов схватил её за узду и потянул на себя:

— Ну, милая, давай, тянись, недолго нам уже осталось. Светает вон, значит, скоро остановимся.

Потом начался спуск. Артиллеристы, как дети на горке, тут же застопорили колями спицы колёс, повисли на длинном стволе «сорокапятки», ухватились за щит, задерживая её движение, чтобы орудие своей тяжестью не придавило передок с зарядными ящиками и не поломало ноги лошадям. Послышался смех. Отяпов, тоже ухватившись за заиндевелый наклонный щит, увидел одного из лейтенантов. Тот широко улыбался. Полушубок его был расстёгнут, потемневшая от пота гимнастёрка парила. Ишь, разгорелся, подумал о нём Отяпов, как всё равно к тёще на блины едет... Видать,

ещё не попадал, в настоящее-то дело. Ну, скоро будет ему и тёща, и блины, и мёрзлая глина в нос...

То, что рядом, в ротной колонне, шли артиллеристы, успокаивало. Пушка — это тебе не винтовка. Шархнет — и танк неживой...

Они ещё не наступали. За всю войну, с самых летних боёв, ни разу. Была одна шальная контратака на Рессете. Но и она, считай, закончилась не совсем хорошо. Вроде и победа, и не победа. Потом снова отступали.

А тут — настоящее наступление. Говорят, несколько дивизий двинулись вперёд. Кавалерия. Танки. Артиллерия. На санях везли миномёты и ящики с минами. Где-то в хвосте колонны двигались и «катюши». Какое ж наступление без «катюш»? Бойцы только и говорили, что про «катюши» и новые танки. Начальство это обязательно предусмотрело и позаботилось о нашей пробивной силе, с надеждой и даже уверенностью, думал Отяпов. Как стреляют «катюши», он видел. Сила! Под Тулой как заревели — дым, огонь, снежная пыль столбом! Пехота из окопов выскочила и — ходу в лес! Из окопов же не видно, куда из этих кузовов снаряды летят. Потом долго смеялись. И миномётчики, и бросившая свои позиции пехота.

Рядом хрустел снегом и покашливал Гусёк. Гуську, как бывалому воину, перед маршем выдали несколько гранат и два запасных диска к ППШ. Начальство его уже заметило. Что ж, заслужил делом. Отяпов видел, как тот два раза снимал рукавицу, ощупывал дымящимися пальцами свой автомат, выковыривал из-под спусковой скобы и рычажка перевода огня набившийся снег. Молодец, матчасть соблюдает в чистоте и готовности. Надо ж, какой солдат получился! А сколько таких ребят полегло, сколько в плен пошло, тут же затосковал Отяпов. Не вывели, не сберегли для Родины и Красной армии своих надёжных бойцов. Отяпов вспомнил и капитана Титкова. Где-то тут, рядом, опять командует батальоном капитан Титков. Сволочь такая...

Рассвет их застал в поле. Только что миновали деревню. Бойцы с тоской и надеждой посматривали на дворы. Хаты стояли нежилые, с выбитыми окнами и сорванными дверями. Выстуженные. Хлева тоже пустые. Германец похозяйничал, определил Отяпов. Но ладно хоть не пожёт. Заткнуть сеном оконные проёмы, навесить двери, протопить печи и — завалиться на отдых... Самое время. Днём-то продолжать марш опасно — не ровён час самолёты налетят. Но деревню они миновали в том же темпе. Командиры молчали. Теперь оставалось надеяться, что на днёвку их остановят в лесу.

Дорога впереди была прочищена. Но снег валил и валил, позёмка гнала косяки снежной крошки по полю и оседала здесь, как туман в противотанковом рву. Белые тугие барханчики росли буквально на глазах. Колёса орудий вязли в них. Лошади совсем ослабли, и ездовые попрятали кнуты, кнут был уже бесполезен.

Наконец, и поле осталось позади. Дорога пошла чище, легче. А ветер уже не так трепал солдатские шинели и полушубки, не сёк ледяной крошкой по глазам, не жёг щёки, с которых будто содрали кожу.

И вот в голове колонны родилось и радостной птицей пронеслось по заполненной войсками дороге:

— Стой! Принять в сторону! Привал!

Принять в сторону можно. Полезли в снег. Местами проваливались по пояс. Вокруг елей обтапывали сугробы, ломали лапник и тут же валились на охапки и засыпали, даже не сняв вещмешков и не отряхнувшись от налипшего в поле снега.

Подошла ротная кухня. Старшина начал раздавать горячую кашу. Перво-наперво накормили артиллеристов. Бойцы стояли с котелками наготове и терпеливо ждали, когда пройдут «сорокапятчики».

— Ну, ребята, — сказал лейтенантам Отяпов, — вы ж, глядите наперёд, и воюйте не хуже, чем на кухне.

Те засмеялись. Эх, дети, подумал Отяпов. Такие не погубили бы орудия. Без орудийной поддержки роте в бою — беда.

Только успели ложки облизать и рассовать их по укромным местам — кто за голенище, кто в нагрудный карман, кто куда, — прибежал ротный:

— Отделение Отяпова и сапёры! Ко мне!

Вот тебе и привал. Похоже, Отяпов, накрылся твой честно заслуженный отдых.

Ротный нахватал их пятнадцать человек. Из штаба полка прибыли лыжники, тоже человек пятнадцать. С ними старший лейтенант. Разведка. Все при автоматах. Кое у кого трофейные. Разведчики с трофейным оружием щеголять любят, этот форс Отяпов давно заметил.

Артиллеристы быстро отвинтили с осей колёса одной из пушек, сняли бронешит. Пушку приладили на сани, притянули проволочными скрутками. И — вперёд.

Задачу старший лейтенант из полковой разведки поставил уже в пути: впереди деревня, немцев в ней немного, человек двенадцать, но при зенитной установке и двух пулемётах, и этот чертов гарнизон необходимо было взять любой ценой. Из лазарета прислали две санные повозки с санита-

рами. В одной из санитарок Отяпов сразу разглядел Лидку Брусиленкову. Та тоже махнула ему рукой, радостно улыбнулась. Опять им выпала доля хлебнуть чего-то непонятного и вовсе не радостного. Хотя встреча с роднёй — а какая она ему родня? — Отяпова обрадовала.

Шли около часа. Свернули в лес. Затихли. Ездовые соскочили с саней, гладили заиндевелые морды лошадей, чтобы те не заржали и не выдали отряд.

Деревня рядом. В ней тихо. Может, ушли? Германец, он хоть и смел, и хороший вояка, а всё одно умереть от пули боится. А тут на него такая силища прёт.

Вернулась разведка. Нет, не ушёл. Значит, придётся атаковать.

Старший лейтенант задумался. Позвал артиллерийского лейтенанта. Начали совещаться. Отяпова тоже к себе позвали. Он всё время молчал, вопросов не задавал, чтобы не досаждать командирам решать самое главное. Кто он им — пехотный сержант?

Распрягли коней. Вывернули оглобли, чтобы не мешали в лесу. Сани с «сорокапяткой» потащили к опушке.

Вон он, зенитный автомат, спаренные стволы торчат над снежным валом. Не обманули разведчики. Там же, над валом, виднеется фигура часового. Немец закутан в какое-то пёстрое тряпье. Видать, совсем замёрз, бедолага. Ветер тянет от деревни. Значит, немецкий часовой их не слышит. Старший лейтенант команды отдаёт шёпотом.

Самая непростая задача, как всегда, у пехоты: как только отстреляется расчёт «сорокапятки», атаковать юго-западную окраину и захватить три крайних дома.

Лыжники уходят раньше. Они войдут в деревню с северо-востока и перекроют дорогу на восток одновременно с атакой отделения Отяпова и сапёрной группы. Это — чтобы из деревни ни одна душа не ушла.

Вначале всё шло удачно, как задумывалось. Артиллеристы отстрелялись точно. Сразу подавили зенитную установку. Отяпов поднял своих. Добежали до первой хаты. И тут ударил пулемёт. Он бил откуда-то из глубины проулка, из метели. Упало несколько человек. Захрипел Ванников, загребая под себя снег. Отяпов ухватил его за ремень и оттащил за кладушку дров. Залегли. Пулемёт не умолкал. И Отяпов сразу забеспокоился о тех, кто остался лежать на снегу, в проулке, под огнём.

— Нил Власыч, я заметил, откуда он стреляет. — Гусёк дрожащей рукой очищал от налипшего снега свой ППШ. Протёр, проверил диск и вытащил из кармана полушубка гранату, зачем-то подышал на неё.

Нервничает, понял Отяпов.

— Давай, Гусёк. Правее обходи. Вдоль сараев. Спасай нас всех. Вся надежда на тебя.

Гусёк исчез в проулке. Метель поглотила его мгновенно.

Отяпов полез в карман Ванникова, чтобы найти его медицинский пакет. Но вдруг понял, что уже ничего не надо — Ванников не дышит и начал быстро остывать. В Калугу шёл... Домой. Надеялся своих повидать. Повидал...

В глубине проулка лопнула граната, потом другая. Немного погодя вернулся Гусёк. Он тащил пулемёт. Тянулась по снегу лента с длинными, как карандаши, патронами. Дырчатый кожух с шипением дымился, издавая приятный металлический запах.

— Вот, Нил Власыч, трофей прихватил.

— Ванников помер, — ответил Отяпов.

— Что, наповал?

— Наповал. Вот тебе и Калуга...

Гусёк забрал из карманов шинели Ванникова гранаты. Припорошил снегом лицо. Снег уже не таял. Сказал:

— Похоронить бы...

— Местные похоронят, — махнул рукой Отяпов.

Вскоре пришли лыжники. А за ними — связной из штаба батальона с приказом: атака деревни отменяется, срочно возвращаться назад.

Отяпов с Гуськом вытащили тела убитых к дороге. Оружие забрали с собой. Раненых увезла Лидка. Хоронить своих товарищей им было некогда. Местных жителей никого не видать. Ни души. Должно быть, все ушли в лес. Или немцы угнали. В дома заходить не стали. Не до того.

Оказалось: батальонная колонна меняла маршрут движения. Деревня им теперь была не нужна, её они обходили стороной. Разведка нашла другую дорогу, более пригодную. Пришёл приказ: мелкие гарнизоны обходить, боем себя не связывать, оставлять их вторым эшелонам.

Глава восьмая. БОЙ ЗА ДЕРЕВНЮ

В Калугу Отяпов не попал. Полк обошёл город с северо-запада. Шли маршем, без остановок и боёв. Всё уже было сделано. Вдоль дорог стояли уткнувшиеся в кюветы громоздкие немецкие грузовики, наши «ЗиСы» и полуторки с выгоревшими кабинами и обгоревшими, осевшими скатами, будто обглоданными каким-то невероятным и жадным зверем.

— Хороший город, — сказал Курносов. — Я до войны тут бывал.

— Пожгли сильно. — Отяпов смотрел на дымчатую кромку горизонта, которую обрамляли плотно наставленные дома незнакомого города, той самой Калуги, о которой столько говорили все эти дни и откуда родом был Ванников.

— Да, пожарищем пахнет сильно.

Вскоре повернули левее и вышли к крайним домам. Домишки здесь стояли так себе, не лучше, чем у них, в Отыпах. Правда, все крашенные в голубой или в зелёный цвет. И наличники резные, в затейливых узорах. Такого художества у них в деревнях не водилось.

Отяпов шёл и любовался наличниками. Каждый следующий дом был украшен узором, который отличался от предыдущего. Мудрёный, видать, тут народ живёт, подумал Отяпов, завистливый. Вон как своё от соседского отгораживает. Вот такой и Ванников был, царствие ему небесное. Не дошёл до своего дома. Тоже, должно быть, с узорами да затейством... Дети сиротами остались.

Возле дороги лежала полубогорелая лошадь, задрав кверху заиндевелые копыта. Её уже свежевали две старухи и мальчонка. Старухи рубили топором куски мёрзлого мяса, а мальчик складывал их на санки, стоявшие в черном затоптанном снегу, обмётанном копотью. Топор у старух был, должно быть, туп, и у них получалось плохо. А может, труп лошади сильно застыл. Ротный сказал, что ночью давануло до тридцати пяти. Ну, ничего, в такой одежке, в какую обмундировали их перед наступлением, пережить и не такой мороз можно.

Мальчик смотрел на идущую колонну и рассеянно улыбался. Должно быть, голодный, подумал Отяпов. Но его опередил пулемётчик Гридников. Он перескочил через кювет и сунул мальцу кулёк. Что у него там было, неизвестно. Может, сахар да сало. Что им ещё выдавали перед маршем? По банке рыбных консервов и гороховый концентрат. Гридников — человек добрый, он последнее отдаст, не пожалеет.

А малец чем-то на Власика похож. Только, может, ростом поменьше.

Отяпов оглянулся. Но колонна шедших сзади уже закрыла обочину дороги, где старухи и малец разрубали убитую лошадь.

К вечеру вышли к деревне. Деревня целая, дома стоят все, не пожжены, не побиты снарядами.

За деревней шла стрельба. Палили из винтовок да изредка дёргал морозный звонкий воздух наш «максим». Басовитый его грохот раскатисто стлался по вымерзшей ложине, где лежали несколько убитых. Чьи там лежали убитые, пока было непонятно.

Расположились за домами и сараями. Ротный сказал, что предстоит атаковать ту сторону лощины. Там засели немцы. «Неужто придётся лезть через лощину в лоб, без артподготовки?» Отяпов высунулся из-за угла, чтобы получше осмотреть местность, где им через минуту придётся умирать. Лощина неширокая, перескочить можно в один мах. Несколько стёжек протоптаны на ту сторону. По ним, должно быть, и бежали те, что лежат теперь, припорошенные снегом. Один лежал совсем близко, за колодцем. Отяпов присмотрелся: немец! Так тебе и надо, чёртов сын, подумал об убитом Отяпов.

Рядом шевелился Курносов. Он устраивался поближе к фундаменту.

— А ну-ка, подвинься, — сказал Отяпов и толкнул его валенком в бок. — Убери-ка свой лафет в сторонку.

И точно, вскоре и их очередь подошла.

Вначале «максим» прошёлся очередью по березняку и вершине пологой горки на той стороне лощины. Было хорошо видно, как пули поднимали снежную пыль и секли по сучьям молодых деревьев. И тотчас оттуда ответил немецкий МГ. Несколько пуль шлёпнули по брёвнам дома, звякнуло разбитое стекло.

Появился ротный. Начал смотреть в бинокль в сторону горки, откуда часто молотил немецкий пулемёт.

— Приготовиться! — крикнул он.

Но немцы поднялись раньше.

— Господи! Иисусе Христе! — выдохнул Отяпов и оглянулся на товарищей, прижавшихся к стене дома в ожидании своей участи.

Но тут захлопали миномёты — и лощину, противоположный склон с фигурками в грязных коротких комбинезонах, березняк и трупы немцев заволокло гарью и снежной пылью.

— Понеслась кривая в баню, — хохотнул Курносов и вытащил из-за пазухи сухарь.

Некоторые осколки на излёте добрасывало до самых дворов. Они шлёпались поодаль, прожигали затоптанный снег и исчезали, как нечистая сила.

Через несколько минут опять появился ротный. В руках у него был новенький ППШ. Он что-то кричал. И Отяпов понял, что надо выходить и бежать туда, по лощине в гору, где всё было расковеркано минами и где гарь всё ещё оседала на седой испорченный снег.

Окопы немцы отрыть не успели. Сделали норки в снегу, снизу застелили еловым лапником. Пулемётчики устроились более основательно. Натаскали досок, выложили бруствер и

присыпали снегом. Расчёт уйти не успел. Двое лежали прямо возле пулемёта, уткнув головы между коробок с патронами. Осколками изрубило именно головы. Третий поодаль. У третьего головы и вовсе не было.

— Хорошо отработали миномётчики, — стиснув зубы, сказал ротный.

Они потоптались вокруг убитых пулемётчиков и пошли в сторону леса, куда продвигался весь батальон.

Возле леса были сложены раненые. Во время боя их стаскивали сюда. Примчались санитарные сани, потом ещё двое. Начали грузить раненых. Отяпов помогал санитарам поднимать на сани раненых и всё смотрел в поле, не подъедет ли на своём сером коне Лидка. Но Лидки не было.

Зато появился капитан Титков. Его Отяпов узнал сразу. На белой лошади. Бравый. В хорошо подогнанном полушубке и в белой кубанке с красным верхом и золотым галуном. Прямо орёл степной, казак лихой. Встретились глазами. Отяпов отвернулся. Узнал ли его капитан Титков? Должно быть, узнал. Не такой уж он и пьяный был тогда, на Рессете, чтобы не помнить бойца, который хотел скинуть его с повозки.

— Ну что, ребята? — крикнул Титков весело, как будто привёз полевую кухню с горячей кашей и звал всех к котлу. — Много трофеев нахватали? Тащи всё в деревню!

Трофеи были. Несколько пулемётов, два миномёта, мотоцикл, повозки и лошади. Лошадей, правда, тут же старшины расхватили по ротам. Их в список трофеев не впишут. Не такие дураки командиры, чтобы ради лишнего ордена коня в чужой обоз отдавать. Ордена ещё будут, а конь нужен сейчас.

Кухня и вправду уже ждала их в только что захваченной деревне. Вот молодец старшина! День выдался хороший. Даже, можно сказать, весёлый. Все живы. Раненых быстро отправили в тыл. Жалко только, что в Калуге не побывали. В Туле вот довелось. Щами с гусятиной угостили. На всю жизнь запомнится. А тут — не довелось. С другой стороны, что им было делать в Калуге? Город разбит. Народ голодный. Можно было бы отыскать семью Ванникова. Но что сказать его жене? Что не уберегли её мужа от немецкой пули? Рассказать-то, конечно, надо было. Где убит. Как воевал. Как о них тосковал...

Каша была вкусная. Гусёк так и хватал с ложки большими кусками. Задышался, кашлял, шлёпал жадными губами, измазанными сажей. Без конца закидывал за спину свой ППШ. Приклад автомата он уже где-то порядком ободрал.

— Что ты, — сделал ему замечание пулемётчик Гридников, — как гончий кобель после охоты...

Гусёк только засмеялся и отвернулся, чтобы кашлять в сторону. Ел он всегда много.

Прошли мимо миномётчики. Несли трофейный пулемёт и немецкие ранцы.

— Пригребай, ребята, к нашему котлу! — позвал их старшина. Своих он покормил, можно было угостить и соседей, так выручивших роту во время боя.

Солнце уже зачерпнуло снега в дальнем поле, золотило густым уходящим светом соломенные крыши. Уцелела деревня. Уже и жители откуда-то появились. Ребятишки сновали среди бойцов. Их старшина тоже приказал кормить до отвала.

Вот бы и в свою родную деревню так войти, подумал Отяпов, глядя на ребятишек. Покачал головой, но никому об этой своей мечте не сказал. Он знал, что на войне о таком лучше молчать.

Отяпы были далеко. Но туда они уже шли.

Глава девятая. НА ВАРШАВСКОМ ШОССЕ

Полк разгрузился на заснеженной станции.

Артиллеристы выводили из вагонов испуганных лошадей, скатывали по бревенчатым помостам дивизионные пушки. Орудия на резиновых колёсах мягко скатывались вниз, в снег, покачивались из стороны в сторону, словно живые.

В голове состава разгружалась санитарная рота. Там тоже стояла суматоха и гвалт.

Роты выгрузились быстро. Сложили на сани своё армейское добро: ящики с гранатами, цинки с патронами, какие-то мешки, от которых пахло съестным — не то сухарями, не то воблой. И через полчаса уже шагали взводными колоннами по натопанному просёлку прочь от станции.

— Куда ж нас, братцы, гонят? — спросил боец из недавнего пополнения, прибывшего из Калуги.

В их полк влили несколько маршевых рот. Артиллерийский дивизион получил, тут же, на станции, несколько новых орудий. Каждой роте выделили два пулемёта — из ремонтного фонда. «Максимы», брошенные по лесам и дорогам ещё во время осеннего отступления и собранные комсомольцами, отремонтировали на калужских заводах и распределили по ротам. Роты получали их как награды. Политруки даже короткие митинги провести успели: так, мол, и так, за успешную атаку населённого пункта такого-то и примерное выполнение приказов командования... Пулемётчики поклялись отомстить за погибших товарищей.

Один пулемёт достался Гридникову. Ему сразу же присвоили младшего сержанта и дали двоих бойцов из калужан. Один из них теперь тащил тяжёлое тело «максима» с ребристым кожухом, другой — станок. Гридников нёс покрашенный известью щит. Перехватил его трофейным ремнём, перекинул за спину и двигался в строю, как бронепоезд. Коробки с лентами, пользуясь своим новым высоким чином, он заботливо распределил среди бойцов взвода, так что ни одно из отделений не осталось без ноши.

Одна из коробок была поручена отделению Отяпова. И вначале её бережно нёс сам отделённый. Наконец Отяпов окликнул шедшего рядом Гуська и сунул ему в руки тяжёлую металлическую коробку. Её тоже кое-как, наспех, обмазали густой известью, она не успела высохнуть и замёрзла.

Маскировку наносили уже в эшелоне. Взводный принёс ведро с известью и приказал покрасить всё, что можно. На всё извести, конечно, не хватило. Но самое главное — каски и пулемёт — покрасили.

Шли уже несколько часов. К вечеру мороз начал прижимать. Особенно в поле. Так и жалил открытые места, давил на лоб и виски.

Вскоре впереди увидели холмы, которые грядой уходили вдоль шоссе на запад. У подножия холмов всё было запутано проволокой. Темнели следы танковых гусениц. В лошине стоял сторевший лёгкий Т-60. Корма у него была взорвана, видать, сдетонировали боеприпасы. Он уже порыжел от ржавчины, а сверху его прикрыло высокой снеговой шапкой.

— Вот тут, видать, и остановимся на постой, ребята, — невесело сказал Отяпов, оглядывая окрестность.

А окрестность и вправду была безрадостной.

Линия окопов тянулась по опушке реденького леса, иногда по чистому пространству среди одиноких кустов ивняка. Позади, судя по чёрным шишкам куги и зарослям камыша, болото. Там чернели свежие полыньи от разорвавшихся снарядов и мин. Полыньи были разного размера.

Не доходя до линии окопов, спустились в глубокий ход сообщения. Приказали нагнуть головы. Нагнули. Пошли на полусогнутых. Кому охота снайперу под пулю голову подставлять.

Отделению Отяпова достались тридцать метров неглубокой траншеи со снежным бруствером. Кое-где, где были устроены стрелковые ячейки, снег облит рыжеватой водой и заморожен. Под ногами зыбало и чавкало — болотина. Траншея мелковата, но копать глубже нельзя, вот и намораживали их предшественники бруствер.

— Вот, командор, и попали мы, — сказал Лапин и начал по-хозяйски устраиваться в ячейке.

Бойцы своим новым окопом, да и всей позицией, доставшейся им по жребью войны, были явно недовольны.

Лапин ещё в лесу наломал сосновых веток и нёс их под мышкой. Теперь старательно укладывал их под ноги. Каждую веточку поправлял по нескольку раз. Кто-то, глядя на его старания, пошутил:

— Ты, Лапин, уж больно стараешься. Баба так постелю не стелет.

В ответ Лапин только усмехнулся. На вид ему было лет тридцать. Сухощавый, живой, как подросток. На тыльных сторонах ладоней густые аляповатые татуировки: на одной восходящее или заходящее солнце с надписью «Север», на другой череп с серпом и молотом на лбу и надписью «Печора». Видать, парень бывалый, поглядывая на своё пополнение, примечал Отяпов. Ну, ничего, тут нам не гладью вышивать. Бойцы Лапина сразу прозвали — Расписной. Тот не обиделся.

Ячейка, которую занял Отяпов, пахла мочой и болотиной. Под ногами валялся кусок кровавого бинта. Вмёрзший еловый лапник дышал и сипел. Иногда казалось, что стоишь на кочке среди болота и вот-вот ухнешь в прорву. Но это — когда одолевала дрёма и гиблые мысли. А так ничего, можно было терпеть. Позиция как позиция. Не они её выбирали, командование выделило. На войне солдату позиция — как долька не сенокосе: какая досталась, ту и коси.

Пришёл взводный и приказал выделить троих человек для строительства землянки.

Отяпов тут же занарядил троих калужан, старшим назначил Лапина.

— Ладно, мне незапахло и на кума поработать — согласился тот. — Для разнообразия жизни, так сказать. А где будем эту самую блатхату созидать? Да, командор, и вот ещё что: на круг всё же работать будем, доппаёк не предусмотрен?

Отяпов вытащил из кармана сухарь и сунул Лапину. Но тот отвёл его руку, засмеялся и пошёл по ходу сообщения за взводным.

Непростой ему попался человек, этот Расписной Лапин. Взводный приказал присматривать за ним особо: мол, бывшие уголовники перебегают на ту сторону, чуть что — руки вверх... Вот не было заботы Отяпову, когда простым бойцом был, без должности. Только и отвечал что за свою винтовку и за свой окоп. Невеликое было хозяйство, и его Отяпов всегда содержал в образцовом порядке. А теперь... На ж тебе, сол-

дат, три «секелька» в петлицы и ответственность за целое отделение. Смотри за ними, обучай владеть оружием, приглядывай, чтобы самострел не сделали. Морока...

К ночи землянка была готова. Взвод потянулся на отдых. В окопах остались только наблюдатели и дежурные при пулемёте. Вот ещё и пулемёт... Расчёт младшего сержанта Грідникова напрямую подчинялся командиру взвода, но взводный включил его в отделение сержанта Отяпова.

Грідников со своими калужанами отрыл ещё один окоп — в зарослях кустарника, во впадине, где начиналась лощина, уходящая в сторону леса. Лощина та шла немного наискось, так что в случае необходимости он со своим расчётом мог свободно, не обнаруживая своего маневра, перетаскивать пулемёт левее и прикрывать стык с соседним взводом. Там же окопались бронебойщики, оба расчёта.

Когда отделение ушло в землянку, Отяпов пошёл по ходу сообщения, чтобы ещё раз убедиться, что всё ладно.

Уже смеркалось. Левее, примерно, в километре гремело и перекатывалось эхом в глубину леса и по всему болоту. Там, видать, либо наши наступали, либо контратаковали немцы.

Прошел мимо наблюдателя. Тот стоял, привалившись плечом к столбу, и жевал сухарь.

— Что, Никитин, сладок сухарь?

— Ещё как, Нил Власыч.

Все, кто шёл с ним от Ресеты и Тулы, назвали его по имени и отчеству. Пополнение тоже постепенно перенимало порядки и неписанные законы, сложившиеся в отделении. Нил Власыч. Всё правильно. Какой он им «товарищ сержант»? Сержант... И слово-то какое-то не наше, не русское, а большое германское или французское...

— Всё тихо?

— Тихо, — ответил Никитин, кутаясь в полушубок.

— Затвор-то не примёрз?

— Да нет.

— Дай-ка посмотрю. — И Отяпов отвёл затвор винтовки Никитина. Винтовка не новая, уже, видать, побывала в бою. Патрон был в патроннике, и Отяпов, убедившись в готовности бойца и его винтовки к самым решительным действиям, осторожно толкнул боеприпас на место. Затвор ходил мягко. Смазку Никитин, как он им приказал ещё в эшелоне, протёр насухо. Калужане оказались людьми покладистыми и в военном деле сноровистыми. Не хуже тульских. Но те, пожалуй что, победовей.

— Смотри вон за тем склоном. Там у них окопы. Совсем близко.

— Да я уже понял. Мелькали там, котелками гремели. Сейчас затихли.

— Тоже наблюдают. Вот ты, Никитин, стоишь, и за германцем наблюдаешь. А он, германец, тоже там стоит и за тобой наблюдает. Вон, ракеты начал пускать. Ты голову-то, пока она горит, убирай. Снайпер может работать. Если будет какое сомнение, кинь гранату. Понял? Только подальше. Чтобы своих не зацепить. Да и сам: кинул — и в окоп... Граната хоть и своя, а тоже не разбирает, где свой, а где чужой.

— Спасибо, Нил Власыч, я всё понял, — кивнул Никитин.

Ночью отделение Отяпова подняли по тревоге. Ничего такого тревожного не оказалось. Просто из роты отряжали взвод на переноску боеприпасов, и несколько человек Отяпов отправил на неурочные работы.

Носили мины для тяжелых миномётов. 120-мм. Здоровенная, тяжёлая штука.

Тропинка была проложена прямо по Шатину болоту, через лес. Там, в лесу, находился склад боеприпасов, хорошо замаскированный в оврагах среди вековых елей. Чтобы не демаскировать склады, днём туда никто не ходил, не ездил. Снаряды, мины и прочие огнеприпасы на позиции артиллеристов и миномётчиков доставлялись в тёмное время суток. Ночь в феврале дольше дня, и до рассвета бойцы успевали сделать по Шатину болоту от складов на позиции по три-четыре ходки.

Тропинка под ногами прогибалась. Особенно когда возвращались назад, с двухпудовой ношей. Мины перевязывали за хвосты ремнями, перекидывали через плечо или через голову — и вперёд. Дистанция десять шагов.

Хруп-хруп зыбкий ледок под ногами. Впереди идущий вытягивает шею из-под врезавшегося в плечи ремня, смотрит в глубину белого болота, покрытого пятнами от попаданий снарядов и мин. От них тянет тухлой болотиной. Чёрные полыньи парят, мороз им нипочём, словно изнутри их подогревает сама нечистая сила, прилетевшая сюда с Зайцевой горы.

Отяпов поправил сползшую вниз левую мину, за одно пощупал, ладно ли затянуты узлы. Подумал, тоже поглядывая в белое поле: летом, должно быть, тут полно утей. Гнезятся. Выводят утят. Корма полно. Укромно. Кустарник. Камыш. Узлы на хвостах мин надо было проверять постоянно, не развязались бы...

Впереди идущий начал сбиваться с ноги, вихлять и замедлять ход.

— Стёпин! — окликнул его Отяпов. — Не спи, гад ты такой! Угроишь себя и нас!

Разговаривать на тропе запрещено. Но Стёпин, идущий впереди, явно задремал и в таком ненадёжном состоянии может наделать беды куда хуже.

Стёпин оглянулся, махнул рукой: мол, всё в порядке, не сплю.

Не сплю...

Стёпин тоже калужский.

Стёжка начала отворачивать влево. Обходили полыню, из которой торчали покрытые инеем жерди. На жердях обрывки тряпья. Начальник склада, когда проводил инструктаж, рассказал: три ночи тому назад задремал на ходу боец, упал, мины ударились одна о другую, и произошёл взрыв.

Отяпов посматривал за идущим впереди до самого конца болота. На твёрдом догнал бойца и ударил его кулаком между лопаток:

— Ты что, чёртов сын! Петляешь, как пьяная курица!..

— Виноват, Нил Власыч. Больше не повторится.

— Смотри...

До общего подъёма успели пару часов поспать. Спали не разуваясь. Зарылись в солому в углу землянки и тут же дружно, как сыны от одной матери, захрапели.

И приснился Отяпову сон. Будто идёт он по гречишному полю. Гречиха цветёт белым цветом. На вишнёвых стебельках тяжёлые гроздья цветков. Эх, какой урожай будет, думает Отяпов! А солнце над полем такое жаркое, доброе, на всё хватает его тепла — на гречишное поле, на цветы, на лес, мреющий среди зноя тёмно-зелёными соснами и бархатистыми осинами, на его, Отяпова, чтобы он не мёрз посреди февральского болота. Но это ещё не весь сон. Самое радостное в нём было то, что краем поля, только с другой стороны шла женщина. Отяпов смотрел на неё и вроде бы узнавал, а вроде бы и нет. Решил окликнуть по имени. Имя он вроде как тоже знал. Набрал в грудь воздуха, чтобы осилить крик... Но тут его толкнули в бок. Разбудил какой-то гад распоследний из отделения...

— Вставай, Нил Власыч. Каша пришла.

Тьфу, подумал с досадой Отяпов.

Но каша тоже дело неотложное. Надо подниматься. А в глазах стояли, холодили веки слёзы. Так жалко, что сон не досмотрел.

Только успели управиться с кашей, зашевелился весь полк. Доскабливали котелки уже в ячейках.

А на гряде высот, по гребню и скатам, уже поднимались чёрные столбы взрывов. Неужели артподготовка? Вон для какого дела они мины всю ночь носили. Сердце у Отяпова

заколотилось. Он оглянулся на своих. Лица у всех посерели, вмиг осунулись. Поняли, что сейчас будет.

Артиллеристы и миномётчики ещё покидали снарядов и мин по гребню высоты. Взводный выскочил на бруствер, поскользнулся на обледенелом скате, упал, выронил свой пистолет. Тут же торопливо поднялся, снова полез на бруствер. Пистолет ему подали.

— Вз-зв-во-од! — закричал он, не теряя решительности. — За мно-о-о!..

Левее, натужно ревя моторами, шли три танка. Две «тридцатьчетвёрки» мощно пробивали в снегу глубокие туннели. За одной из них, немного отстав, шёл Т-40.

Лейтенант бежал впереди и часто оглядывался на бойцов, которые барахтались в снегу позади него, широко растянувшись по полю.

— Гусёк, Лапин! Давай за мной! — И Отяпов перевалился через снежный отвал и побежал за «тридцатьчетвёркой» по рыхлому гусеничному следу.

Он знал, что сейчас, когда немецкие противотанковые пушки начнут стрелять по танку, на линии огня окажутся и они. Но ползти по глубокому снегу, а потом перебираться через заграждения из колючей проволоки, было ещё опаснее. Сапёры ночью ползали на нейтралку, снимали мины и резали проволоку. Немецкие дежурные пулемёты их отпугивали. И неизвестно, где сапёры сняли мины, а где нет.

Немецкие противотанковые орудия заработали в тот момент, когда «тридцатьчетвёрки» подошли к линии проволочных заграждений. Одна трасса прошла над танком выше, даже не задев его. Другая чиркнула по башне и, изменив траекторию, прошуршала над головами бойцов, бегущих за танком. Они инстинктивно попадали в снег. Но тут же поднялись и побежали дальше. Третье попадание оказалось более точным. Трасса рассыпалась брызгами электросварки на наклонной лобовой броне. Танк вздрогнул, будто на всём ходу наскочил на камень, прятавшийся под снегом, но продолжал идти вперёд. «Тридцатьчетвёрка» то зарывалась в глубокий сугроб, то вскидывалась, разбрасывая блестящими гусеницами куски наста, словно в своём порыве хотела взлететь над землёй и поскорее добраться до немецкой траншеи.

Лёгкий Т-40, шедший позади, делал короткие остановки и стрелял из обоих пулемётов. Особенно отчётливо слышался басовитый стук крупнокалиберного ДШК. Башенный стрелок, должно быть, засёк позицию противотанкового орудия, и теперь молотил из пулемётов в одном направлении. И орудие вскоре замолчало.

Треснули столбы, и «тридцатьчетвёрка» протащила вперёд проволоку, потом развернулась и пошла левее, по лощине. Теперь огонь противотанковых пушек, стоявших на прямой наводке на склоне высоты, ей был не страшен. Она оказалась в «мёртвом» пространстве.

Отяпов оглянулся, и холодный пот побежал по позвоночнику под ремень: вторая «тридцатьчетвёрка» и лёгкий пулемётный танк пятились назад. Они вели частый огонь и уходили по своему следу к окопам, откуда начинали атаку. Пехота слева тоже стала нырять в снег и вскоре исчезла. Осталась только их рота и правофланговый батальон. Батальон уже карабкался вверх и вёл автоматный огонь.

— Давай, ребята! Вперёд! — что есть силы закричал Отяпов своим бойцам, чувствуя, что все ждут его команды. — Если тут заляжем, пропали!

Немецкий пулемёт повёл огонь вдоль наступающей цепи, больше захватывая порядки соседнего батальона. Но Отяпов знал: как только они начнут подниматься по склону вверх, к первой немецкой траншее, он перенесёт огонь на их линию. А пока для немцев, обороняющихся на склоне высоты, они были менее опасны.

Перед тем как подниматься вверх, залегли. Отдышались. Пулемёт молотил вверх и немного левее.

— Кто пойдёт к пулемёту? Нужны двое. С гранатами.

Бросать гранаты в отделении умели не все. Некоторые гранат просто боялись. Отяпов даже не был уверен, все ли взяли их с собой.

Бойцы молчали. Слышен был только кашель и хриплое дыхание.

Тогда Отяпов позвал двоих — Лапина и Никитина.

— Не бойтесь, ребята, — сказал он им, перекладывая гранаты из вещмешка в карманы. — Я пойду с вами.

Когда они поднялись по склону выше, Отяпов оглянулся: внизу лежало ослепительно-белое пространство, чистое, широкое, как поле за его родной деревней, испорчено оно было несильно и только в некоторых местах — копотью редких свежих воронок, которые ещё не прикрыл снег, и бороздами танковых гусениц. Там и тут бугрились серые холмики убитых. Возле некоторых уже копошились санитары. Танки уползли за окопы и маневрировали в перелеске. Только «тридцатьчетвёрка», прорвавшаяся в лощину под скатом горы, не бросила их и вела частый огонь по высоте. Снаряды рвались точно, по гребню, где проходила немецкая траншея.

Подползли совсем близко.

— Ну, командор, кто ему рога ломать полезет? — спросил шёпотом Лапин.

Отяпов посмотрел, как затянуло тоскливой пеленой глаза Никитина, и ворохнулся было вперёд, но Лапин остановил:

— Как мать ляжет, так и будет. Я — первый.

После, когда ворвались в траншею и в короткой схватке выбили немцев из первой линии, Лапин, задыхаясь от неостывшего азарта и кашля, рассказывал, как он справился с немецким пулемётчиком, а потом собирал трофеи в захваченном блиндаже:

— Ну, тут я ему акулу под ребро... Повалил оленя, покрапил снежок красненьким... А там у них барахла всякого...

— Ловкий ты парень, Расписной! — хвалили его бойцы.

— Фартовый! Или как там у вас...

Лапин, явно польщённый похвалой, рассказывал дальше. Все его с удовольствием слушали, будто сами только что были не здесь, не в месиве рукопашной, а где-то далеко, где ни стрельбы, ни немца, ни пуль над головой.

— Ну, тут я гляжу — тормоз³ в конце хода. Аг-га! Я его — на себя. Гранату вперёд, на гостинец. И — весь хабар, что там был, мой! Один олень ещё живой. Ну, я ему прикладом, как вон Нил Власыч учил. Подмотал вату⁴ — и ходу. Вот, всё, что честно добыто, так сказать, в доблестном бою... — И Лапин пнул носком сырого валенка немецкий ранец. — На всю хевру, конечно, не хватит. Но можно и ещё пошмонать.

— Документы соберите, — приказал Отяпов.

Атакой он был доволен. Особенно Лапиным. И вправду парень фартовый. И подумал: надо бы взводному доложить, кто уничтожил пулемётный расчёт и кому они обязаны тем, что ещё живы.

Начали устраиваться. Выбросили трупы немцев. Рядом, на брустверах в сторону второй немецкой линии, выложили своих. Им теперь всё равно. Через час-другой застынут, никакая пуля не возьмёт. И послужат ещё...

Спустя некоторое время внизу, возле проволочных заграждений, появилась «тридцатьчетвёрка», та самая, которая ушла по ложине влево и которая так помогла им во время атаки. Теперь она уходила назад. Видимо, отозвали. У неё командование было своё.

— Ушли наши танки, — сказал кто-то из бойцов.

— У танкистов своя работа.

— Это так. Попукали и ушли.

Бойцы материли танкистов. Но вскоре успокоились. Кто раскладывал в нише трофейные гранаты, кто курочил не-

мецкий ранец, кто грыз свои сухари. Ждали контратаки. И не напрасно.

Немцы контратаковали уже в сумерках.

Глава десятая. «ТАНКИ!»

Вначале обработали из миномётов. Да так, что тела убитых и раненых выбрасывало из окопов. Тяжёлые мины ложились парами.

Когда начало трясти землю, Отяпова затошнило. Хорошо, что ничего не ел, подумал он, сплёвывая под ноги горькую желчь тягучей слюны. Зашумело в ушах. Контузия, сволочь такая...

Он пришёл в себя оттого, что кто-то с силой тряс его за плечи. Пелена перед глазами рассеялась, и он увидел искажённое ужасом лицо Гуська. Случилось что-то страшное, понял Отяпов и попробовал встать. Все суставы болели. Руки-ноги дрожали.

— Танки! — услышал он голос Гуська.

Через них перепрыгнул лейтенант. Тут же резко ударила бронебойка. Обдало снегом и мёрзлой землёй.

Началось... Ничего, сейчас встану и я... Отяпов навалился грудью на бруствер. Затолкал в магазин новую обойму. Уже понесло по траншее пороховой дымок. И этот запах, почти родной, как махорочный дух, заставил Отяпова внутренне встать, взять себя в руки.

Снова ударила бронебойка. Отяпов оглянулся. Первый номер в расстёгнутом полушубке стоял на коленях в снежном ровике и, плотно сжав губы, тщательно прицеливался — туда, вдоль склона, где, должно быть, и происходило самое страшное.

Выстрелил и Отяпов. Теперь он видел, в кого надо стрелять.

Немцы атаковали тем же манером, что и они. Танки шли впереди. Пехота, небольшими группами, до отделения, не больше, продвигалась под их прикрытием.

Отяпов стрелял, выцеливая синие в вечерней мгле фигурки немецких пехотинцев, мелькавшие за коробками танков. Иногда, меняя обойму, оглядывался в глубину траншеи, приглядывал за своими, стреляют ли. Грохот стоял кругом. Стреляли все.

Танк, шедший прямо на их окопы, неожиданно резко развернулся и осел на правую сторону, выбрасывая из-под себя снег и мёрзлую землю.

— Патрон! Быстро! — крикнул бронебойщик своему второму номеру.

Вот молодец Тимир, с благодарностью подумал о броневой бойшике Отяпов.

Танк развернуло боком к их окопам. Теперь в него стреляли все. И вскоре он задымил. Открылся верхний люк, и из него кубарем выкатился танкист, прыгнул по броне вниз и исчез в снегу.

Ловок... Жить охота... Второго Отяпов не пропустил. Немец повис на броне, потом сполз на корму. И вскоре начала дымиться, а потом загорелась его одежда. Танк охватило пламя, начались рваться боеприпасы.

Два других танка остановились, сделали по несколько выстрелов и стали пятиться назад. Пехота залегла, открыла огонь. Перестрелка длилась минут пять. Потом погасла. Немцы короткими перебежками отходили во вторую линию своих окопов. Не вышло у них с контратакой, и они отошли.

Ишь, как воюют. Осторожно. Не то, что мы. Так думал Отяпов, выглядывая из окопа и определяя, откуда может прилететь пуля или мина. Но ничего опасного, кажется, не заметил. Можно было отдохнуть.

Об убитых и раненых траншея молчала. Не потому, что бой прошёл без потерь, а просто об этом принято было молчать, пока взводный не затребует у командиров отделений список убитых и раненых. Взводному, видать, было не до того. Пробежался по траншее и пропал где-то в стороне наблюдательного пункта командира роты.

Ночью бойцы ходили к танку — греться. В окопах было холодно, но пуще холода бойцов одолевало любопытство. Многие чужие танки видели только на листовках, которые поучали бойца Красной армии не бояться танков противника и указывали их уязвимые места. Спасибо броневой бойшикам. Если бы танк долез до траншеи, наделал бы много беды.

Отяпов тоже хотел сходить, посмотреть, как его, чёртова сына, раздуло от внутренних взрывов. Но усталость разламывала всё тело, клонило в сон, да так неодолимо, что, кажется, захворал, и эта хвороба захватывала его такой неодолимой силой, так корёжила и мучила ослабевшее, беспомощное тело, что он едва сдерживался, чтобы не застонать в полусне. Уснуть тоже не мог. Проклятая контузия...

Утром, когда наступил артиллерийский рассвет, прилетели самолёты. Никто их не отгонял, ни истребители, ни зенитки. Пикировщики выстроились гигантским колесом и парами бросались на отбитые окопы.

Как ни странно, но бомбёжку Отяпов вынес легче.

Самолёты заходили снова и снова. Когда очередной «лап-тёжник» зависал над линией окопов и от него отделялась,

будто помёт, бомба, казалось, что она-то вот сейчас и прилетит к нему. Но спустя мгновение бомбу сносило куда-то в сторону. И опять жизнь продолжалась. Не так-то просто было попасть в узкую, как жилка траншею.

Самолёты улетели. Наступила тишина. И чтостряслось, откуда прозвучала эта команда, а может, никто и не подавал никакой команды, а с людьми, сразу со многими, произошло нечто, что заставило их выскочить из окопов и бежать сломая голову вниз по склону, к своей линии.

Напрасно лейтенант размахивал пистолетом, выскочив наперерез бегущим. Его сбили с ног, и, наверное, затоптали бы, если бы не Отяпов. Он подхватил лейтенанта под руки, поставил на ноги и толкнул вниз. И через мгновение тот уже бежал, спасался вместе со всеми тем же резвым аллюром.

В окопах их встретил комбат Титков. Он стоял на бруствере и, выбирая из оравы бегущих кого-нибудь одного, тщательно прицеливался из револьвера и нажимал на спуск.

— Труссы! Мать вашу!.. — матерился он и снова тщательно прицеливался, чтобы ни одна пуля не пропала зря.

Револьвер прыгал в его руках, как механический молоток, которым он уверенно забивал гвозди в бегущие ему навстречу тела. Когда патроны кончились, он открыл барабан и начал его торопливо заряжать. Но в это время бегущая лава хлынула в окопы, и комбата Титкова сбили с ног. Кто-то вырвал из его рук револьвер и отбросил в сторону, за бруствер. А что произошло через мгновение, толком никто так и не мог потом вспомнить.

Глава одиннадцатая. ОКРУЖЕНИЕ

В полдень по ходу сообщения ходил командир полка. Пожилой, постарше Отяпова, полковник с седыми усами, в белой каракулевой шапке. Его осунувшееся лицо, казалось, не выражало ничего, кроме усталости.

Что ж вы, братцы, натворили, — приговаривал он, заглядывая в лица бойцов. — Что ж вы, ти-вашу-разъети...

Бойцы при виде полковника вытягивались в своих тесных ячейках, прижимая к бокам винтовки, будто боясь, что сейчас тот потребует показать ему штык и скажет: «Вот он!»

Комбата нашли в траншее с пробитым боком и стреляной раной. Кто-то из бежавших бойцов всадил ему штык и одновременно выстрелил. Если бы только выстрелил, может, сошло бы за пулю с той стороны. Но штык, пропоротивший Титкова насквозь... К тому же тело комбата было измазано глиной и грязным снегом, будто по нём топтались.

Отяпов знал капитана Титкова давно. И о том, что с ним случилось, несколько не сожалел. Подумал: место тебе, чёртов сын, на дороге, возле Ресеты надо было ещё... Скольких он положил из своего револьвера, полковник почему-то не считал и о них не сожалел. Вот о них-то, безвинно попавших под пули комбата, Отяпов горевал. Ладно б в бою...

О случившемся во взводе помалкивали. Молчали и рота, и батальон. В штабах, среди офицеров, может, и растолковывали гибель капитана Титкова на иные лады, пытаюсь понять, что же произошло, но в окопах молчали. Хотя, по лицам было видно: думали все.

Вместе с полковником в роту пришли два младших лейтенанта из штаба дивизии — дознаватели особого отдела.

Отяпов посматривал на Лапина. Тот не подавал виду. Но притих. За всем, что происходило в траншее, будто со стороны наблюдал. Глаза так и бегали. Всё делал осторожно, даже ходил и садился на ящики осторожно. И больше слушал, чем сам говорил.

Когда ввалились в окопы и начали разбираться, где свои, а где чужие, из других взводов, когда ещё не разошёлся слух об участии капитана Титкова, Отяпов видел, как Лапин менял штык. Сдёрнул штык с винтовки убитого, а свой снял и сунул под еловую подстилку.

— Слышь, командор, — шепнул Лапин Отяпову, — как думаешь, кто хозяина заколбасил?

Отяпов ничего не ответил, даже не взглянул в сторону Лапина. И тот заметно заволновался. Снова зашептал:

— Никак следаки пришли? Как думаешь, шмон будет?

— Ты штык-то поглубже припрячь, — отмолвил ему Отяпов и посмотрел в глаза так, чтобы тот больше не заговаривал о том, о чём все молчали. — А лучше прикопай. И обойму дозаряди. Понял?

Лапин взгляд выдержал. Ухмыльнулся.

— Понял, командор. Понял, не дурак. А кроме тебя, кто-нибудь видел?

— Кто видел, тот будет молчать.

— Ну-ну, — ухмыльнулся Лапин. — Командирам следует доверять...

Младшие лейтенанты начали по очереди вызывать бойцов в землянку. Но после второй пары в роту прибежал повар Улыбин и сказал, что в лесу он напоролся на колонну танков и грузовиков с солдатами. Немцы ехали со стороны Варшавского шоссе в сторону Юхнова. Коня и котёл он бросил и сам насили вырвался живой.

— Что б ты сдох! — сказал пожилой бронебойщик.

Больше Улыбину никто ничего не говорил.

Все скорбели о котле с кашей. О выбывшем коне никто, кроме повара, не вспоминал. Но появление немецкой колонны в тылу обеспокоило больше. Ротный тут же схватил Улыбина за ремень и потащил в штабную землянку. Командир полка был ещё на НП, слушал показания бойцов, которые в момент гибели комбата были рядом или поблизости. Когда ротный доложил о немецкой колонне в тылу, полковник побледнел, а дознаватели тут же выгнали допрашиваемых из землянки и засобирались в штаб дивизии.

Выслали разведку. Разведка ещё не вернулась, а левофланговый батальон уже вступил в бой с перевёрнутым флангом, отбивая атаку немецкой мотопехоты.

Бой длился до самой ночи. Ночью рота отошла к болоту. А утром пронеслось: «Отрезаны».

Когда отходили к Шатину болоту, осколком мины ранило Гуська. Автомат он отдал Курносову. Гуська перевязали и увезли на санитарной повозке. Повезли его по единственной дороге вокруг болота, которая пока ещё оставалась в их руках. Раненых свозили в лес. Говорили, что там, в оврагах, рядом с артиллерийскими складами, был развёрнут полевой госпиталь.

Остаток ночи прошёл без сна и покоя. Зарево полыхало повсюду. Кругом гремело. Бывалые бойцы сразу определили, что работает тяжёлая артиллерия. А это означало, что происходило что-то серьёзное. Но больше всего настораживало то, что раненых перестали вывозить в тыл.

Утром стало известно, что немцы рассекли порядки армии на две части и одну из них, около трёх дивизий с частями усиления, а также тыловые службы и учреждения, окружили.

Отяпов знал, что такое окружение и чем это обычно кончается.

Бойцы сгрудились возле своего лейтенанта. Тот молчал. Он и сам знал не больше других. Но бойцы с надеждой смотрели на него. Ждали, что вот-вот начнётся прорыв. Командиры повыше взводного тоже молчали. Куда-то ездили на лошадях, кричали друг на друга. Матерились. И видеть это, особенно тем, кто в окружении уже побывал и понимал, что в таких случаях будет через час-другой, становилось невыносимо.

Прошли ещё сутки. Рота оставила просёлок и ушла по тропе через болота в лес. Из-за болота было видно, как по дороге двигались немецкие танки в бело-полосатом камуфляже с жёлтыми крестами.

Вскоре заговорили о прорыве. Но точных сведений по-прежнему не было: когда, где, на каком участке и какова при этом будет задача их роты и батальона.

Наконец, в ночь назначили прорыв. Приказали изготовиться.

Почистили оружие. Приготовили гранаты. Старшина раздал сухари и сушёную воблу. Костров разводить не разрешали. Пожевали воблы с сухарями. Запили вонючей болотной водой.

Наступление почему-то задержалось — начали только к утру, когда стало светать. И сразу же первые эшелоны попали под миномётный и артиллерийский огонь. Ничего не вышло. Народу на опушке и в оврагах, по которым передвигались колонны первого эшелона, оставили много. Долго оттуда доносились стоны и крики раненых.

Санитары несколько раз пытались вернуться, чтобы хоть более или менее надёжных вытащить, но их отгоняли немецкие «кукушки», которые расселись по деревьям и открывали огонь по любому движению или шороху. Санитары рассказывали, что немцы ходят по оврагам и добивают раненых штыками.

Лапин теперь не отходил от Отяпова. Он знал, что отделённый уже бывал в окружении, что вышел и вывел людей. Инстинкт человека, не раз побывавшего на краю, безошибочно подсказывал ему, что на командиров надежда плохая, а этот неказистый с виду ефрейтор знает то, чего не знают многие, что вдобавок ко всему он человек фартовый, и что его фарт и опыт помогут ему и, возможно, тем, кто окажется рядом с ним, и на этот раз.

Однажды Отяпов вышел к дороге, а навстречу Лидка гонит санитарные сани. В санях раненый, до глаз замотанный бинтами. Битны промокли, сочились кровью.

— Дядя Нил! И ты тут?

— А где ж мне быть, милая! Где беда, там и я. Гуська, автоматчика моего, не видела?

— У нас он. Операцию сделали. Осколок вытащили.

— Ну как он?

— Лежит.

— А покормили ж вы его хоть? Или голодный погибает? На-ка, Лидушка, передай ему гостинцы. — И Отяпов протянул Лиде свёрток, где хранился остаток его сухпайка — кусок воблы и несколько сухарей.

— Не надо, дядя Нил. У нас кухня своя. И концентраты пока есть.

— Ну, гляди. Парня мне не погуби. Передай от меня ему поклон.

День прошёл в скитаниях по лесу. Куда шли? Кто их вёл? Что их ждало в конце пути? Уже никто не заботился о том, что роту надо кормить, пополнять подсумки патронами, а раненых и больных отправлять в лазарет. Старшина куда-то пропал. Ротный с санинструктором и связистами тоже ушёл в голову колонны, где, говорят, двигался штаб полка.

К вечеру на них налетели самолёты. Та же стая пикировщиков. Посыпались бомбы. Когда запас бомб иссяк, самолёты заходили и атаковали вновь и вновь, простреливая лес и овраги из пушек и пулемётов. Народ разбежался по лесу. Многие так и не вернулись назад. То ли побило их, то ли разбредлись, уже не надеясь на командиров.

Недосчитался и Отяпов в своём отделении троих бойцов. Вписал их фамилии в бумагу, выданную старшиной роты, а тот внёс в список безвозвратный потерь. Все трое остались на высоте, там их упокоили немецкие пули. Гусёк — в полевом госпитале. Так что Отяпов сразу осиротел. Привык к Гуську, к тому, что этот весёлый и простоватый парень всегда под рукой. После боя на высоте он стался с Лапиным и Курносовым. Вот и всё его отделение.

На ночёвку остановились в глухом овраге. Хорошо, что разрешили разжечь костры.

Пришёл ротный, посмотрел на них, сидящих возле костерков, покачал головой и снова куда-то пропал. Хорошо, что хоть взводный всегда был рядом.

Вокруг лейтенанта их оставалось двенадцать человек. Вместе с противотанковым и пулемётным расчётами. Ни ружья, ни пулемёта взвод не бросил, хотя бегали много. Второй расчёт погиб — мина попала прямо в их окоп, когда сидели на высоте.

На третьи сутки пришёл незнакомый полковник и сказал, что он будет их выводить и что в группу прорыва нужны автоматчики. Увёл из роты троих автоматчиков, в том числе и Курносова.

Группа прорыва начала строиться на южной опушке леса. Остальным приказали ждать. Как только они прорвутся — за ними.

Прибежала Лида:

— Раненых приказано оставить. — Глаза заплаканные, губы то ли растрескались до крови, то ли искусала.

— Как оставить?! — Отяпов чувствовал, что что-то должно произойти такое, что, пожалуй, похуже окружения и гибели в этих проклятых болотах и чего на войне он ещё не испытывал.

— А ну-ка, рассказывай, как туда пройти.

— Куда ж вы пойдёте, дядя Нил? Там, может, уже немцы.

— Далеко от складов они лежат?

— Рядом. Западнее, первый овраг. — И словно подтолкнула его: — Гусёк ваш там. Там он, дядя Нил. Я его видела.

Отяпов бежал так, как даже от немцев не бегал. Стёжка к госпиталю была хорошо натоптана. Даже не одна. Он бежал по санному следу и вскоре увидел то, что осталось от артиллерийских складов. Боеприпасы, видимо, все вывезли. Пока сидели в окружении, артиллеристы израсходовали остатки запасов. Кругом валялись пустые ящики, несколько конных передков без колёс. А дальше санный след превращался в серое, в кровавых бинтах, месиво, скопище ползущих и ковыляющих людей. Одни двигались по дороге. Другие расползались по лесу. Это были раненые. Стоял невообразимый стон, крик, брань и проклятия.

— Гусёк! — закричал Отяпов. — Ты где, Гусёк?

Лица, которые нескончаемой чередой мелькали перед ним, были чужие, заросшие щетиной, злые.

Господи, ужаснулся Отяпов, да как же это раненых-то бросили...

Кто-то ухватил его за валенок. Отяпов машинально отдернул ногу. Господи, что ж это... Где Гусёк?

— Гусёк! — снова закричал он, раздирая морозным дыханием горло.

Вокруг хрипели чужие голоса.

Он спрыгнул в овраг. Раненые здесь лежали правильными рядами на подстилке из еловых лапок, прикрытые одеялами и шинелями.

Гусёк лежал возле большущей ели. Сучья у ели были обрублены снизу. Видимо, пошли на подстилку.

— Гусёк! Что ж ты лежишь? Надо уходить!

Гусёк плакал. Слезы бежали по его грязным щекам блестящими дорожками и дымились.

— Ты за мной, дядя Нил?

— За тобой, за тобой, сынок.

Отяпов освободился от винтовочного ремня, перекинутого через голову.

Рядом с Гуськом лежал пожилой боец с артиллерийскими петлицами. Ноги его были укутаны. Сквозь одеяло сочилась кровь.

— Что, за сыном пришёл? — сказал он тихо.

— За сыном.

Слава богу, Гусёк был жив. Лида сказала, что осколок вынули. Отяпов знал, что после операции тревожить человека нельзя. Но как же тут не тревожить?

— Слышь, браток, ты меня... такого... не оставляй. — Артиллерист смотрел на него глазами человека, который уже знал свою судьбу до конца.

— Как же я вас, двоих-то, понесу?

— Тынеси его. Он молодой, ему ещё жить и жить. А меня... — Артиллерист указал дрожащим пальцем на винтовку, которую Отяпов сунул прикладом в снег и она теперь стояла послушно рядом с ним, как живая.

— Что ты? Я, такое, не смогу..

— Сможешь. Бросить нас смогли. А стрелять — легче. Поверь мне, легче. Я стрелял. В октябре, под Вязьмой. Так что давай.

— Да у меня и патронов-то нет, — стал отговариваться Отяпов, чувствуя подступающий ужас и власть неподвижного взгляда артиллериста.

— И меня, — вдруг послышалось из-под другой шинели.

— И меня...

— И меня...

Он завернул Гуська в одеяло, перекинул его через плечо и, опираясь на винтовку, как на посох, трюшком побегал вдоль оврага, назад, к артиллерийскому складу, к дороге. Голоса оставшихся в овраге ещё долго гудели в голове, догоняли его, стучали в затылок.

В стороне леса, где осталась рота и где незнакомый полковник собирал автоматчиков в группу прорыва, послышалась стрельба и хлопки гранат. Значит, пошли.

Отяпов пересёк дорогу и зашагал напрямую, по глубокому снегу. Так, казалось, ближе до южной опушки. Может, всего с километр.

Гусёк потяжелел. Похоже, он был без сознания. Но тёплый. Значит, живой, с надеждой думал о своём боевом товарище Отяпов. Через одеяло он чувствовал его живое тепло.

В стороне санной дороги заурчал мотор. По звуку, немецкая танкетка. Отяпов присел, прислушался. Так и есть — танкетка. Как бог его отвёл от дороги...

Там закричали нечеловеческим криком. Танкетка взревела мотором, понеслась в глубину леса. Давит, гад, догадался Отяпов. Такое он уже видел, когда от Брянска бежали к Туле.

Силы ещё были. Он лез по глубокому снегу, тащил свою ношу и чувствовал, что этот километр он пройдёт без остановки и отдыха.

Так и вышло. Но когда он вернулся в знакомый лес, где оставил свой взвод и Лиду, никого живого там не нашёл. И лейтенант с остатками взвода, и рота, и полк — все ушли. В

затоптанном снегу лежали только с десятков убитых. Рядом валялись их винтовки. Подсумки на убитых расстёгнуты и пусты.

Следы вели в одну сторону. Отяпов пошёл по ним. Куда ушёл полк, туда надо и им. Куда же ещё...

На опушке лежало ещё несколько трупов. Все — головой туда, куда ушёл в прорыв полк.

Дальше он решил идти не по лугу, а лесом, вдоль опушки. Так безопасней. Хотя глубокие и уже смёрзшиеся тропы в снегу манили тем, что передвигаться по ним было значительно легче, чем по целику.

Так он прошёл ещё с километр.

Стрельба уходила правее и дальше. А он, держа вдоль опушки, поворачивал в тишину. Впереди было тихо. И там же, впереди, светился прогал. Узкая поляна, уходившая в глубину леса. Видимо, лесной покос. Или просека. А может, дорога... Воробьём встрепенулась в груди надежда.

Обходить её Отяпов не стал. Слишком далеко. Силы надо было беречь.

Когда он вышел на просеку, почувствовал, что он тут не один. За ним кто-то внимательно наблюдал. Чужой. Внутри похолодело. Отяпов оглянулся и посмотрел из-под своей ноши в глубину просеки. На густой сосне сидел человек. Сидевший был замаскирован сосновыми ветками и куском белой материи. Но опытный взгляд охотника разглядел его среди маскировки. «Кукушка». Снайпер. Или наблюдатель. Что тут делать наблюдателю? В белом маскировочном халате. Человек смотрел в бинокль. Смотрел на них. На то, как один тащит другого, опираясь на винтовку.

«Когда же он выстрелит? — напряжённо думал Отяпов. — Вот сейчас... Сейчас... Самое время... Ещё шаг... Ещё два... До леса шагов пятьдесят, а по такому снегу — ещё больше. Сейчас...»

Немцы так и не смогли запечатать «котёл» со всех сторон сильными отрядами с артиллерией и танками, как они умели это делать в подобных случаях. Часть окружённых числом до полка организовала прорыв, смела пехотный взвод с тремя пулемётами и ушла в сторону основной обороны.

Чтобы тем же маршрутом не воспользовались оставшиеся мелкие группы и одиночки, по периметру коридора были оставлены снайперы. На большее сил и средств пока не хватало.

Обер-ефрейтор гренадерской роты Норберт Франке занял свою позицию ещё утром, до появления русских. Когда ива-

ны повалили сплошным валом через открытое пространство, он буквально за две-три минуты расстрелял обойму. Но другую заряжать не решился. Пять пуль он выпустил точно, без промаха. Пять иванов споткнулись, выпали из потока и теперь лежали на затоптанном снегу, медленно покрываясь сизым инеем. Вполне достаточно для того, чтобы сегодняшнюю охоту считать удачной.

И когда на просеку вышел ещё один иван со своим полуживым товарищем на плече, обер-ефрейтор задумался. Винтовку он зарядил. Но стоило ли добивать этих бедолаг, опоздавших в прорыв? Всё равно они далеко не уйдут. Замёрзнут в каком-нибудь ближайшем овраге. Остановятся на отдых, и замёрзнут. Задремлют от усталости и потери сил и замёрзнут. Скульптуры отдыхающих иванов, пытавшихся выбраться из окружения и присевших в овраге на пару минут, он видел уже не раз.

Норберт Франке поднял к глазам бинокль и начал внимательно рассматривать бредущих.

Раненого нёс коренастый красноармеец лет сорока. Раненый был завернут в одеяло. И это показалось старшему ефрейтору весьма трогательным. Такого он ещё не видел. Разведка сообщила: там, в лесу иваны устроили госпиталь, раненых много, больше двух тысяч. Но санитарного обоза во время прорыва Норберт Франке не наблюдал. Значит, раненые брошены. Большевики делали это и осенью прошлого года. Жутко было смотреть.

А этот тащит. Должно быть, уверен, что дотащит. Кто они друг другу? Возможно, никто. В окопах, месяц назад, познакомились, стали товарищами. Обычная история.

Однажды Норберту тоже пришлось тащить на себе раненого напарника. Наблюдателя. Случилось это в ноябре, на Оке. С тех пор он ходит на охоту один. Раненого товарища бросить невозможно. Даже если у самого сил нет.

Коренастый словно что-то почувствовал. Начал оглядываться. Конечно, почувствовал. Вот оглянулся в его сторону, и Норберту Франке показалось, что взгляды их встретились.

Если сейчас он бросит раненого и схватится за винтовку, я прикончу их обоих, подумал обер-ефрейтор Франке. Тогда эти два ивана закроют ровно две дюжины. Хороший счёт.

Своего напарника он тогда донёс до лазарета. За что и был повышен в звании.

Нет, русский не думает стрелять. Должно быть, понял, что это бессмысленно. Неужели он рассчитывает на моё великодушие? Тащит, не бросает... Что ж, как видно, и иванам не чуждо чувство фронтового товарищества...

Обер-ефрейтор Франке продолжал наблюдать в бинокль за бредущими целями. Он всё ещё не решил до конца, как ему поступить.

Через несколько минут, когда русские исчезли среди берёз, он подумал уже о другом: внизу, под сосной, был прикопан в снегу его ранец, в котором лежали кусок колбасы, хлеб и термос с горячим кофе. Это теперь занимало больше. Такова сущность солдата. А Норберт Франке был солдат. И, как он считал, хороший солдат. Именно такими, как он, был силён рейх, и теперь весь мир трепещет перед его марширующими железными колоннами. Остановка перед Москвой временная. Конечно, временная.

Отяпов вышел к своим уже когда совсем стемнело.

Бредущих по дороге окликнул часовой. Отяпов ответил, что такого-то полка, что выходит из окружения... Часовой, к счастью, не выстрелил. А мог бы сперва выстрелить, а потом окликнуть. Оказалось, вышел на позиции соседней дивизии, которая в окружение не попала. Часовой был предупреждён, что на этом участке возможен выход мелких групп и одиночек. Потому и не выстрелил.

Ночью пришла санинструктор и осмотрела Гуська. Поменяла повязку. Сказала, что всё хорошо, но раненого надо отправлять в тыл как можно скорее.

Утром пришли сразу несколько человек. Отяпов помогал погрузить Гуська в санитарные сани. Попрощался. Сказал:

— Ты, Гусёк, давай, поскорее выздоравливай и — назад, в свою роту. Понял?

— Понял, дядя Нил, понял. Ребятам привет передавай.

— Передам, — ответил Отяпов, а сам подумал: хорошо, если кто-то остался...

Лейтенант, который тоже хлопотал на погрузке раненого Гуська, остался возле землянки. Санитар и санинструктор уехали.

— Ну что, сержант Отяпов, Нил Власович... Я правильно называю ваше имя? — спросил его лейтенант.

— Правильно, товарищ лейтенант. Я и есть: Отяпов Нил Власыч, сержант, командир первого отделения второго взвода седьмой роты...

— Пройдёмте, — перебил его лейтенант и кивнул в сторону землянки. — Пройдёмте для беседы.

— Для какой беседы? — спохватился Отяпов и вдруг всё понял: на лейтенанте были краповые петлицы с золотым кантом — особист.

Когда входили в землянку, Отяпов подумал: винтовку не отнял, значит, арестовывать не будут...

Он догадался, что лейтенант будет спрашивать о капитане Титкове, и уже приготовился врать правдоподобно, так что комар носа не подточит: ничего, мол, не видел, ничего не знает, а о комбате узнал, когда закричали, что он убит...

Но лейтенант его спрашивал о другом — о выходе из окружения. О том, кого из командиров видел живым или убитым и при каких обстоятельствах. О госпитале. О маршруте выхода и о том, какие немецкие части преследовали их. Исписал тетрадный лист, дал ему прочитать, а потом сказал, чтобы подписал, что, мол, с его слов записано верно.

— Всё? Подписали?

— Подписал, — послушно ответил Отяпов.

В голове гудело, словно от вернувшейся контузии: что ж я только что подписал, может, приговор себе?

— Ну, раз подписали, то пойдёмте.

— Куда? — И Отяпов вновь посмотрел на винтовку.

Винтовку не изымали.

— Наверняка проголодались, — сказал особист. — Тут недалеко полевая кухня. Каши горяченькой... И я с вами...

— Коли так, товарищ лейтенант, — осмелел Отяпов, — то я со всей красноармейской готовностью.

Надо ж, думал Отяпов, обжигаясь кашей, пахнувшей тушёшкой и лавровым листом, до чего разные люди на войне попадают...

Глава двенадцатая. В РАЗВЕДКЕ

К весне, когда полк встал в глухую оборону и роты успели отрыть полнопрофильные траншеи и землянки на каждое отделение, вернулся из госпиталя Гусёк.

Рёбра его срослись, нога тоже зажила. Так что вернулся он в роту весёлый и даже слегка поправившийся на тыловых харчах.

Вечером он пришёл в землянку, занял крайнюю лежанку. Бросил под голову свой вещмешок и тут же уснул, как засыпают дома, где твой сон оберегают близкие тебе люди, а стены вокруг нерушимы.

Утром, всем третьим отделением, они уже стояли возле штаба полка и слушали приказ.

Где-то за Варшавским шоссе, за рекой Угрой, выходила из окружения Западная группировка 33-й армии во главе со своим командующим генералом Ефремовым. По последним сведениям, прорыв группировки не удался. Часть войск повернула назад, к Вязьме, и сейчас плутает по лесам. Часть рассеяна в лесных массивах в районе Юхнова, Знаменки и

Всходов. Это означало, что некоторые группы плутали и по их фронту, только с той стороны.

— Товарищи бойцы! — внушал им храбрость ПНШ дивизия по разведке капитан Маслаков. — Мы направляем вас, самых лучших и самых бывалых, за линию фронта. Необходимо разведать безопасные проходы, связаться с группами окружённых бойцов и командиров Тридцать третьей армии и выводить их по этим коридорам. Командиры групп получили подробные инструкции. Желаю успешного выполнения поставленной задачи и возвращения назад! Отличившиеся будут представлены к правительственным наградам.

То, что окружение дело поганое, почти все они испытали на собственной шкуре.

За Варшавкой гремело с февраля. Несколько раз и их дивизия пыталась прорваться туда, чтобы выручить окружённых. Но немцы через шоссе их не пропускали. Не выпускали никого и оттуда. «Котёл», в котором оказалась Западная группировка 33-й армии и часть воздушно-десантного корпуса, немцы запечатали плотно. И вот, как оказалось, дожали они 33-ю...

Дивизия, в которой воевал ефрейтор Отяпов со своими товарищами, занимала оборону вдоль Варшавского шоссе фронтом на север. Шоссе контролировали немцы. И вот штаб дивизии, должно быть, выполняя приказания вышестоящих штабов, посылал на помощь окружённым пять разведгрупп.

Поскольку из лейтенантского состава в роте остался только один ротный, разведгруппой поручили командовать Отяпову. К тому времени приказом по полку ему присвоили звание старший сержант и назначили на должность помкомвзвода. Взводного, младшего лейтенанта, присланного к ним месяц назад, убило во время последней атаки на деревню Заболонку. Немцы там держались крепко, построили несколько блиндажей, дома перестроили в ДОТы и жили себе не тужили, с лёгкостью отбивали очередную атаку и улучшали свою оборону. Вот там и оставил второй взвод седьмой роты своего последнего лейтенанта. Другого не присылали. И взводом временно командовал старший сержант Отяпов. Слава богу, в наступление на эту распроклятую Заболонку их больше не поднимали.

Но хрен редьки не слаще, и вот — в разведку.

Отяпов отобрал самых надёжных.

Где-то там, за Варшавкой, западнее Вязьмы в Семлёвских лесах была его деревня. До неё они, конечно, не дойдут. До Отяп отсюда было километров шестьдесят-семьдесят. Даже если напрямую, через лес. А им приказ: глубже десяти-пят-

надцати километров от линии фронта не заходить. Кружить по ближнему тылу, так как окружённые, по данным авиаразведки, были распылены мелкими группами именно здесь, в непосредственной близости к фронту.

Заболонку и окопы немецкого опорного пункта они обошли правее, оврагом. Там у них был брошенный ДОТ. Зимой он контролировал овраг. Но месяц назад соседняя восьмая рота добралась до того ДОТа. Пулемётчиков забросали гранатами, а сапёры взорвали само сооружение. И немцы больше его не восстанавливали. Похоже, и у них тоже после зимних боёв народу в ротах поубавилось порядочно. А поскольку пополнения не наблюдалось, они сжимали свою оборону вокруг опорных пунктов.

Так что линию фронта разведчики прошли благополучно.

Три группы входили правее Заболонки, две — левее. Все прошли тихо, без стрельбы.

Через километр, в лесу, разведгруппы разошлись — каждая по своему маршруту.

Кусок карты лежал, аккуратно сложенный вдвое, за отверстием телогрейки. Днём во время инструктажа командиров групп капитан Маслаков хорошо отточенным немецким штыком прямо на столе разрезал карту и каждому вручил квадрат, на котором синим карандашом был отмечен маршрут действия.

Образование у Отяпова было не ахти какое — три класса школы крестьянской молодёжи. Да и учился через пень колоду. Одну зиму и вовсе пропустил. Когда помер отец, надо было отрабатывать трудодни... Хорошо, не исключили его тогда из ШКМ. Но карту читать умел. Хорошо ориентировался на местности и мог в два счёта нарисовать схему в масштабе. Этой штабной премудрости научил его командир взвода, когда они стояли в обороне под Брянском. И вообще, как заметил Отяпов, военное дело давалось ему на удивление легко.

Владея этой командирской премудростью и куском карты, он был уверен, что если его ребята нигде не сплхуют, он за сутки-другие проведёт их по намеченному капитаном Маслаковым маршруту и благополучно выведет назад. А уж если посчастливится разыскать окруженцев, то найдёт безопасную тропу и для них.

Первой деревней на карте значилась Ямщики. Её надо было обойти. Слишком близко она стояла к линии немецких окопов, отрытых зимой вдоль шоссе и до километра в глубину на север. Окопы имели несколько линий. Заняты были не все. Это Отяпов знал по прежним разведкам. Но кто его знает, может, сейчас, когда под Вязьмой и Знаменкой им удалось,

наконец, сдать блуждающий «котёл» Западной группировки 33-й армии и десантников, немцы заняли и этот рубеж, чтобы не выпустить окружённых, которые, понятное дело, из лесов на той стороне стремились прорваться на юг, к Кирову.

Снег в лесу ещё лежал. Ночью прижало морозцем. И — хорошо. Шли по проталинам, и следа за ними почти не оставалось. Если только внимательно присматриваться, можно было догадаться, что здесь, в непонятном направлении, прошли несколько человек — двое или трое, не больше.

Отяпов вёл шестерых. Сам — седьмой. Гусёк с автоматом шёл замыкающим. Иногда он догонял их, потом снова отставал, двигаясь то немного правее, то левее. Эту службу он знал хорошо. Ноги быстрые, глаз вострый, рука скорая, автомат почищен, а в вещмешке — три запасных диска.

Вперёд Отяпов выслал двоих — Курносова и Лапина. Они в последнее время сдружились. Вместе в карты играли. То на патроны, то на портянки. Курносова вначале забрали в роту связи, но вскоре он оттуда вернулся. Вернулся не просто так, а с позором — разжаловали за мародёрство. Случилось вот что: поручили ему вести двоих пленных немцев до штаба полка. А он их хорошенько обобрал — сапоги, зажигалки и прочее. В штабе полка всё это дело выяснилось. Воевал теперь в пехоте рядовым бойцом.

Отяпов был рад возвращению Курносова в родную седьмую роту. Такого надёжного товарища на фронте не вот встретишь. Но чувствовал, что эта командировка Курносова в стрелковую роту долго не продлится. Связист — специальность редкая. Подержат месяц-другой и заберут назад.

Гридников и двое калужских шли следом за Отяповым. Гридников нёс ручной пулемёт. Все остальные, кроме Отяпова, были вооружены автоматами ППШ. Отяпову тоже давали автомат, но он брать его не стал. Месяца полтора назад к ним на позиции с той стороны вышли кавалеристы. Шесть человек. На конях. Кони худые. Сами тоже выглядели неважно. Так у одного из них Отяпов за пачку табаку выменял карабин. Карабин был покорооче винтовки, полегче, с ним было удобней ворочаться в траншее и ходить по лесу.

Вторым по пути следования был хутор Комариха. Что за хутор, Отяпов не знал. Сюда они ни разу не заходили. Обычно разведка так глубоко не забредала. Переходили через шоссе, маскировались возле какой-нибудь ближайшей деревни или на пересечении дорог и вели пассивное наблюдение. Один раз брали «языка». Взяли часового на краю деревни. За него и получил ещё один «секелёк» в петлицы и несколько наградных пачек махорки. Одну потом и выменял на карабин.

Так что личная польза Отяпову от того захваченного «языка» оказалась большой. Махорка постепенно разошлась, а карабин вот остался.

Хутор Комариха оказался небольшим, как и все здешние хутора. Три двора, три усадьбы. Стояли они особняком, проторно, одна от другой метров на пятьдесят-восемьдесят.

Когда Отяпов подошёл к ожидавшим его на опушке Курносому и Лапину и, раздвинув еловые ветки, посмотрел на Комариху, то, прежде чем сверить увиденное с картой, невольно залюбовался тем укронным простором, в каком жил-бывал этот небольшой лесной хутор.

Дворы с надворными постройками расположились по склонам оврагов, которые сходились в середине, образуя небольшое озерцо. По берегам озерцо густо заросло кудрявым дымчатым ивняком и камышом. А по склону от воды до огородов — берёзовая рощица. Молодые берёзовые сростки, снизу уже почерневшие, а вверху ослепительно-белые в утреннем мареве будто выбегали из воды к дворам. Вокруг десятин сорок пашни. Часть пашни запущена под луг. Так бы и зажил на таком хуторе, захозяйствовал на воле...

Стали совещаться, кому идти на хутор. Решили так: на опушке остаётся Гридников с калужскими, при пулемёте, с задачей вести наблюдение за хутором и дорогой, ведущей в эту самую Комарху; в случае необходимости огнём прикрывать отход основной группы в сторону леса.

Шли оврагом. Стёжки здесь были уже натоптаны. Пахло весенней разбуженной землёй и близким жильём. Никакой войны здесь, в окрестностях этого хуторка, не чувствовалось и в помине. Даже далёкая канонада казалась чем-то невоенным — то ли раскатами грозы, то ли тяжёлыми работами, которые кто-то вёл за лесом в стороне Варшавского шоссе. Севернее же, к Вязьме, и вовсе стояла тишина.

— Стой. — Отяпов поднял руку. — Дальше я пойду один. — И он жестом указал им занять позиции за деревьями и наблюдать за крайним двором, к которому они подошли вплотную.

Отяпов прошёл вдоль берёзовой загородки, стараясь не ступать на подтаявший с утра снег. На лугу его следы были совсем не видны. Кое-где под ногой хрупал ледок. К полудню совсем отпустит, подумал он. Если бы ночами не прижимало, овраги бы уже превратились в реки, и тогда их путь значительно бы осложнился. Но разлив ещё не начался. Лес держал снег. Хотя поля уже чернели частыми залысынами.

Карабин он закинул за спину, по-охотничьи, стволом вниз. Так он был почти незаметен. Толкнул дощатую калитку, ве-

душую во двор, и нос к носу столкнулся с женщиной, как потом выяснилось, хозяйкой.

Она испуганно ойкнула и отступила в сторону, под навес, где рыжели остатки недобранного сена и торчали вилы с коротким, отшлифованным до костяного блеска навильником.

— Доброго здоровья, хозяйюшка, — тихо сказал он и приложил палец к губам.

— Ну-ну, — не сразу ответила она. — Откуда ж ты такой? Не похоже, чтобы из лесу...

— Чем же? Не похож...

— Те, которые из лесу, бородатые да голодные, — уже вольнее и спокойнее заговорила хозяйка, — а ты вон, выбрит, одет хорошо. Да и на голодного не похож.

Как выглядят голодные, Отяпов знал по брянскому окружению. У голодного человека глаза блестят, как у зверя.

— А что, заходили? Из леса...

— Заходили. Они теперь везде бродят. В лес не выйдешь...

— Страшно, что ли?

— Страшно. — Она ещё раз внимательно окинула его взглядом и сказала: — Ну, проходи в дом. Начинаешь издали, значит, не на минутку забежал...

А баба смышлёная, подумал он, переступая порог.

В сених пахло коровьим навозом и молоком. Было темно. Но Отяпов догадался, что корова стояла здесь же. Хлев был прирублен к сеним и подведён под одну крышу. Так делали только хорошие хозяева, у кого в доме был не только мастеровитый мужик, умевший держать топор в руках, но и достаток. У них в Отяпах таких дворов было пять-шесть, не больше. Остальные жили победней.

— Что, отелилась? — спросил он, заглядывая в закут.

— На прошлой неделе, — ответила хозяйка, и голос её вздрогнул и посветлел.

— Кого ж? Бычка? Иль тёлочку?

— Тёлочку, — усмехнулась она, но тут же насторожилась: — Уж не за ней ли ты пришёл?

— Тёлочку... Это хорошо. Если тёлочка, то, значит, скоро конец войне, — будто не поняв её беспокойства, сказал он.

— Как же... Что-то вы наступаете медленно. Полгода уже прошло, а всё гремите где-то за лесом.

— А ты как поняла, что я из Красной армии?

— Как поняла... Поняла. Есть-то будешь?

— Я не один.

— Понятно.

Эх, какой родимый дух охватил Отяпова, когда он оказался в горнице, в малой половине дома, где стояла русская печь,

стол под наполовину занавешенной божницей, лавка у окна. Словно и вправду оказался вдруг дома. Закрой глаза, и из-за занавески выйдет Анна с горлачом свежего молока в руках... Да, вспомнил он недавнее, не зря сон тот снился, с женщиной.

С печи свесились детские головки. Лохматые, льняные. Числом четыре.

— Вот какой у тебя, хозяйка, отряд, — кивнул он и попытался улыбнуться.

Дети с любопытством и настороженно смотрели на него. По их глазам можно было понять, что от незнакомцев здесь добра не ждали.

— А муж где? — спросил он.

— Известно, где нынче наши мужья. Воюет тоже где-то. Ещё прошлым летом как ушёл, так ни письма, ни весточки...

— Кто ещё на хуторе живёт? Немцев нет?

— Немцев, слава богу, нет. Последний раз приезжали ещё зимой. За курами. А полицейский есть. Но он свой, зла никому не делает.

Вот так. Значит, с полицией живут в мире и согласии. Что ж, и такое бывает.

— Свой, говоришь? Местный? Или в зятях?

— Свой.

— Где ж он сейчас?

Хозяйка подошла к окну и сказала:

— А вон он идёт.

Рывком отворилась дверь, и в проёме показались двое: Лапин подталкивал вперёд здоровенного парня в чёрной шинели и кавалерийской портупее.

— Начальника привёл. Новая власть, — хмыкнул Лапин. — Что будем с ним делать, командор?

Хозяйка оттолкнула Лапина и сказала:

— Не трогайте его. Если бы не Игнат, казаки давно бы хутор сожгли.

— Отпусти его, — приказал Отяпов.

Полицейский одёрнул шинель, поправил портупеею и подобрал с пола шапку. Оружия при нём не было.

— Винтовка где? — спросил Отяпов.

— Дома, — ответил полицейский и вдруг сощурился, спросил: — А вы кто? Красная армия? Или другая?

— Красная. Другая там, в Вязьме. Германская. Которой ты служишь.

— Я ей не служу.

— А повязку чью носишь?

Полицейский, видимо, понял, что положение его сложное. Во-первых, непонятно, кто они. Разведка с той стороны шос-

се? Казаки? Окруженцы? Партизаны? Нынче кто угодно может забрести на хутор Комариха.

— Ладно. Поговорили. Пойдѣшь с нами. — Отяпов встал, закинул за плечо карабин. И заметил, что полицейский не сводит глаз с его петлиц.

— Ксюш, ты им про полковника ничего не говорила? — сказал вдруг полицейский.

— Нет, — ответила та.

— Тогда пойдѣмте. Надо сказать.

Пошли.

Полицейский привѣл их на соседнюю усадьбу. Кивнул в сторону бани, стоявшей на задах:

— Там. Ему нужен врач. Срочно. Ни немцы, ни казаки сюда носа не суют. Участок мой. Но без врачебной помощи он долго не протянет. При нём медсестра. Или фельдшер. Но от ней толку мало. Так, перевязать, обиходить — да. А полковнику срочно нужна операция.

В бане, накануне, видимо, протопленной, пахло умирающим.

Человек, которого полицейский называл полковником, лежал на деревянном топчане, застеленном каким-то тряпьѣм.

На печном плече стояла керосиновая лампа с осколком стекла. Свет от неё шѣл скудный. Но немного погода вошедшие привыкли к подслеповатой темноте банного пространства и разглядели и лежащего в углу на топчане, и сидящую над ним женщину в армейской гимнастѣрке. Женщина встала навстречу, поправила гимнастѣрку и ремень.

— Вот, — указал на неё полицейский, — предлагали ей переодеться, а она — ни в какую.

На её гимнастѣрке Отяпов разглядел петлицы лейтенанта медицинской службы.

Полицейский отодвинул лавку, приподнял половицу и вытащил из подпола мешок с какими-то вещами. Лапин перехватил у него мешок, вытряхнул содержимое на пол: хромовые сапоги с высокими кавалерийскими голенищами, шаровары с малиновым кантом, гимнастѣрка с четырьмя шпалами, кобура с ТТ.

— А вот, командор, и бирка его. Похоже, и правда полковник. — И Лапин подал Отяпову удостоверение личности.

— Товарищ полковник, — мгновенно выпрямился Отяпов, вдруг сообразив, что перед ним старшие по званию и положению доложить о прибытии, — разведгруппа в количестве... — Но осѣкся и, видя, что раненый не открывает глаз, да и не слышит, должно быть, его доклада, посмотрел на лейтенанта медицинской службы и сказал: — Как вы сюда попали?

— Мы из Сто шестидесятой дивизии, — ответила она. Глаза её тоже блестели блеском нездорового человека. — Западная группировка Тридцать третьей армии. Слыхали о такой?

— Слыхали. За вами и пришли.

Она встрепенулась.

— Мы пробивались в сторону Варшавского шоссе. Надеялись найти партизан. Вот, Ивана Мефодьевича ранило на большаке. Основная группа ушла, а нас оставили. Сказали, что за нами вернутся.

— Сколько человек в группе? — спросил Отяпов. — И в каком направлении ушли?

— Двадцать семь человек. Повёл их капитан Забельский из артполка. Ушли в сторону шоссе. Три дня назад. Ивану Мефодьевичу с каждым днём всё хуже и хуже. Мне кажется, я не в силах ему помочь.

— Куда его?

Лейтенант отбросила одеяло. У полковника были перебиты обе ноги. Одна повязка была наложена выше колена, другая ниже.

— Как же мы его понесём, командор? Нам с таким в дороге — вилы. Смотри, косяк с ним не завори...

Вот тебе и косяк, подумал Отяпов. А нести полковника надо. Не бросишь.

День просидели на хуторе. Обстоятельства складывались так, что дальше на восток, куда им приказывала двигаться синяя линия штабного карандаша, идти было незачем. Капитан Маслаков, чертивший ту линию, во время инструктажа ясно дал понять: если во время движения обнаружится встречная группа из состава 33-й армии, тут же поворачивать назад и выводить её в расположение дивизии. В первую очередь спасать комсостав. Выносить документы и архив, если попадётся штабная группа.

Санинструктора звали Марией. Лет двадцати пяти, худая, с синими кругами под глазами. Несладко, видать, жилось им в окружении. С февраля — два с половиной месяца. Рассказала: последнее время питались в основном кониной, вытаявшей из-под снега. А перед прорывом каждому выдали последних сухпаёк: по горсти овса или пшеницы — кому что досталось. Раненых побросали в Шпырёвском лесу. Прорыв не удался. Прорвались только передовые группы. Где они теперь, неизвестно. Видимо, все погибли. А их обозы, госпитали — отсеки, загнали обратно в Шпырёвский лес и начали добивать из миномётов. Потом по просекам пошли танки и пехота... Их небольшая группа, как рассказала Мария, человек пятьдесят, пошла на прорыв прямо на деревню. Дерев-

ню удерживали немцы. Но немцев было немного, и прорыв оказался удачным. Заняли деревню. Захватили полевую кухню. Пока бойцы очищали котёл, немцы контратаковали. Многие погибли именно в тот момент. Надо было сразу уходить, но голодные бойцы навалились на кашу...

— Думаю, что человек пятнадцать попали в плен, — рассказывала Мария. — Когда немцы вошли в деревню, они не могли оторваться от котла... — И вдруг спросила, глядя Отяпову в глаза: — Вы думаете, мы выйдем?

— Выйдем, Маша, выйдем, милая. Ты, главное, за полковником присматривай. Дорога разведана. Путь свободен. Ночью пойдём. Игнат-то... как он? Надёжный?

— Да если бы не он, товарищ сержант!..

— Ты зови меня просто — дядя Нил. Как вон Гусёк. Я ж тебе по возрасту — в отцы... И наш солдатский устав нынче такой — благополучно выйти к своим и живым доставить твоего командира в наше расположение. Так?

— Так, дядя Нил.

— Ну вот. А сейчас забирай наши лекарства, которые есть. Смотри, что надо, и пользуй больного. И ещё, Машенька... Такой уговор: в пути всякое может случиться, и ты тогда ребят без медицинской помощи, так сказать, не оставляй. Сумка с медикаментами будет при тебе. А Игнат, ты говоришь, человек надёжный...

— Надёжный. Он не выдаст. Пока мы тут жили, он два раза в комендатуру ездил. В Знаменку. По своим делам. Но ведь не выдал же.

— Я ему винтовку вернул. Пусть ходит с винтовкой. И патроны отдал. С нами он пойдёт. Вот что я решил. Но ему пока об этом не говори. И коня его возьмём. На носилках полковника не донесем. Тяжело. Замешкаемся в пути. Опасно... Это я тебе сказал, чтобы ты была спокойна. Но пока не выступили, молчи.

После полудня на хутор прискакал верховой. Гусёк, дежуривший на околице и поднявший тревогу, разглядел всадника: в чёрной кубанке, в армейском полушубке и синих штанах с красным казачьим лампасом.

— Это — ко мне. Посыльной от атамана Урганова, — пояснил Игнат и кивнул в сторону бани: — Сидите там. Он долго не пробудет. Стакан самогона выпьет, закусит — и обратно, в Городню.

Немецкая комендатура находилась в Знаменке. Но ближе, в Городне, стояла казачья сотня атамана Урганова. Она-то и держала здесь власть и порядок. Раз в месяц Игнат возил в Городню баранью тушу или связку кур. Последний выход

обошёлся полупудом сала. Так и откупался хутор Комариха от уроженцев Луцка, Черновцов и Тернопольщины — салом да самогоном.

— Откуда ж тут казаки, Игнат? — поинтересовался Отяпов, когда посылной ускакал с хутора.

— Да кто откуда. Из концлагерей. Из Вязьмы да Издёшкова. Командует ими донской казак Урганов. Зовёт себя атаманом. Набрал хохлов из концлагерей. И гуляет теперь. Его даже немцы побаиваются. Стараются сюда не соваться. В феврале возле хутора Ивановского перестрелку с ними затеял. Приехали фуражиры, откуда-то из-под Смоленска. Там всё пограбили, народ голодный, так сюда приехали. Думали пожить. А атаман Урганов такой порядок держит: партизан здесь, в Городнянской волости, не будет, но чтоб и немцы — ни ногой. Знаменский комендант согласился. У них какой уговор. Урганов тут живёт вольным атаманом. Две бабы с ним. Тоже из лагеря. Ездят на тачанке. Одна — за пулемётом. Другая — под боком. Чтобы не замёрзнуть на своём посту, меняются.

— Хорошо вы тут живёте, — усмехнулся Отяпов и подумал о своих. — А не слыхал ли ты, как живёт народ в Семлёвских лесах?

— Там партизаны власть держат. И конники, которые зимой Вязьму пытались брать, тоже туда откочевали. Там советская власть. Там народ голодает.

— Ах ты, твою-капитана!.. — взвился Отяпов. — А тут, под немцем, что, не голодаете?

— Мы тут не под немцем, — поправил его Игнат намеренно спокойным тоном. — Мы тут с атаманом Ургановым. Я ж тебе сказал, какой тут порядок.

— И ты в его сотне служишь?

— Я не в сотне. Я в самообороне. И моя задача — мост охранять на Городнянском большаке. Вот я его и охраняю. Каждый день туда должен ездить и порядок блюсти. Вот на прошлой неделе поехал и привёз оттуда полковника... Красна армия своего командира бросила, а я его подобрал.

Игнат так и подпирал его своими рассуждениями, так и придавливал, как хоря ухватом к стенке. Что с ним спорить, решил Отяпов. Но и поддакивать не стал. Недолго ему тут, пускай и такому хорошему, с повязкой по хуторам ходить. Двум властям служить не будешь...

Перед самым вечером, когда уже заслезился в оврагах туман, затягивая окрестную даль и горизонт, над хутором пролетел самолёт. Летел он низко, равномерно и не натужно урча мотором.

— И что он тут потерял? — проводил его взглядом пулемётчик Гридников.

— Известно что. Разведчик. И в нелётную погоду летает. — Отяпов раздавил возле переносицы слезу. — Вроде бы наш. А там кто его знает...

Весь Западный фронт в эти дни беспокоило одно — Вяземская группировка 33-й армии. Командующий войсками фронта генерал армии Жуков отдал приказ: разведывательной авиации армий, стоящих фронтом к Вязме, полётов не прекращать; кто обнаружит штабную группу командарма Ефремова, будет представлен к званию Героя Советского Союза. Одновременно десятки разведгрупп 49, 43, 50-й и 10-й армий, а также Восточной группировки 33-й армии, занимавшей фронт в районе Износок, прочесывали леса в ближайшем немецком тылу в поисках штабной группы генерала Ефремова.

Некоторые разведгруппы так и вернутся ни с чем. Некоторые выведут разрозненные немногочисленные отряды. Некоторые погибнут в стычках с немецкими заслонами, полицейскими подразделениями и карателями, которыми были буквально наводнены в те апрельские дни предполагаемых действий. У всех них был один приказ — ликвидация остатков блуждающего «котла» 33-й армии и воздушно-десантного корпуса.

Ничего этого ни старший сержант Отяпов, ни его разведчики, ни санинструктор Мария, ни полицейский Игнат, конечно, не знали. Они шли по весеннему лесу, уже наполненному птичьим гомоном, и думали только об одном — что там, впереди, за тем оврагом, за ельником, за полем, которое они огибали по березняку, за ручьём, разлившимся за минувшие неполные сутки так, что их вчерашние следы потонули под метровым потоком соловой воды.

Весенний лес куда ещё берёт их.

Глава тринадцатая. ПОГОНЯ

В головном охранении шёл сам Отяпов. С собой он взял Гуська и приказал ему держаться немного позади, шагах в десяти-пятнадцати — правее или левее. Это чтобы, в случае чего, им, двоим сразу, не оказаться на линии огня.

Стало темнеть. Сизый сумрак вначале заполнил овраги, потом, казалось, плотнее сдвинул деревья вокруг, а вскоре заполнил и небо.

И в это время сзади, где двигалась основная группа, слышались голоса. Вначале громкие, потом затихли.

Отяпов сделал Гуську знак, чтобы продолжал движение, а сам пошёл назад.

Ещё издали, в густеющих, но ещё прозрачных сумерках, он увидел двух лошадей. Лошади ловили друг друга губами, видимо, радуясь встрече. На одной из них, такой же гнедой, явно не рабочей, кавалерийской, сидела Ксюша. Теперь хозяйка показалась ему значительно моложе той, которую он встретил на хуторе. Она сидела в кавалерийском седле как влитая, раскрасневшаяся. Подшальник на плечах. Конь тоже парил сырыми боками.

— Вот, Нил Власыч, история... — сказал Курносов. — Погоня за нами. Казаки.

Вечером на хутор пришёл отряд атамана Урганова. Тридцать человек. Все верхами. Разделились на три группы. Одни подались на Поповку, другие — на Коростели. А шестеро заночевали в Комарихе.

— Его ищут, — кивнула Ксюша на полковника, которого они кое-как, на досках, приладили к седлу и замотали плащ-палатками, чтобы не растрясти в дороге. — Кого-то из их группы захватили в плен, тот что-то рассказал. На хуторе всё перерыли. Ничего не нашли. Мы сказали, что люди из лесу приходили, но ушли. И с ними ранетый пожилой командир. А что было делать? Атаман — человек злой. Если что, и детей не пожалеет. Остановились в нашей хате. Я детей к тётке Арине увела. А сама оседлала Кобчика и — вас догонять. Самогонки им принесла. Пьют-гуляют. Ещё обещала принести. Но больше к ним не пойду — приставать будут.

— Про меня спрашивали? — спросил Игнат.

— Спрашивали. Урганов первым долгом про тебя и спросил: где, мол, Игнат, на мосту его не видели...

Лицо полицейского даже в темноте казалось блеее снега.

— Нюрка, старшая моя, — пояснила Ксюша, — такой разговор слышала, что ждать они вас будут утром на Вороновской дороге и на старом Гурьевском тракте. Нюрку я послала за одеждой. Они ж нас сразу из хаты в баню выгнали. Хозяйва! Вот пока Нюрка там, за печкой, копалась, у них заседание шло. Из Поповки они собираются ночью на Вороновскую дорогу повернуть. А те, которые на Коростели подались, к утру должны вас караулить на Гурьевском тракте в лесу. Эти, шестеро, остались здесь. Ну, всё. Мне надо назад ехать. А то хватятся. Про тебя, Игнат, тётка Арина сказала, что, мол, как на мост днём уехал, так и не ворочался. Имей в виду.

— Поверили?

— Да кто ж их знает...

Карту Отяпов помнил наизусть. Днём разглядывал, читал названия населённых пунктов и урочищ, запоминал дороги и русла речек и ручьёв. Соображал, какой дорогой возвращаться, где овражки могут разлиться и не пропустить их или задержать плохими переправами.

— От Поповки до большака сколько километров? — спросил он Игната.

— Километров пять. Если лесом, то меньше.

— Выходит, они нас заперли. Часа через три, а то и раньше, они перекроют дорогу.

— Что, командор, вилы? — подал голос молчавший до сих пор Лапин.

— Да погоди ты. Дай сообразить.

Игнат перехватил повод Ксюшина коня:

— Погоди-ка, Ксюш, уезжать. — И сказал Отяпову: — Вот какое дело, сержант: по Вороновской дороге пройти мы не сможем, они нас там успеют запереть, а вот если выйти на Гурьевский тракт... Есть там в лесу дорога одна, малоезжая... Летом народ сено возит, зимой дрова. На сам тракт не соваться, а проехать этой дорогой. Но там, на перекрестье Гурьевки и Вороновки, стоит ДОТ. Наши ещё строили, в сорок первом, летом, когда оборону здесь собирались держать. Зимой там немецкий пост был, но потом и они ушли. Кругом лес, до ближайшей деревни пять километров. Дальше, если на восток, Заболонка. А там и до шоссе рукой подать.

— Не успеем. Если только на лошадях.

— На лошадях и поедем. — Игнат дёрнул за повод. — Ксюш, слезай. Коня приведу. В целости и сохранности. Если сам живой вернётся.

— Кто ж мне нивку пахать будет? Детей мне чем кормить? — закричала женщина, отталкивая стремянем Игната. — Ты моих детей кормить будешь?

— Буду, Ксюш. Буду кормить твоих детей. Даст Бог, всё обойдётся.

Женщина ловко спрыгнула в снег, швырнула повод Игнату и пошла по тёмной талой стёжке в сторону оврага, откуда они только что выбрались.

— Ну, сержант, теперь сымай полковника, и пусть твои разведчики вяжут носилки. А нам скорей надо на Гурьевский тракт. Чтобы ДОТ раньше Урганова занять. Кого со мной отрядишь? Пулемётчик нужен. Или сам поедешь? Ты, я вижу, не особо-то мне доверяешь.

— Я в разведке. За людей отвечаю. И за выполнение приказа. А что касается тебя, Игнат... Не в той ты армии служишь. Вот о чём я думаю.

— Ты видел, в какой я армии служу. Пять баб и двенадцать ребятишек. Как? Хорошая армия?

— Ну, ты на ребятишек не нажимай. Я тоже детный, но этим меня не разжалобишь. Гридников с тобой поедет. С пулемётом. Да и ты автомат возьми.

Условились действовать так: Игнат с Гридниковым сразу же сворачивают в сторону старого тракта и там выбирают на лесную дорогу; следов прятать не будут, чтобы они, идущие за ними, не заблудились.

— Увидите ДОТ, он обочь дороги стоит, справа, посвистите. Три кротких. Я отвечу так же. Коней мы привяжем в лесу. Там рядом лощина есть. Своего, так и быть, вам отдам. Будет возможность, потом вернёте. А Ксюшиного жеребца заберу. Там, у ДОТа, пути наши разойдутся.

Когда они переложили полковника на носилки, тот застонал. Отяпов подумал: слава богу, живой ещё...

Понесли. Отяпов разбил группу на пары. Сам взялся за ручку носилок первым. Сзади хрипел и чертыхался Лапин. Чуть погодя Лапин не выдержал:

— Слыхал я, как этот Игнат тебе варганку крутил. Я думал, он так, валет из местных, а он мужик калёный. И ты ему, командор, поверил?

— А ты мне, Лапин, подскажи в помочи кого-нибудь по-лучше этого полиция, и я тогда тебя послушаю. А нет, так помалкивай.

Лапин хмыкнул, покрутил головой и больше не докучал.

Иногда им казалось, что они потеряли след. Но погодя, пройдя шагов двадцать-тридцать, на подмёрзшем снегу снова находили тёмные лунки лошадиных копыт и куски разбитого льда. Полковник то приходил в себя, охал, стонал, то снова проваливался в бред, что-то бормотал, скрипел зубами, командовал.

Что стоит в такой темени полицейскому ускакать от своего напарника в лес, где ему знакома каждая кочка? Нырнул в какой-нибудь овраг — и поминай как звали. Но следы лошадей свидетельствовали о том, что Игнат и пулемётчик Гридников шли одной тропой. И постепенно Отяпов стал успокаиваться и верить в то, что Игнат его не обманул.

Выбрались на дорогу. Как объяснял Игнат, от этого поворота и ручья, который пришлось переходить почти вплавь, до ДОТа оставалось два километра. Народ уже заметно устал. Спотыкались, часто останавливались, садились в снег.

Неожиданно левее впереди началась стрельба. Отяпов вспомнил карту: стреляли в стороне Коростелей. Он приказал остановиться. Затихли.

Стреляли из винтовок. Изредка вступал автомат, по звуку наш, ППШ. Не может быть, чтобы Гридников и Игнат оказались там, возле хутора Коростели. Дорога, которую Игнат называл Старым Гурьевским трактом, шла прямо и выходила на другой большак — Вороновскую дорогу.

Он выслал вперёд Гуська и одного из калужских. Сами пошли медленней, с частыми остановками. Слушали лес и то, что приносил им ветер, который, к счастью, дул навстречу.

Стрельба в лесу левее маршрута их движения прекратилась.

Конечно, думал Отяпов, группа выполнила приказ лишь наполовину. Разведку провела неглубоко, весь маршрут, который ей было предписано исследовать, не исследовала. Да и окружённых отыскала слишком малое количество. За такое ни в штабе батальона, ни, тем более, в штабе полка по головке не погладят. Но надежду вселяло то, что они выносили не кого-нибудь, а полковника. С документами. При оружий. И подчинённая при нём.

Но полковника надо было ещё вынести. И самим выбраться. Судя по рассказам Игната, этот атаман Урганов настоящий зверь. Местных держал в полном повиновении, продналогом обложил все окрестные деревни, каждый двор. Всё у него было поставлено на учёт и под постоянный контроль. Партизаны в здешних лесах не прижились. Казаки Урганова всякий раз выживали их с местных баз, выдавливали за пределы волостей, подконтрольных казачьей сотне. За те полгода, которые Урганов атаманил в Городне и окрестностях, они устроили три показательных казни. Один раз расстреляли захваченных в лесной деревне семерых красноармейцев. Накануне неподалеку от той деревушки нашли утопленного в болоте казака с разрубленной сабельным ударом головой и споротыми с шаровар лампасами. Вот за него и мстили. В другой раз — двоих партизан. Последним был расстрел своего — за мародёрство и насилие. При всей свирепости атамана его власть сносили терпеливо — в подконтрольных сотне деревнях и хуторах немцы почти не показывались. За одно это местные прощали ему и его ватажникам многое.

— Если ты, Игнат, не крутишь мне бейцалы, как говорит наш боевой товарищ Лапин, то человек ты, выходит, незлой. А вполне даже хороший. Только немного запутавшийся. Что ты делать будешь, когда наши в район придут? С немцами уйдёшь?

— Ну, во-первых, никакой я не запутавшийся. В октябре нас на Десне пуганули. Из роты пять человек осталось. Кто убит, кто в плен пошёл. Мы с мужиками — по домам. Все

отсюда призывались. А вскоре Урганов объявился: пойдём ко мне в сотню, коня дам, саблю и хутор. Коня я своего привёл, на нём в Комариху и приехал. Сабля... На кой она мне, та его сабля. Разве что для форсу. Землю-то ею пахать не будешь... А хутор у меня свой, родной. У Урганова тут такой устав: сотня на постое находится в Городне. Живут казармой, в тамошней школе. Занимают колхозную конюшню. Туда и сено свезли со всех полей, из поймы. Народу разрешили взять только остатки колхозной соломы. И в каждом населённом пункте — по человеку. Навроде участковых. Так и держит свою власть. Всё у него переписано: кто сколько поросят держит, кто сколько овец, и даже курам счёт имеется. И никто не смеет без его разрешения ни поросёнка забить, ни курёнка. А тут стали в Знаменке в самооборону народ набирать. Подумал я и решился: всё же не к этим разбойникам на службу идти, а мост охранять, поддерживать его, так сказать, техническое состояние. Да и казака с хутора атаман Урганов вынужден был отозвать. Он, Гришук, иногда к нам навевывается. И сегодня был. Самогона стакан закинет — и поехал дальше службу справлять. Вот, сержант, и вся моя история. И никакой тут путаницы нет.

— Да нет, брат, это только её первая часть. Как в книжках пишут.

— Это так. Что дальше будет, не знаю. Хутор не бросишь. На кого? На Урганова? На немцев? Мигом разграбят. Повидал я картин всяких. И таких, где дети от голоду мёрли. У себя в Комарихе не допущу.

— Экой ты председатель колхоза, твою капитана-мать!.. Я тебе — про другое! Немцев рано или поздно, а всё одно прогонят. Куда тогда пойдёшь со своей повязкой? Думаешь, и советская власть тебя при мосте оставит? Ты в особом отделе свою сказку расскажи, они сразу поверят...

— А я с вами пойду, — неожиданно сказал Игнат и засмеялся.

Смеялся он впервые. Невесело. Смех его быстро потух. Отяпов промолчал. И подумал: некуда тебе, братец, идти, вот и смеёшься... Посмотрел на Игната и сказал:

— И петух порой кукарекает, когда его голову на пенёк кладут...

— Ничего, сержант, ничего. А хутор пока покараулю. И от немцев, и от казаков. А с Советской властью, может, как-нибудь договорюсь. Никакого преступления за мной не числится. Народ подтвердит.

Отяпов тащил носилки, и в голове у него стоял тоскливый звон: то ли контузия окликала, то ли беспокойство, что всё

же зря полностью доверился полицейскому, что не оставил для группы никакого запасного пути — только туда, к ДОТу.

На ДОТ у дороги они почти наткнулись. Бетонные амбразуры узкими чёрными щелями смотрели на запад, юго-запад и северо-запад. Подавать сигнал было уже поздно. Из-за насыпи показалась высокая фигура в капюшоне. Отяпов сразу узнал Гридникова. Слава тебе Господи...

— Туда. Тропа — там. — Гридников указал рукой на юго-запад, куда смотрела одна из бойниц, и сразу же исчез в узком дверном проёме.

И тотчас слева на дороге, отчётливо белевшей узкой полосой нарастающего снега, послышалось лошадиное ржание.

— Быстро! Быстро! Уходим к лесу! — торопил разведчиков Отяпов, толкая их в спины.

Они покатались с насыпи вниз. Побежали по лугу к лесу.

Полковника несли калужские. Втянув головы в плечи, они бежали напрямик к березняку, начинавшемуся за широкой полоской луга, поросшего редким кустарником. Кустарник их и спасал — он закрывал обзор с дороги.

В ДОТе было сыро, промозгло. Пахло мочой и гнилым табакером. Похоже, что прежние жители этого сооружения и курили, и оправлялись в одном углу.

— Сколько до них, как ты думаешь? — Гридников упёрся широко расставленными ногами в земляной пол, сторбился, подтянув приклад к плечу.

— Не спеши. Рановато ещё. Вон, видишь, березка белеет? До неё шагов сто двадцать.

— Понял. Как с ней поравняются, тогда и начнём.

— Гляди, кажись, заметили... Заметили наших.

И правда, строй ехавших по дороге стал рассыпаться. Несколько всадников повернули влево, их кони легко перескочили кювет и заскользили вдоль зарослей кустарника. Там послышались команды. Свернувшие с дороги двигались точно наперехват разведгруппы, которая ещё не достигла лесной опушки.

— Пора, Игнат!

Гридников сперва чиркнул над дорогой двумя короткими пристрелочными, потом запустил очередь подлиннее. И перевёл огонь влево, где среди кустарника мелькали всадники, отделившиеся от основного строя.

Встреченные внезапным огнём, казаки тут же повернули в лес. Там они спешили и начали отвечать одиночной винтовочной стрельбой. Несколько раненых лошадей бились в кустарнике, утробным ржанием пугая рассветную мглу.

— Надо было повыше брать, — сказал Игнат.

Гридников менял диск. Над раскалённым раструбом пулемёта плавился воздух.

Казак, потеряв двоих человек, залегли в лесу. Изредка постреливали из винтовок. И уходить не уходили, и атаковать побаивались. Но вскоре осмелели и начали обходить ДОТ со стороны леса. Игнат подкараулил их и дал несколько очередей. И ещё одного казака поволокли в лес его товарищи, подхватили обмякшее тело за ремни и исчезли в березняке.

— Всё. Теперь долго думать будут. Отчинили мы им лампы. Будут знать, чубатые...

ДОТ на развилке дорог держался долго. Два раза казаки атамана Урганова кидались в атаку и оба раза вынуждены были отойти назад в лес. Во время последней атаки Гридников положил ещё двоих, пытавшихся подползти со стороны лощины. И крикнул Игнату:

— Уходи! Если тебя, убитого, здесь найдут, пропали твои на хуторе! Уходи! И коней уводи! Только автомат оставь!

Игнат молча выскочил из ДОТа и пополз к оврагу. Там отвязал коней, вскочил в седло и помчался оврагом прочь от дороги. Вскоре овраг перешёл в неглубокую лощину. Здесь Комариха каждое лето косила сено. Игнат осадил коня, прислушался. Басовито и неторопливо стучал ровными короткими очередями ДП, потом, словно в помощь ему, заходился ППШ. Гридников ещё воевал, ещё не подпускал к себе казаков. Судя по тому, что за Игнатом никто не увязался, его ухода из ДОТа казаки не заметили. Вовремя, вовремя он ушёл. Спасибо пулемётчику. Невесёлую судьбу он себе выбрал. Игнату было жалко и пулемётчика, и себя.

Теперь надо было спрятать следы.

Он повернул коня левее. Кобчик, привязанный за повод к седлу, послушно бежал следом. Началась дорога, которую знали только местные. Здесь Игнат дал коням отдохнуть. Всё пока складывалось хорошо. Кроме одного: он остался без винтовки. Винтовку у него забрал Отяпов, когда поменял её на автомат. Начал лихорадочно вспоминать, не оставил ли чего в ДОТе или в овраге, что может навести казаков на его след. Вроде ничего. А винтовка — дело наживное. Он знал, где найти её. Жалко было Гридникова. Пулемётчик стоял в его глазах и повторял: «Уходи...» Долго ли он там, в ДОТе, в одиночку, продержится? Пока есть патроны, будет отстреливаться. А там...

Проехал с километр, впереди услышал шум и тут же свернул в ближнюю лощину. Затаился за кустами можжевельника.

Чуть погода за деревьями замелькали красноармейские шинели. Послышалось чавканье разбитых сапог и валенок. Он сразу определил: окруженцы. Выходить к ним было нельзя — увидят полицейскую форму и запросто пустят в расход. Кто их вёл, кто командовал, было непонятно. Валили сплошной толпой на юго-запад. Направление, видать, знали — к Кирову. Значит, кто-то вёл, знал карту и маршрут. Человек сто двадцать, может, больше. Все с оружием. Много носилок.

Хорошо, подумал Игнат, — затопчут следы лошадиных копыт. И казаки, если даже будут его искать, ничего не найдут.

Некоторое время пробирался по осиннику вдоль дороги. Потом вернулся назад и по своему же следу выехал на утрамбованную тележными ободами колею.

Проехал с полкилометра и возле разлившегося овражка увидел носилки, в них заочневшее тело. Умерший был раздет до белья. Ни сапог, ни шинели, ни шапки. Всё правильно, теперь одежда ему была ни к чему. А кому-то она сейчас спасала жизнь. Война так и ходила — по самому невозможному в человеке, будила в нём то, о чём он в себе мог только догадываться, и то с неприязнью и ужасом. Но и хорошее поднимала. И Игнат снова подумал о пулемётчике. Вот кто он ему? Полицейский с хутора, которого можно было и за баню отвести, шлёпнуть, недолго разбираясь. Детей пожалел, понял Игнат. Это ж он моих детей пожалел...

Игнат привстал на стременах и осмотрелся. То, что он надеялся здесь увидеть, лежало шагах в десяти возле самого ручья на краю разлива. Приклад винтовки был уже в воде. Ствол с высоким намушником торчал вверх. Винтовка оказалась без затвора. Обычная история: затвор вынули и забросили в другую сторону. Хуже, если в ручей. Он снова сел на коня, сверху было видно лучше и дальше. Затвор действительно валялся в противоположной стороне, в зернистом ледяном снегу. Игнат очистил его, продул пазы и вставил на место. Патронов в магазине не было. И магазин, и затворная рама и даже патронник были вычищены и поблёскивали лёгкой смазкой. Видимо, боец был человеком аккуратным и об оружии заботиться умел.

Он объехал стороной носилки. Решил так: если всё обойдётся, похороню его потом. Толкнул коня в бока, и тот послушно начал заходить в ручей. Ручей был неглубокий. Игнат это знал. Выбравшись на другой берег, пустил коня краем берега. Знал: днём ручей прибавит, и следы уйдут под воду.

Глава четырнадцатая.
ЧАСЫ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЦЕПОЧКЕ

— Стой! — И Отяпов поднял руку.

Они уже вышли к шоссе. Впереди, за узкой полоской леса, ясенел простор широкой дорожной просеки. Гусёк уже вернулся из головного охранения и доложил, что дорога свободна, никакого движения не наблюдается, что место для перехода удобное — лес близко подступает к шоссе, и можно переходить. Судя по карте, до своих окопов оставалось километров пять. До немецких — ближе.

— Вот что, ребята, — собрав разведчиков, объявил Отяпов, — сейчас переправим полковника и Машу на ту сторону, а сами вернёмся к дороге. Гридникова и этого... Игната... надо выручать. Что ж мы их бросили? Они нас взялись прикрывать. Можно сказать, спасли. А мы...

Разведчики в ответ молчали. Новый приказ сержанта Отяпова их не радовал. Их лица уже посветлели, они уже понимали, что нелёгкая их дорога пошла на убыль, что скоро окажутся дома... Только Гусёк, всегда готовый ко всему, кивнул и осторожно посмотрел на товарищей.

— Гридникова и Игната надо выручать, — повторил Отяпов и плотно сжал рот. — Кто не хочет возвращаться, останется с полковником и Машей. Никого не неволю. Кто остаётся?

Никто не шевельнулся.

— Остаётся Гусёк, — неожиданно приказал Отяпов.

Гусёк встрепенулся.

— Отдай Лапину и Курносову запасные диски и гранаты. Себе оставь одну. И один диск.

Отяпов знал, что возвращаться к ДОТу — дело гиблое. Но и оставить, по сути дела, бросить Гридникова он не мог. Не несли его ноги домой без пулемётчика, оставленного на дороге. Как он потом будет смотреть в глаза товарищам? А Гуська он просто пожалел. И все это поняли. Гусёк был самый молодой из них. По всему выходило: приказ старшего сержанта Отяпова был правильным.

Через шоссе они перешли благополучно. Взяли носилки вчетвером и бегом пересекли просеку. Углубились в лес на полкилометра, нашли подходящий овраг и оставили там полковника, Машу и Гуська.

Сами бегом вернулись назад.

А ведь уже стар я бегать по лесу, подумал Отяпов, прислушиваясь к хриплому дыханию своих разведчиков. Устали и они. Особенно спотыкался Лапин.

— Что, Расписной, — подначивал его Курносов, — ухряпался? Это тебе не по форточкам лазить.

Лапин сморщился наподобие улыбки, показывая ряд мелких, съеденных чифирём зубов, и ничего не ответил. Он был не форточник, но спорить с товарищем не стал. Надо было беречь силы.

Стрельба возле ДОТа ещё продолжалась, когда они пробрались к перекрёстку дорог.

Помочь Гридникову они не смогли.

Казаки, не справившись с пулемётом, вызвали подкрепление.

Разведчики лежали на опушке леса и наблюдали, как по насыпи из леса вышел танк. Остановился. Повёл коротким хоботом пушки и сделал два выстрела. Фугасы разорвались под самым основанием ДОТа. Амбразуры затянуло дымом. Но пулемёт продолжал вести огонь. Тогда танк подошёл ближе и почти в упор начал расстреливать ДОТ. Казаки, осмелев, высыпали из леса, и, сдвинув кубанки на затылки, закурили. Пулемёт замолчал.

— Вот сволочи, — сказал Курносов и оглянулся на Отяпова. — Что будем делать, Нил Власыч?

— Ворочаемся, — отдал приказ Отяпов и, не отрывая глаз от дороги, где дыбился чёрный дым над смутным приземистым холмом ДОТа, откинул капюшон, снял шапку и украдкой, одним пальцем, перекрестился.

Они отползли от опушки в ложину и гуськом, соблюдая интервал в десять-двенадцать шагов, побежали на юго-запад.

Отяпов бежал замыкающим. Время от времени останавливался, оглядывался. Там ещё рвались снаряды. Не жалели немцы боеприпасов. Бетонный дот взять было не так-то просто. Опасались, что из ДОТа по ним могут открыть огонь, вот и дожигали свечечку до полочки...

Отяпов горевал по своему пулемётчику. Как не горевать? Близкий человек был. В бою всегда рядом. С самой Тулы вместе. Вспомнил, как тот угощал голодного мальчонку в Калуге. Да и Игнат оказался человеком хорошим. На смерть пошёл ради них. Вот тебе и полицейский. Как теперь хуторским без него?

Варшавское шоссе перешли не сразу. По дороге двигался обоз — десятка два подвод, запряжённых парами. Кони крупные, с куцыми хвостами, одинаковой гнедой масти. Потом, в обратном направлении, пролетел мотоцикл с одиночным мотоциклистом. Подождали ещё минут пять и перебежали просеку. Перебежали парами. Последним — Отяпов.

В лесу, когда уже отыскивали Гуська с полковником и Марией, Отяпов сверился с картой. Примерно определил место, где они находились. До окопов оставалось совсем ничего, может, с километр-полтора. В этом месте линии траншей близко подходили к шоссе. Где-то правее должна находиться Заболонка. Отяпов решил выходить немного восточнее тропы, которой они входили сюда. Если вчера или сегодня утром немцы обнаружили их след и догадались, что это входила разведка, то будут поджидать их на выходе. Такое уже случалось.

Гусёк вскоре вернулся радостный:

— Там, дядя Нил, за полем деревня, — указал он на просвет среди осин. — Заболонка. Наша тропа чуть правее. А здесь, как ты приказал, я разведал лошину. Можно по ней пройти. Там ни души. Я прошёл до самого ДОТа и назад.

— Значит, луг и грейдер никак не миновать?

— Никак, дядя Нил. Правее, за ДОТ, я не пошёл. Там могут быть окопы.

— Правильно. Что ж, пойдём через грейдер. Рискнём ещё раз.

Руины ДОТа виднелись справа в березняке. Расщеплённые, обгорелые брёвна и куски смёрзшейся глины. Взрывчатки сапёры не пожалели. ДОТы здесь стояли повсюду. Одни занимали немцы, другие — наши. Некоторые, как тот, на дороге, были брошены.

Полянку, которую контролировал когда-то гарнизон ДОТа, они решили перебежать всей группой. Через полянку, рассекая её вдоль от леса до поля, проходила дорога — довоенный грейдер, видимо, недостроенный и брошенный. Кругом кучи сдвинутого бульдозером песка, небольшие котлованы, штабель подтоварника, наполовину разобранный. Видимо, на строительство ДОТа.

Они сосредоточились в березняке на опушке. Отдыхались. Перебежать полянку — две-три минуты. За нею уже начинался лес. Леса на той стороне уже можно было не бояться. Им владели боевые охранения и передовые дозоры их дивизии. Немцы туда уже не совались.

Носилки взяли вчетвером. Мария, придерживая раненого полковника, бежала рядом. Гусёк — впереди. Отяпов — замыкающим.

Когда подбежали к грейдеру и начали подниматься по каменной насыпи, Отяпов услышал какой-то шум. Вначале подумал, что от перенапряжения пробило пробку в ушах, вот почему грохот их сапог стал таким громким. Но вдруг увидел, как метнулся вправо Гусёк и мгновенно пропал за оп-

львишим песчаным гребнем с той стороны, потом покатился по откосу насыпи вниз, что-то закричал. Туда же хлынули и остальные, пригнувшись и втянув в плечи головы. А левее, шагах в десяти, навстречу им из-за насыпи так же бегом двигалась группа одетых в камуфляжные куртки «древесных лягушек».

Отяпов выскочил на грейдер и оказался лицом к лицу с рослым немцем. Тот тоже остановился и смотрел на него из-под низко надвинутой каски, обтянутой такой же защитной материей, продранной, будто износившейся в некоторых местах. Глаза немца лихорадочно бегали по сторонам. Отяпов мгновенно оценил ситуацию, которая не обещала ничего хорошего ни им, ни немецкой разведгруппе, и опустил карабин. Немец тоже сунул под мышку автомат и поднял руку. Отяпов некоторое время разглядывал его грязную перчатку, потом ухватил боковым зрением своих и чужих: свои уже спускались с насыпи, и Гусёк с колена целился в сторону немцев; немцы так же стремительно и так же втянув головы в плечи прыгали и скатывались по противоположному, северному откосу грейдера и один из них, вскинув автомат, целился в Гуська.

Отяпов тоже поднял руку. В первую очередь для того, чтобы упредить действия Гуська, который мог открыть огонь в любое мгновение. Но тот, видимо, всё понял. И, привстав на корточках, провожал «древесных лягушек» стволом своего ППШ.

Немец продолжал неподвижно смотреть на Отяпова. Теперь глаза его были спокойней. Он тоже отвечал за всю группу, и ему тоже хотелось всех привести домой живыми и здоровыми.

Немец повернулся первым. Он закинул автомат за спину и быстрым шагом пошёл к обрыву. Он был уверен, что в спину ему не выстрелят.

Проводив его взглядом, повернулся и Отяпов. Карабин его висел на плече по-охотничьи, стволом вниз.

Разведчики уже добежали до березняка. Он видел, как некоторые из них испуганно оглядывались на грейдер, на него, своего командира, спускающегося с грейдера по каменистому откосу, на немцев, бегущих такой же испуганной стаей к другому лесу на другой стороне поляны.

— Твою-капитана... — только и сказал Отяпов, догнав своих разведчиков, которые, сбившись в кучу, ждали его в можжевельных зарослях. — Курносов, сверни-ка мне папирску потоньше, — попросил он, — а то у меня пальцы, как ножи на жнейке...

Курили всей группой. Первым голос подал Лапин:
— Алмазно мы через насыпь перемахнули! А, командор? Штаны-то сухие? — И показал свои мелкие чифирные зубы.

— Да ты, Расписной, быстрее всех до леса добрался!

— Как? — возразил Лапин. — Я вместе со всеми. Никто носилки не бросил. Когда, товарищ старший сержант, будете писать представление на заслуженную награду, прошу так и отметить.

— Вот что, ребята, — дотягивая сигарку, сказал Отяпов, — про этот случай — никому. Маша, и ты молчи. Иначе затаскают. По уставу, мы должны были открыть огонь. Да и через грейдер бежать не гамузом, а как положено. Рассредоточено. С прикрытием и так далее.

— А те как драпали! — не унимался Гусёк. — Только подковки мелькали!

— Тоже разведка. Пустые пошли.

— И хорошо, что пустые. Иначе бы просто так не разошлись.

— А их вроде побольше было. Человек десять.

— И все с автоматами. И пулемёт.

— Мы свой пулемёт потеряли, — вздохнул Отяпов.

— А тебя, Гусёк, замыкающий долго на мушке держал.

Гусёк в ответ только засмеялся.

Вскоре они вышли на боевое охранение. Их окликнули с опушки. Когда узнали, что разведчики, приказали, чтобы шли по два. В ответ Лапин обложил их матюгами. И они пошли всё группой. Спрыгнули в траншею. Гусёк сразу уснул, пристроившись на ящиках из-под какой-то армейской надобности.

Отдыхали они в траншее у охранения недолго. Съели остатки консервов, запили кипятком из термоса — пехота угостила.

Пришёл в себя полковник. Открыл глаза, спросил:

— Какое сегодня число?

Ему ответили. Мария приложила к его потрескавшимся губам фляжку. Он сделал два глотка и снова спросил:

— Где мы?

— Уже у своих, Иван Мефодьевич. Вышли. Вот, дядя Нил... Товарищ старший сержант Отяпов нас вывел.

— Сейчас направим вас напрямиком в лазарет, товарищ полковник. Тут недалеко уже... — обрадовался Отяпов, что полковника вынесли всё же живым. В чём он какое-то время сомневался. Но вот — живой, и даже разговаривает.

— А где капитан Забельский? Где лейтенант Катенёв? Где все остальные?

Мария пожала плечами.

Когда полковника донесли до санчасти и за ним из землянки выбежали санитары, тот поймал руку Отяпова, пожал её и сказал:

— Примите, старший сержант, от меня. — И сунул ему карманные часы на серебряной цепочке.

Отяпов вначале отвёл его руку и положил часы на плащ-палатку, которой были обмотаны раненые ноги полковника.

— Возьмите, — уже не поднимая головы, повторил полковник. — От всей души. За то, что не бросили нас с Машей.

— Бери, командор, — толкнул его в спину Лапин. — Знатные баки.

И Отяпов принял подарок полковника. Если разобраться, подумал он, то подарок он получил вполне заслуженный. Радовало и то, что полковник оказался человеком хорошим. Хотя кто его знает, может, потом будет сожалеть о том, что отдал дорогую «луковицу» какому-то случайному разведчику. Отяпов послушал, как часы с тихим и размеренным шумом тикают в своём благородном из резного серебра корпусе, расстегнул нагрудный карман гимнастерки, бережно опустил их туда, потом так же аккуратно застегнул пуговицу и приложил ладонь к шапке:

— Служу трудовому народу.

— Служи, солдат, служи... — И полковник прикрыл усталые веки, которые уже светились воском.

И правильно, что взял, провожая взглядом полковника и Марию, подумал сержант Отяпов, всё равно за нашу разведку медали вряд ли дадут. А ребятам из своих запасов махорки побольше отсыплю. Гуську — хороший кусок сахара.

г. Таруса Московской обл.

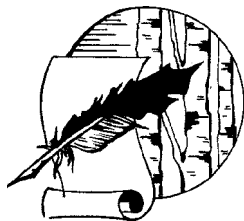
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пехотный Дегтярёва. Ручной пулемёт, которым были вооружены стрелковые части Красной армии. Основной пулемёт нашей пехоты в годы Великой Отечественной войны.

² Подзавалье — старинный район на юго-западе Калуги у Оки.

³ Тормоз — дверь (*жаргон*).

⁴ Подмотать вату — собрать вещи (*жаргон*).

Борис ВОРОБЬЁВ
(1932 — 2018)

НА ВЕЧНЫХ КРУГАХ

ЗМЕИ

Я думал, это взгляд камен,
Я думал — ранние цветы,
А в трещине лежали змеи,
Смотря на свет из темноты.

Им этот свет был ненавистен!
Им ненавистен был и я,
Не знавший ни змеиных истин,
Ни тайн змеиных бытия.

И смысл, и суть свою являя,
Сплетаясь в один ужасный ком,
Они смотрели, не мигая
Змеиным ледяным зрачком.

* * *

Сосновый бор состарился и выцвел,
Состарилась и выцвела вода,
Но луг ещё пестрит весёлым ситцем,
И ласточки сидят на проводах.

И, расщеплённый давнею грозью,
Ещё стоит в отметилах огня
Столетний дуб, как призрак мезозоя,
Окаменелость мёртвую храня.

И цел ветряк. Подует только ветер —
И вздрогнет неподвижное крыло,
И повернётся раз, другой и третий,
Размахи набирая тяжело.

Спущусь к реке, уйду за перекааты
И сяду там на тёплом берегу..
Когда-нибудь последует расплата
За то, что даже плакать не могу!

Что лишь гляжу, как мимо с тихой грустью,
Качая отражения стогов,
Течёт река к невидимому устью
Среди заросших, топких берегов.

СТАРЫЙ ДЕСАНТНИК

И снится ему Тихий океан.
Опять идут в атаку самураи,
И Колька-друг от пулеметных ран
У самого уреза умирает.

И не помочь — в упор, осатанело
Бьет пулемет из бронеколпака,
И падают ребята справа, слева,
И рвет гранату с пояса рука.

Бросок, разрыв... В лицо огонь и грохот,
И рукопашная у блиндажей,
И смертника рехнувшегося хохот,
И русский мат в двенадцать этажей...

Как будто бы вчера всё это было —
Тот самый бой у Северных Курил...
Уж лучше бы его тогда убило,
Уж лучше бы он вместе с Колькой гнил!..

ЧАЙКИ

С грохотом гальку катает
Силу набравший прибой.
Белые чайки летают
Взад и вперед над водой.

Смотрят пронзительным оком,
Криком кого-то зовут.
Море под ними глубоко,
Тучи над ними плывут.

Крылья распахнуты косо,
Воздух упруго звенит..
Души погибших матросов
Ищут в пространстве они.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

На поле Куликовом кулики
Опять справляют брачные обряды.
Над полем Куликовым высоки
Огни небес меж Доном и Непрядвой.

Струится и мерцает звездный свет,
Но суть его — не атомов движенье:
Он душ, polegших здесь во цвете лет,
Зеркальное, живое отраженье.

* * *

В ночи затапливаю печь,
Варю картошку,
И бьёт метельная картель
В моё окошко.

И слышен дальний волчий вой,
Шумят деревья,
И кажется: лишь я живой
Во всей деревне.

А утром инея узор,
Сосулек грозди,
И лает весело Трезор,
Скрипят полозья.

Скрипит изба, как старый воз;
Её построил
Ещё мой дед; я здесь возрос,
Азы освоил.

Здесь на стене висит портрет
В старинной раме —
На нём лишь восемнадцать лет
Любимой маме.

Глядит отец из-под бровей,
Как Стенька Разин,
Силач, валивший лошадей
Ударом наземь.

Здесь у божницы две свечи
Горят нетленно.
Здесь преломляются лучи
Вселенной.

* * *

Сорвались с привязи снега;
Битком набиты все овраги,
Завалены в полях стога,
Погребены архипелаги!

Трещит крыльцо — под самой дверью
Устроив лежище себе,
Лежат сугробы, словно звери,
Любой в сажень, а то и в две.

Массивны лбы. Загривки сивы.
Изгиб хребтов по-бычьи крут.
С собою совладать не в силах,
Они хвостами зло метут.

А самый грузный и лохматый,
Матерый зверь из всех зверей,
Грызет как кость совок лопаты,
Забывтой мною у дверей...

КОСТЁР

Лишь догорит закат, и сыростью ночною
Повеет от земли, и загустеет синь,
Я разожгу костёр над заводью речною,
Спугнув с заветных мест русалок-берегинь.

И в круг огня войду. На мох прохладный сяду.
И у границ костра, очерченных огнём,
Сойдутся свет и тень. И вдруг возникнут рядом
Химеры темноты, таящиеся днём.

И различу сквозь дым я чей-то взгляд горящий,
Расслышу, как шипят рептилии в лесу,
Как путы ткёт паук, как кто-то, уходящий,
Задев полночный куст, стряхнёт с него росу.

И перехватит дух, и страхи и восторги
Смешаются в груди, когда затихший мрак
Прорежет близкий крик совиных битв и оргий
И всколыхнёт леса звериных шествий шаг.

Покроет топот всё. И встанут за спиною
Лесные существа, в затылок мне дыша.
И первобытный страх вдруг овладеет мною,
И, словно в смертный час, возвысится душа.

И будет длиться ночь. И будут до рассвета
Витать над головой мохнатые сычи.
И будут силы тьмы бороться с силой света
Неяркого костра, горящего в ночи.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Упала молния на лес,
Переломившись, как лучина,
Качнулась старая осина
И рухнула, как с церкви крест.

И встrepенулись птицы в гнёздах,
И пробудил удар зверей,
Бесстрастны лишь остались звёзды
В недостижимости своей.

Мигая холодно и ясно,
Они в прозрачности огня
Так чужды были и прекрасны,
Что оторопь взяла меня.

И я глядел с земли смиренно,
И мне казалось в этот миг,
Что я один во всей Вселенной,
Что бессловесен мир и дик!

И в грохоте, что гром обрушил
На леса мокрую стену.
Я, словно первожитель, слушал
Земной юдоли тишину.

* * *

И снова ветер ловит паруса.
Уходим снова к линии заката,
Где красный луч, как спицу колеса,
Вращает тяжело вселенский атом.

Созвездия встают из тайных лон.
Все выше свет. Все четче очертанья.
Как мрамор тверд холодных волн излом.
Ночь. Океан. Великое молчанье.

Сорвется вдруг падучая звезда,
И осенит последним светом воды,
И канет в них без звука и следа,
Смутив на миг торжественность природы.

ВОРОН

Он вещей от рожденья.
Тяжел, сутул, угрюм,
Сидит в оцепененье
Под гнетом вечных дум.

И неподвижным зраком
Перед собой глядит —
Как будто тайных знаков
Символику твердит.

Куда ты смотришь, ворон?
Кому твой хриплый крик
Предскажет в жизни скорой
Паденья час и миг?

Провидец дней и судеб,
Открой судьбу и мне,
И мы друзьями будем
В родимой стороне!

Но не ответил ворон —
Не знал иль не хотел —
Сорвался вдруг с забора
И к лесу полетел.

* * *

Усну среди ночи. Проснусь на рассвете.
Всё то же — не видно ни зги.
Окно распахну, и сквозь ливень и ветер
Почудятся чьи-то шаги.

Быть может, сейчас за стеной непогоды,
Пытаясь осилить ее,
Ты ищешь знакомые мели и броды,
Ведущие в царство мое.

Быть может, всё веришь, что в прошлое можно
Вернуться по старым следам,
Что их отыскать среди прочих несложно,
Что, может, я знаки подам.

Но ты позабыла, что годы летели,
Пески заносили следы,
Что скрыли все броды и смыли все мели
Потоки глубокой воды.

Что ты — за сырою завесой ненастья,
А я — в самой гуще его,
И что это боль и великое счастье —
Не знать о тебе ничего!

* * *

Пахнет ботвой и крапивой,
Мокрый качается лес,
Держит, как крышу стропила,
Радуга кровлю небес.

След позади остаётся,
Поле — как жизнь — впереди,
Сердце взволнованно бьётся
В помолодевшей груди.

Думал, уже омертвели
Воспоминания в ней,
Стали, как шрамы на теле,
Твёрже, бескровней, бледней.

Думал, уже не придётся
Родину мне повидать...
Женщина где-то смеётся,
Кажется, чудится — мать.

Только она так смеялась,
Глядя в оконный проём...
Матушка, что с тобой случилось,
Как тебе в лоне твоём?

Спишь иль, незрима как фея,
В светлых летаешь лугах,
Душу отца, Тимофея,
Ищешь на вечных кругах?

Вот и твой сын воротился,
Вот и наш дом у рябин,
Церковь, в которой крестился,
Крытый соломой овин.

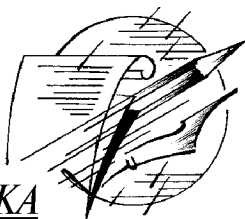
Вот и крыльцо, три ступени;
Вот и в скворешне скворцы;
Дверь, полутёмные сени —
Вот и сошлись все концы!

РОССИЙСКИЙ «ЛИБЕРАЛИЗМ» КАК ТОТАЛИТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить.

Ф.М. Достоевский

О феномене русофобии, маскирующемся под российский «либерализм», написано очень много, однако самый важный аспект этой темы исследован меньше всего. Обличений «либеральных» мифов о России и русской истории написано предостаточно, о губительных последствиях «либеральных» реформ пишут постоянно. Работы на эту тему необходимы и уже дали свой результат — поклонники «либеральной» идеологии в России давно стали маргиналами. Однако еще более важен и анализ внутренних духовных мотивов обращения людей к русофобской идеологии, причем важен в первую очередь в сугубо практическом отношении. Во-первых, это нужно для более успешного противостояния этой идеологии, активно навязываемой молодежи разными путями, в том числе, русофобски настроенными преподавателями учебных заведений. Во-вторых, анализ русофобского сознания, тех хитростей и «трюков», на которых оно построено, важен для развития позитивного национального сознания, которое сделало бы эти хитрости неэффективными.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

К сожалению, опровержение русофобской лжи часто выражается лишь в форме самооправдания, а не обличения. Это обусловлено благородными чертами русского характера, воспитанного Православием: нам неприятно и неприятно кого-то осуждать, даже если есть за что и вся правда на нашей стороне. Однако это тот случай, когда даже самые лучшие черты характера могут иметь вредные последствия. По отношению к русофобам никогда и ни в коем случае нельзя становиться в самооправдательную позицию — наоборот, нужно всегда говорить с ними языком радикальных и безапелляционных обвинений, высказываться только наступательно и даже агрессивно. Как показывает опыт таких дискуссий, в таком режиме вести полемику русофобы не умеют и сразу скатываются на истерику. Они привыкли всегда принимать обвинительную позу, и ответные обвинения их сразу же либо выводят из себя, либо повергают в состояние протрации. Однако, чтобы действовать таким самым эффективным методом, нужно знать, *как* именно нужно их обвинять, чтобы наносить удары в самые уязвимые места. Об этом и пойдет речь.

Главный «трюк», самая лживая и лицемерная хитрость русофобов всех типов независимо от их личных идеологических ориентаций — это обвинение России и русских в преступлениях самих русофобов. Во всех преступлениях, совершаемых ими над Россией, всегда обвиняются сами русские. Со времен «перестройки» этот ход мысли сделали настолько «привычным», что он до сих пор очень редко находит достойный ответ. Русские обязаны только всегда и во всем каяться, а если они начинают говорить о реальных преступниках и реальных врагах, сразу в ответ получают обвинения в «фашизме» и т.д. Этот простейший и чрезвычайно наглый манипулятивный ход, как ни странно, до сих пор хорошо «работает». И «логика» его очень проста — если нечто произошло в России, то сама Россия во всём и виновата. Даже в нападении Гитлера на Россию «виновата» она сама, поскольку напугала Запад своей мощью — а была бы раздробленной колонией Запада, никто бы ее не тронул. И сейчас Россия страшно виновата перед Западом тем, что посмела не умереть, как предполагалось, а начала возрождаться. «Логика» здесь та же самая.

Эффективность столь наглого и лицемерного хода «мысли» (если здесь вообще применимо это слово) еще не становилась предметом анализа, а зря. Именно она особенно ярко раскрывает внутренний инфернальный секрет русофобии, позволяющей ей время от времени одурманивать массы под

маской разных идеологий, но не меняя своей сути. Суть русофобии, ныне маскирующейся под «российский либерализм», состоит в том, что она представляет собой разновидность тоталитарной идеологии. В этой статье мы кратко рассмотрим основные компоненты этого вида тоталитаризма в таком ракурсе, который необходим для практической борьбы с ним.

Главный миф русофобского «либерализма» — это миф об «извечном русском рабстве», «подавлении личности» и т.п. О лживости этого мифа на уровне исторических фактов написано уже много и хорошо. Давно показано, например, что русский крепостной крестьянин, работавший на помещика в среднем 15 дней в году, был *на порядок свободнее*, чем европейский батрак, работавший на хозяина каждый день и даже сам его хозяин-фермер, обычно находившийся в пожизненной кабале у своего банкира. Однако все эти факты бесполезны для убежденного русофоба — ведь он мыслит отнюдь не фактами, а какими-то другими категориями. Какими? В первую очередь, **собственным комплексом несвободы, через «призму» которого он и воспринимает всё остальное.** Этот эффект великий русский мыслитель А.А. Ухтомский удачно назвал «двойничеством». Он писал в своем «Дневнике» в 1927 году: *«Когда люди осуждают других, то тем только обнаруживают своего же, таящегося в себе Двойника: грязному в мыслях всё кажется заранее грязным; завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть, вместе с тем, и тайное... ядовитое самооправдание».* Соответственно, и «либерал», всюду ищущий «русское рабство», на самом деле лишь наивно демонстрирует свое собственное рабское сознание, везде видящее собственных «двойников».

Поэтому известные слова героя Ф.М. Достоевского о русском либерале, который всегда «прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить» — это не парадокс, а констатация факта, основанного на той очень строгой духовной и психологической закономерности, о которой писал А.А. Ухтомский. Однако это объяснимо не только с психологической, но и с исторической точки зрения. «Русский либерал» — это всегда западопоклонник, сделавший себе из Запада идола для совершенно рабского слепого поклонения. Поэтому очевидно, что «русским либералом» может стать только человек с глубоко рабским сознанием,

которое и находит себе соответствующую идеологию, лицемерно маскирующую это рабство мнимой «свободой».

Свободное сознание и сама способность к свободе изначально присущи именно противникам «либералов». Принцип этого свободного сознания хорошо выразил в своих мемуарах известный славянофил А.И. Кошелев: «...мы находили необходимым все пропускать через критику нашего собственного разума и развивать себя с помощью, а не посредством заимствований». Эта «формула» является реализацией классического принципа Просвещения, который И. Кант выразил в форме знаменитого императива: «имей мужество пользоваться собственным умом». Суть «либералов» в том, что они не имеют мужества пользоваться своим умом. Об этом типе хорошо сказал Ф. Тютчев:

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

Главный психологический мотив «либерализма» — создание иллюзии собственной «избранности» и «посвященности», недоступной профанам, не желающим становится рабами Запада. Но парадокс здесь в том и состоит, что эти идолопоклонники считают себя «свободными». Но на самом деле — это глупейший самообман, основанный на комплексе неполноценности и полном отсутствии чувства собственного достоинства, которое не позволило бы идолопоклонствовать перед кем-то и презирать свою Родину.

Как показывает большой опыт общения с этим типом людей, это их стандартный психологический ход: почувствовать себя «очень хорошим», особо культурным и даже «избранным» — не за счет собственных личных качеств, а за счет сознательного унижения своей страны. «Логика» здесь самая подлейшая: раз я так ругаю свою страну, то значит, сам я совсем не такой, а наоборот, очень далекий от всей этой мерзости и потому с «праведным гневом» ее осуждаю. И как показывает тот же опыт, обычно здесь бывает еще и особо наглое лицемерие как самое радикальное выражение феномена «двойничества»: например, самые наглые взяточники больше всех кричат о коррупции в «этой стране»; самые отъявленные хамы — соответственно, о ее «хамстве»; полные невежды в русской истории — о «невежестве России». Этот феномен вообще известен давно. Известный театральный деятель князь С. Волконский в своих известных «Воспоми-

нениях» сделал такой вывод: *«Именно те люди, которые больше всего о свободе и равенстве говорят, те менее всего внутренне свободны и больше всего против равенства грешат»*. Автор имел в виду именно этот тип людей, весьма распространённый уже среди интеллигенции начала XX века. Этот тип людей разрушил страну в феврале 1917-го и сделал уже неизбежными все последующие трагические события XX века. Но нынешние русофобы еще более примитивны и еще более разрушительны.

Впрочем, всё это было бы лишь личной проблемой самих «либералов», если бы не имело таких страшных последствий для России. Вообразив себя «избранными», а всех остальных «рабами», подлежащими перевоспитанию, эти люди тем самым создали свой вариант тоталитарной идеологии, которая, по их представлениям, дает им карт-бланш на любые действия. Подлинная, хотя и лицемерно замаскированная «логика» этих людей проста: если весь этот народ — «рабы», то нужно и поступать с ним как с рабами, то есть делать с ним всё, что посчитает нужным либеральное «цивилизованное» сознание. Все катастрофы, которые произошли с русским народом в XX веке, — прямой результат этой «логики», свойственной всем «цивилизаторам» — начиная с Гитлера и заканчивая «либералами», находившимися у власти в 1990-е. Столь разные люди, как оказалось, смотрели на Россию совершенно одинаково.

Российские «либералы» и мыслят, и реально действуют в строгом соответствии с «формулой» тоталитарного сознания Дж. Оруэлла из романа «1984»: «Война — это мир; свобода — это рабство; незнание — сила». В данном случае, война против русских, превращение их в «навоз истории» ради торжества Запада объявляется великой целью истории и условием «мира» в смысле глобальной диктатуры Pax Americana. «Свободой», соответственно, считается глобальное холуйство перед Западом, а главной силой, которая может заставить людей принять такую «свободу», является их тотальное невежество во всём, что выходит за рамки той примитивной картины мира, навязываемой «либералами» в качестве «рукопожатной» и общеобязательной.

Здесь присутствуют все три важнейших признака тоталитаризма: 1) манипуляция массовым сознанием; 2) порабощение народа и 3) сознательный обман людей, выдаваемый за «правду». По сравнению с «классическим» тоталитаризмом XX века новый «российский либерализм» действует более лицемерно и изощренно. Здесь нет прямых репрессий, но «либеральные» реформы приводят к такому сокращению на-

селения, которое сопоставимо с потерями в Великой Отечественной войне. Здесь нет «общеобязательной» идеологии, но именно вседозволенность, выдаваемая за «свободу мнений», разрушает нравственное и культурно-историческое сознание людей намного эффективнее любой насильственной пропаганды. Поэтому этот тоталитаризм оказывается намного эффективнее и разрушительнее всех других. Если тоталитаризмы XX века, при всей их репрессивности, всё-таки не посягали на традиционные ценности и как-то заботились о развитии народа, то нынешний страшен тем, что представляет собой «антропологическую катастрофу» (М.К. Мамардашвили) — то он есть основан на разрушении самого человека как личности, превращении его в тупой «биосоциальный автомат», стремящийся лишь к удовлетворению своих всё более извращенных прихотей. И под видом якобы «свободы» нынешние «либералы» на самом деле пытаются навязать и России, и всему миру именно этот самый разрушительный тоталитаризм.

Откуда берутся такие люди, чья недоформированность и ущербность становится основой для ненависти к собственной стране? Изначально такой тип человека формируется извращенным воспитанием, когда ребенка с детства приучают считать себя центром мира, а всех остальных людей — лишь «инструментами» для удовлетворения собственных прихотей. Потом во взрослом возрасте человек с таким извращенным воспитанием, естественно, и становится «либералом». То, что сейчас в России называется «либерализмом», — это, строго говоря, идеология взрослых инфантилов.

В.В. Бибахин, ученик А.Ф. Лосева, в статье «Общение без индивида» очень точно сформулировал жуткую суть инфантильного мировоззрения — это желание «ощущать себя распорядителем мира». Как пишет этот автор, *«смоделированный ребенком шутовской «другой» не самостоятельная личность, а стандартный реквизит персонального детского мира... И детский солипсизм, необходимый и чарующий в полуторагодовалом возрасте, может быстро перерасти во взрослый нигилистический и безнравственный солипсизм, очень способствующий развитию умственных, например, математических навыков и подсекающий в корне развитие настоящей личности... Для нее тут были бы только помехой другие своевольные независимые агенты»*. Поэтому для человека с таким инфантильным сознанием всё понимание «свободы» как раз и сводится к защите от «других своевольных независимых агентов» путем законодательного ограждения от них «себя-любимого». На языке «либералов» это называется «защитой прав

личности», но самое смешное здесь в том, что такой «защитой» озабочены как раз те, кто личностью так и не стал.

По той же причине инфантилу-«либералу» всегда не нравятся «власть» — ведь она не дает ему «ощущать себя распорядителем мира». И поэтому бесполезны любые свободы — ему их всегда будет мало, ему всегда будет казаться, что «в этой стране жить невозможно». И ему никогда не придет в голову, что дело здесь, очевидно, вовсе не в стране, а в нём самом. Ему всегда и везде будет плохо, независимо от страны — это то самое «негативное мироощущение», которое и отличает человека «антисистемы» (Л. Гумилев). Эти люди восхваляют Запад, но почему-то очень редко едут туда жить — по двум причинам: во-первых, там придется работать, а они не привыкли, ибо в России всегда были паразитами; во-вторых, они с ужасом обнаруживают, что там им тоже плохо, но сказать об этом уже нельзя — там ведь не Россия, где им всё можно, и за «диссидентство» на Западе быстро оставят без работы.

Однако само западопоклонство для инфантила является его подлинной *религией*. Ведь именно Запад создал цивилизацию, в максимальной степени соответствующую его потребностям и мироощущению: «Европа — это история рождения личности в индивидуум, с одной стороны, и с другой — история поглощения личности обществом» (М. Пришвин). Ныне западная цивилизация стандартизируют весь мир в один урбанизированный мегакомплекс, предназначенный для «биосоциальных автоматов». Это новый тоталитарный строй, основанный на более глубоком порабощении человека, чем его предшественники. Если тоталитаризм XX века был вынужден использовать насилие и репрессии, чтобы подчинить себе людей, то для нынешнего тоталитаризма это уже и не требуется. Порабощение происходит не на уровне сознания (сознание отключается, как на киевском «майдане»), а на уровне бессознательного — на уровне желаний, эмоций и потребностей. Такому тоталитаризму уже никто и не сопротивляется просто потому, что его никто не замечает, и все наивно считают себя «свободными».

Этот феномен был пророчески предсказан Ф.М. Достоевским в виде известного «парадокса Шигалева» — революционера из романа «Бесы», написавшего трактат об идеальном социальном строе и пришедшего к парадоксальному выводу: *«Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»*.

«Эмансипация» человека на основе секуляризации имела целью максимально «освободить» влечения человеческого Его от всякой ответственности перед Богом, что с точки зрения религиозного сознания является не чем иным, как стимулированием греховной природы человека. Данный парадокс здесь проявляется в том, что «освобождение» от высших уровней человеческого бытия и сознания приводит к полному деспотизму низших уровней, не имеющих теперь никакого противовеса. А это, в свою очередь, приводит к необходимости тотальной манипуляции сознанием и бытием людей в рамках модели «потребительской цивилизации», без которых консолидация социума становится невозможной. Репрессивный тоталитаризм XX века был лишь ранней «переходной» формой, направленной на слом основ традиционной цивилизации. Однако в современном мире для эффективной манипуляции массами уже вовсе не требуются репрессии, т.к. **контроль осуществляется теперь над самим сознанием и образом жизни людей.**

Об этом было сказано и в романе Дж. Оруэлла: «Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении еще дальше. А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец». Кстати, лицемерной ложью является миф о том, что Дж. Оруэлл якобы писал в своем романе об СССР, где он вообще никогда не был и к которому относился весьма лояльно в силу своих левых, почти социалистических взглядов. Нет, Дж. Оруэлл писал о тех тенденциях, которые он наблюдал у себя дома, на Западе. И тот уровень тоталитарного контроля сознания, который изображен в романе, сейчас даже превзойден там по многим параметрам. Россия в этом отношении выглядит «заповедником» разнообразия и свободы мнений, которого на Западе уже давным-давно нет.

Известный лингвист Цветан Тодоров, эмигрировавший из советской Болгарии на Запад, писал по этому поводу: *«Конечно, в западных демократиях писатели вольны писать, что им вздумается, но бурной радости этот факт может и не вызывать: он свидетельствует о безразличии общества к тому, что они пишут. Личность обрела автономию; обратная сторона явления состоит в том, что общество больше не считается с ней и перестает обращать на нее внимание; она может говорить всё, что хочет, но слушать ее никто не будет. В тоталитарных странах, напротив, важность написанного доказывалась самим существованием цензуры; а популярность писателя была огромна».*

Внешняя «свобода мнений» уже сама по себе становится *инструментом обольванивания* — она создает лишь видимость «возможности выбора», чтобы замаскировать его реальное отсутствие в массово манипулируемом социуме. Это обольванивание действует намного эффективнее, чем навязывание «единственно верного учения», поскольку происходит незаметно и не встречает естественного сопротивления. Можно писать и говорить всё, что хочешь, — ведь это ни на что реально повлиять не может, поскольку общество манипулируется совсем по другим каналам. Главное средство манипуляции — это безальтернативное навязывание образа жизни «золотого миллиарда» и его антиценностей гедонизма, карьеризма и инфернального нарциссизма.

Однако, как известно, практиковать образ жизни «золотого миллиарда» можно лишь за счет других живущих на Земле людей и за счет потомков. Его практикует в настоящее время около 13 процентов населения Земли, которые поглощают 70% невозобновляемых ресурсов и выбрасывают примерно такую же долю загрязняющих веществ. И дело не в нежелании помочь развитию «третьего мира», а в том, что «первый мир» просто не может допустить этого развития: естественные ограничения нашей планеты в принципе не позволяют распространить сложившийся в «золотом миллиарде» тип потребления на всё человечество. Поэтому «слаборазвитость 70% человечества — печальная необходимость, без которой не может существовать общество потребления для 13%... Приходится искусственно сдерживать развитие, допуская деградацию значительной части человечества. Тем самым современный «либерализм» — это не что иное, как *глобальный расизм*.

Однако «либералы», естественно, этого понимать не желают и с самой детской наивностью считают себя благодетелями человечества, а не агентами мировой диктатуры Запада и геноцида целых народов, каковыми они являются на самом деле. **Это дикое невежество также является одним из главных признаков российского «либерализма» как тоталитарной идеологии.** Казалось бы, 1990-х годов было достаточно, чтобы понять, что «либеральные реформы» — это опускание России в болото «третьего мира» и самый откровенный геноцид. Но уровня мышления данной публике не хватает даже для этого.

Когда русофобам требуется объяснить столь вопиющее несоответствие их мифов и реальной жизни, они демонстрируют самое наглое лицемерие. Так, например, в культовой для них повести В. Гроссмана «Всё течет» рассуждения о пре-

словутом «русском рабстве» даются для объяснения всех насилиев над народом, которые там изображены. Это то же самое, если бы убийца сказал своей жертве: «Я имею право тебя убивать, потому что ты и так уже труп». Это запредельное лицемерие есть и в «Жизни и судьбе», где чекист Магар в лагерьном лазарете исповедуется над только что умершим раскулаченным мужиком: «*Мы не понимали свободы. Мы раздавили ее... коммунисты создали кумира, погоны надели, мундиры, исповедуют национализм, на рабочий класс подняли руку, надо будет, дойдут до черносотенства*». Он «кается» вовсе не в том, что убил миллионы таких мужиков — это как раз он считает своей заслугой, — а в том, что мужики этому воспротивились и начали возрождать Россию! В этом романе самым позитивным героем оказывается мой однофамилец подполковник Даренский. Но чем же он так отличился? Тем, что заступился за пленного немца. Зато те герои, которые заступались за русский народ, поголовно показаны мерзавцами и «черносотенцами». Вот именно за это *запредельное лицемерие* бывший сталинский лауреат вдруг и оказался у русофобов великим светочем «свободы».

Ликбез по поводу русской свободы и мифического «русского рабства» нужно начинать со свидетельств классиков. А.Н. Энгельгардт в письмах «Из деревни» сообщает: «В таких обчиновничавшихся мужиках... вы уже не увидите того сознания собственного достоинства, какое видите в мужике-хозяине, земледельце. Посмотрите на настоящего мужика-земледельца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо! Мужик, если он «ни царю, ни пану не виноват», ничего не боится. Мужик, будь он даже беден, но если только держится земли — удивительная в ней, матушке-кормилице, сила, — совершенно презирает и попавшего на линию и разбогатевшего на службе у барина». К.Н. Леонтьев в статье «Грамотность и народность» пишет: «Русский мужик очень развит, особенно в некоторых губерниях. Он умен, тонок, предприимчив; в нем много поэтического и музыкального чувства... Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне».

Классик мировой социологии Питирим Сорокин в работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» писал: «*Ряд существенно важных черт русской нации включает в себя... огромную жизнеспособность, замечательную стойкость, исключительное стремление со стороны ее членов к самопожертвованию ради ее спасения и процветания, чрезвычайный территориальный, политический, социальный и куль-*

турный рост». Но это стремление к самопожертвованию, которое объективно нужно ради спасения и процветания Родины, субъективно представляет собой нравственный подвиг — **высшее проявление человеческой свободы как таковой**. Это и есть главная и определяющая черта русского национального характера. А чрезвычайные, одни из самых выдающихся в мировой истории достижения России и русских во всех сферах жизни — уже конкретное воплощение этого высшего качества.

Главный мотив русофобии — зависть всех бездарей к великому народу. И главным принципом дискуссии с русофобами, повторим, является исключительно обвинительная стратегия и полный запрет не только на какие-то «самооправдания», но даже и на стиль лояльного диалога. Дискуссия — это не «диалог», а разновидность войны. А на войне, как известно, лучшая оборона — это нападение.

ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

РАССКАЗ

В тот давний морозный декабрь в Вятке, куда я примчался из слякоти и туманов Москвы, я был здоров, счастлив и молод. Первые мои рассказы, напечатанные в столичных журналах, дошли до родины, один даже с фотографией, что восхищало. Вот, не вру, увидел в троллейбусе девушку, читающую мой рассказ «Это — судьба». Забилося сердце. Я с ходу подсел, она покосилась, отодвинулась, а я сообщил: «Это я написал». Она ответила: «Иди, дядя, просппись». С тех пор не ищу контактов с читателями. С московскими. А Вятка? Вятка — это Вятка. Конечно, нет пророка в своем Отечестве, тем более в недоверчивой Вятке, но ведь родина. Родина. Родила и вырастила, как не мечтать чем-то отблагодарить. Вот и считал свои рассказы малым вкладом в «малую» родину. Малой родиной называли место рождения писателя. Для кого малая, а для меня — всесветная. Таковой же она, уверен, была и для вятского русского поэта Анатолия Гребнева, живущего в Перми. Именно с ним мы встретились в эти морозы. Навестили писательскую и журналистскую организации, сходили во

ПРОЗА

главе большого коллектива пишущих в баню, естественно, в номера. Естественно, с допингом для увеличения радости жизни. Вымыслишь и выслушали новости светской жизни областного центра.

— Нет, Толя, — сказал я, когда мы остались одни, — это счастье, что мы живем не в Вятке. Счастье. Приехали и уехали. А живи тут постоянно? Ведь это надо было бы участвовать в «борьбе». Ну чего вот он (я назвал фамилию) с бабами связался?

— А этот, — Толя назвал другую фамилию, — уже рехнулся от сознания своей гениальности. Ты слышал, он говорит: я — вятский Гоголь.

Я передал Толе приветы и поклоны от Анатолия Кончица, прекрасного писателя, тоже, естественно, вятского, живущего в Москве. Он сын сосланного в Вятку белоруса и подосиновской женщины. Не женщина из-под осины, а район такой, Подосиновский. И пересказал Толе до сих пор не напечатанную повесть Кончица. О ней чуть дальше.

Пока же закончу рассуждение о климате провинциальной культурной жизни в сравнении с московской. В провинции враждуют всерьез и подолгу. В писательской организации из десяти членов всегда восемь партий. Вражда идет до гробовой доски, закручивает события, втягивает и ближних, и дальних. В Москве враждовать некогда. Во-первых, в Москве никому ни до кого нет дела, во-вторых, в Москве много писателей, и все гении, в-третьих, событий, то есть сплетен, такое количество, что их не переварить. Утром узнаешь, что такой-то уехал в Израиль, к обеду — что такой-то оттуда вернулся, а такая-то ушла от такого-то к такому-то (так ему и надо), вечером в ЦДЛ подрались (вчера тоже дрались, но как-то не так, сегодня ярче, милиция была), такой-то выдвинут на премию, а такой-то задвинут (конечно, надо наоборот, да разве ж эти там, в секретариате, чего-нибудь понимают), того-то избрали, а того-то прокатили (надо было обоих прокатить), а эта сучка только приехала из Франции и уже включена в делегацию в Италию («а ты что ж, не знал, она же стукачка»), то есть такое количество событий, стычек, лагерей, заседаний, что когда уж тут подолгу враждовать. Одно было и продолжается противостояние: евреи и русские. Но как-то же уживались, сидели на одних совещаниях, пьянствовали вместе, делить, конечно, было что (издания, звания, поездки...), но как-то и это решалось. Я потом долгие годы был в Приемной комиссии, сейчас некогда, а надо бы рассказать, как принимали в Союз. Если мы, русские члены Приемной комиссии, не принимали в Союз еврея, причем совершенно по

объективным причинам (бездарен, тягомотен, мало написал, подождем), то члены комиссии евреи тут же автоматически топили русского, будь он хоть расталантлив. Но как-то всё же договаривались, Союз писателей рос.

Именно в ЦДЛ я познакомился и мгновенно сдружился с Анатолием Кончицем, земляки же. Он часто звонил и забавлял, например, тем, что вот сейчас перечитал «Господина из Сан-Франциско» и понял, что в России только три прозаика: «Ты, я и Бунин». — «Тут у меня ещё Женя сидит», — говорил я. «Да, и ещё Женя». Но это он так шутил, а сам был скромнейший, совершенно не пробивной человек. Он написал повесть, где главный герой — унылый маленький человек советского времени. Комната в коммуналке, зарплата ниже уровня моря, кто такого полюбит? Но однажды в его комнате вдруг отъехала в сторону стена, за ней открылся сад, беседки, выскочил швейцар и пригласил: «А пожалте, барин, для аппетита погулять». Вот такой сюжет. Швейцар, имя его Филимон, любил барина. У берега тихой речки, конечно с лебедями, пели девушки в сарафанах, доносилась свирель пастуха. И барин, совершенно разнеженный, говорил Филимону: «Дай-ка ты мне, братец, в руки пистолет да поставь-ка ты себе на голову яблоко». — «А не портили бы вы яблоко, барин», — отвечал Филимон, нисколько не сомневаясь, что барин попадет не в лоб, а в цель.

Толя, посмеявшись, сказал вдруг:

— А что, барин, не мало ли мы погрелись?

Мы стояли среди морозного тумана. Окутанные седым снежным куржаком, извергая мгновенно замерзающие облака выхлопа, проносились автобусы. Скрипели валенки торопливых закутаных прохожих. Непонятное время как бы умершего от холода дня подстрекало к сопротивлению. Тем более после бани боялись простыть.

— Да, Филимон, — отвечал я. — Не будем портить радость от встречи разговорами о роли интеллигенции в её личной жизни.

Но в тот же вечер мы снова нарвались на такие разговоры. Нас заарканила областная гросс-дама (прошу только не думать ни на кого из знакомых вятских женщин), её давно нет в Кирове, тогда же она держала своеобразный салон. У неё, помню, были какие-то прыгающие по стенам и потолку пресноводные лягушки. Это добавляло ощущений. Театральная и околотеатральная публика, телевизионщики, еще кто-то пели и пили и говорили услышанное по «Голосу Америки». Наша интеллигенция, что для неё, увы, естественно, верила разным «голосам» сильнее, чем голосу Москвы. Виновата и

Москва (очень дубовые тексты звучали над страной), но и сама интеллигенция, которой со времён предателя Курбского, а его демократы числят в основателях русской интеллигенции, кажется, что всё заграничное лучше всего. Мне слышать то, что слышал-переслышал в ЦДЛ, было уже и невмogu. Господи Боже мой, я на родине, в богоспасаемой Вятке, и снова должен слушать бесконечное: Сталин, евреи, свобода творчества, пример Запада, отношение к интеллигенции, оплата творчества по таланту (все же таланты!), сколько можно?

— Я ухожу, — сказал я Толе. — А ты, барин, как изволишь. Игра в барина и Филимона уже привязалась к нам, только мы так и не поняли, кто из нас кто — кто барин, а кто слуга.

— И на кого ж ты меня покинешь? — отвечал Толя. Мы выбрались из-за стола вроде покурить, оделись в прихожей и самым примитивным образом эмигрировали. Так сказать, безвизно. Мороз еще подбавил. Троллейбусы уже не ходили. Стали ловить машину. Толя остался на остановке, поставив на скамью портфель и выскакивая голосовать проезжающим, я перешел на другую сторону.

Машину-то мы поймали, а вот портфель у нас свистнули.

— Да, — сказал я, — очарование родиной продолжается. — Мы недолго бы переживали, если б портфель пропал без содержимого, но он пропал именно заряженным. Мы стали искать то, чем можно было бы залить горечь интеллигентских дискуссий. Конечно, с высоты лет легко нас осудить: шли бы спать, и всё, но поставьте себя на наше место. Приехали на родину, давно не виделись.

Выручил писатель Владимир Ситников, спасибо. Он совершил нерядовой поступок, когда в глухую полночь вышел на наш звонок на площадку квартиры, сразу всё понял и помог.

На улице у меня лопнула подошва зимнего австрийского ботинка. На такие морозы она явно была не рассчитана. А ведь знали же немцы, что в России есть генерал Мороз. Быстро забыли. Нога моя заколела в минуту. Вприпрыжку мы побежали ночевать к моему брату.

Утром брат залил пространство щели на ботинке каким-то особым клеем.

— Погоду слушал, — сказал он. — У тебя, Толя, в Перми, гораздо теплее.

И вот эта случайная фраза брата о погоде решила нашу судьбу. Сидели на кухне и всё прокручивали вчерашнее сидение с вятским бомондом. Разговоры его ничуть не отличались от разговоров и в Москве, и в Перми, рассуждали мы. У интеллигенции всегда все виноваты, но не она. Любимая тема — говорить о привилегиях начальства. Это же показы-

вает зависть говорящего. Вторая любимая тема — обсасывать уже прошедшие события истории, которые уже не изменишь. Но зато сколько возможностей показать ум. Третья тема — осуждение пишущих (рисующих, играющих) собратьев. Конечно, все бездари. И так далее.

— У нас в Перми, — сказал Толя, — есть два поэта.

— Два? А ты? А?..

— Два враждующих. Зовут Штепсель и Тарапунька. Один — два метра, другой — метр с кепкой. Метр с кепкой написал: «Мировоззрение окраин центростремительней ума». Завихрение, конечно, но имеет же право. А высокий, Тарапунька, стал высмеивать: у этого шплинта и мировоззрение! Что ты! Обида, вражда. Если один пришел в Союз писателей, другой не придет.

— И у каждого читателя, так ведь?

— Естественно. А поехали-ка, Филимон, на вокзал, — сказал Толя. — Выпьем там. Не для пьянства, а чтоб не отвыкнуть для.

Поехали. Моментально схватили такси. Вообще в дореформенной России с такси не было проблем, в Кирове особенно. Такси можно было вызвать из уличного телефона-автомата. Звонишь — через три минуты выезжает из-за угла. Еще через пять минут водитель становится хорошим знакомым, а к концу поездки — преданным товарищем. Для начала Толя всегда читал стихи Передреева: «И вот стою и погибаю среди райцентровской грязи. Вот снова руку поднимаю, вот умоляю: подвези! Шофер берет меня, сажает, а я ему не сват, не зять. Шофер глаза свои сужает, соображает, сколько взять...» Вятские таксисты, в отличие от московских, глаза не сужали, брали по счетчику (что, кстати, было очень недорого), а один раз возивший нас таксист заявил: «Парни, это я вам должен платить, а не вы. Я с вами, парни, как в кино сходил». То есть умели мы поговорить с народом. Правда, народ был не нынешний. А таксисты, думаю, уже и забыли, когда возили простых людей.

Опять у меня перекидка в нынешние времена. Но, когда вспоминаешь, невольно сравниваешь. Поминая дни древние, поучаешься в них, говорит Псалтырь. Так и мы. Всё познается в сравнении. Чем плохо жили? Да ничем. Главное, не боялись завтрашнего дня. Стали недовольны жизнью — полчай. Недовольство жизнью всегда ведет к ее ухудшению.

Толсто замерзшие стекла вокзального ресторана не пропускали ни свету, ни изображения того, что происходило на перроне. Слышен был шум уходящих и приходящих электрочек, гудки электровозов.

— С этими разговорами, — сказал я, — будто из Москвы не уезжал.

— А я из Перми. У нас же тоже и «Немецкую волну», и «Свободу», и «Голос Америки» слушают. Глушат, конечно, да что толку. Антенны насобачились делать, приёмники делают помощней. За высокую техническую грамотность! — поднял Толя бокал.

— И за низкую национальную сознательность! — поднял я свой навстречу. — То есть за то, чтоб она возросла.

— Как всегда, будет поздно, — хладнокровно отвечал Толя. Он закурил, порассматривал ногти на пальцах, поднял взгляд и весело предложил: — А поедем, Филимон, в Пермь. Сказал же брат — там теплее.

— Тогда уж в Москву. Там вообще оттепель. Мы почти посередине. Жребий?

— Жребий? — Толя уже достал спички и одну из них обезглавил. — Но! Вытянем Москву, а вдруг вначале пойдет на восток. Давай поедем туда, куда пойдет скорее.

— Давай.

Мы поднялись в кассовый зал, к расписанию. Вышло в Пермь. Билеты, правда, были в общий вагон, но что с того.

— Зима, мороз, и все куда-то едут. Ну мы-то хотя бы освежить взгляд зрелищем заснеженной России, а все-то куда? — спрашивал Толя, проверяя запасы огня и дыма, сигарет и спичек.

Поезд, на диво, пришел и отошел вовремя. В вагоне было так натоплено, что по нему бродили в майках. Плакали дети, орали динамики. Вагон был чуть ли не двадцатый, хвостовой. Выехали за привокзальные стрелки — и всё равно мотало. Толя уже узнал, что в поезде ресторана нет, есть буфет, но это не то.

— Почему?

— Как говорят психологи, выслушай информацию со знаком минус: в буфете только аква минерале. — Толя сделал паузу. — А теперь выслушай информацию со знаком плюс: в первом вагоне у проводника, официальная кличка Игорь, есть. Правда, надбавка за подпольную продажу, ну так что ж. Идем? Водка от гонений крепнет.

Тогда, опять же кстати, качество спиртного было данным, то есть надежным. Демократического пойла, убивающего людей, вроде «королевского» спирта «ройяль», вроде чудовищной ацетоновой бормотухи, не было и в страшном сне.

Мы оставили полушубки и пошагали налегке. Представьте эти два десятка вагонов, в которых жар и духота, и эти снежные тоннели тамбуров, эти тяжелые обросшие ледяным свинцом двери. Вечность мы шли до этого Игоря. Он оказался на месте, выслушал пароль от нашего проводника, назвал сум-

му. Мы к тому времени уже умели не удивляться. Купили рас-
положение этого Игоря еще и тем, что сообщили: одну распе-
чатываем с ним, одну берем с собой. Платим за обе.

— Вот такой пошел клиент у тебя.

Добру добро откликается — в служебном купе появились
и горячая картошечка и рыба, также огурчики-помидорчи-
ки, вызвавшие в памяти частушку: «Ах, огурчики-помидор-
чики, Сталин Кирова убил в коридорчике». Хотя и не убивал,
а в частушку для закрепления в народной памяти попали оба.
Посидели душевно, пошли. И снова эти контрасты жары и
полярного холода, снова эти перемерзшие окна, за которыми
что-то проносилось.

— Как в метро едем, — сказал я на середине пути.

— Слушай, барин, беря в рассуждение то, что от этих
сквозняков и мороза ни в одном глазу, а также трудность до-
бывания горячего, а также то, что всё равно снова идти...

— Не из горла же.

В том же вагоне, в котором пришло разумное решение, мы
обратились к проводнице как близкие друзья Игоря. Да и без
Игоря мы были в своем народе. Огурчиков не было, но чист-
тые стаканы, но хлеб, но шоколадка предстали в ту же мину-
ту. Посидеть с нами проводница отказалась. Оставила нас
из деликатности одних, пошла подметать.

— Надо бы ей стих сочинить, — предложил я. — Еда на
уровне министров, да и обслуживает быстро.

Толя подхватил:

— Нам так понравилось сидеть, что захотелось к вам опеть.

Мы все прибрали, вышли в тамбур. Толя курил, я мёрз.
Пытался продышать глазок в стекле. Вроде протаивало, но
как только отслонялся, чтоб набрать воздуха, глазок затума-
нивался, как засыпающий.

— Удмуртию, наверное, проезжаем.

— Не Удмуртию, а Глазовский уезд Вятской губернии, —
поправил Толя. — Мы вятские, чужого нам не надо, но наше
отдай. Нас вообще кругом обтяпали. Чайковский был наш,
стал удмуртским, это что? Заболоцкий отошел к марийцам,
Шаляпин к татарам, Шишкин к ним же. Что ж осталось?
Васнецовы только. Ну что, барин, к Игорю?

Игорь уже был не проводник, а полупроводник, как мы его
потом назвали. Но, выпивая, он не хамел, цены не прибавлял,
только всё обещал начистить морду электрику состава.

— Он же всю дорогу дрыхнет. Вот и отоварил Райку. Нет,
начищу! Будет блеснуть, будет!

— С мордой не связывайся, — посоветовал Толя. — При-
стрели и выкинь. Проще. Вместе с Райкой.

И опять этот поход из головы в хвост. По пути благодарили проводницу, обещали написать ей стих. В этот раз все-таки решили пойти до своего вагона, а то как бы наши полушубки не скоммуниздили. В вагоне полушубки были на месте.

— Филимон, пока не будем открывать, давай сочиним, обещали же.

Соседи по купе засобирались выходить. Верещагино.

— Уже Верещагино! — ахнул Толя. — Да, барин, вот как, оказывается, надо преодолевать пространство. Преодолевать его в движении. Лежа мы бы так быстро не ехали.

Мы улучшили жилищные условия, то есть перебрались с боковых мест на перпендикулярные им. Стали сочинять. Я письменно, Толя устно.

«В жаре, на полке боковой, Над колесом, у туалета, Я ехал к крестнику домой, Он был поэтом. Крик жен, храпенье их мужей, Хрипенье радиоэфира, Казалось мне, что нет уже Другого мира. И обезкровленный листок В окне метался. Изнемогая, на восток Я продвигался...»

Окончание я забыл, да это и не важно. Толя, как профессионал, сочинил гораздо лучше: «Надоело болтать и стограммить под хмельную чечетку колес. Я сумею состав застопкранить, я успею уйти под откос. Вы меня ни за что не найдете, мне на вас глубоко наплевать. Ах, какие на поле ометы, я в ометы уйду ночевать...» Дальше, помню, было: «С головою зароюсь в лучи и усну в золотистой соломе, как у мамы на русской печи». В конце стояло: «Не забыт он, не предан, не запит родниковой отчизны исток. Мне на Вятку, на запад, на запад, а колеса стучат на восток».

Толя щедро похвалил мои способности к рифме, но поправил:

— То, что я твой крестник, ты верно отобразил, но почему про этого крестника: «он был поэтом?» Был? Если так, то я сумею состав застопкранить. Все будут как обезкровленные листки метаться.

— А на кого это тебе глубоко наплевать?

— Они поймут.

В Перми вряд ли было теплее. Доказательством мороза было то, что прямо на вокзале у меня лопнула вторая подошва, и первая, та, которую лечил брат, тоже треснула, но не по склеенному, брат сделал на совесть, а рядом.

— У тебя дома клей есть?

— У меня, как в Греции, всё есть, — отвечал Толя. — Но ты что, думаешь сдаваться? У меня и жена есть, даже и вятская, то есть даже больше, чем хорошая, да ведь жена-а. Но! Барин, сейчас хоть и темно, а ведь еще и шести нет. Помнишь

шутку: до семи пьют семиты, а после семи антисемиты. По-ехали в Союз, там точно кто-нибудь есть.

О, эти бесконечные пермские улицы, проспекты, гигантские площади. Ну зачем, скажите мне, иметь в городе улицу, конечно, имени Ленина, длиной в семьдесят километров? Одно утешало, что в Перми есть своя Царь-пушка размерами больше Царь-пушки, стоящей в Кремле. Причем важное отличие: кремлевская пушка так и не выстрелила, а пермская и стреляла, и еще вполне может стрелять. Сведение, ценное для нынешних времен.

Приехали в Союз писателей. Там было народисто. Рядом с Союзом писателей был клуб МВД, конечно, имени Дзержинского. В нем мы быстро достали всё необходимое для радости встречи. Вот, кстати, тоже глагол: достать. Этот глагол гораздо энергичнее, нежели глагол «купить». Купить любой может, а ты достань. Достать — дело творческое. Загремела казенная посуда, с меня требовали московских новостей. Но я всегда замечал, что в провинции больше знают о Москве, нежели в самой Москве. Высокий поэт, назовем Александром, завладел вниманием.

— Этот шплинт, — сказал он, — этот шибздик имеет мировоззрение.

— Хватит тебе! — закричали присутствующие.

— О! — вдруг встрепенулся Толя, сидящий рядом. — Ведь Славка рядом живет. — Толя вышел. Потом я понял, что он звонил поэту маленького роста, просил прийти в Союз.

Тут началось и блистательно произошло событие, положившее конец поэтической вражде. Событие задумал и провёл Толя. Он примерно рассчитал время прибытия Славы и наполнил бокалы.

— За Пушкина! — возгласил он.

Возражений не было. Только встали (за Россию, за Пушкина, за женщин — стоя), как в дверях появился Слава. Александр поперхнулся, Слава попятился, но Толя подскочил к дверям, загородил Славе выход и закричал:

— Тих-ха! Саш, скажи только одно: хуже или лучше Пушкина ты пишешь? Мы знаем, что ты прекрасный поэт, ты заработал бессмертие, но вот кто лучше: ты или Пушкин?

Александр помялся, переступил (все ждали ответа) и угрюмо проворчал:

— Ну, Пушкин.

— А ты, Слав? — тут же обратился Толя к маленькому ростом. — Ты лучше Пушкина пишешь, а?

— Что глупость говорить? — ответил Слава. — Пушкин же.

— Итак! — поднял руку Толя. — Вы оба пишете хуже Пушкина, так чего вам делить? Чего? Ну-ка, брудершафт!

Мы загудели одобрительно, стали подталкивать противников друг ко другу. И — свершилось: Толя с помощью Пушкина и с нашей помощью покончил с враждой, вырвал её корни. Славу и Александра посадили вместе. Александр отечески подливал соседу и гудел:

— Плюнь ты на эти мировоззрения, пиши проще. Как у Пушкина: мороз и солнце, понимаешь, прибежали в избу дети... так и молоти.

Сидение закончилось. Тогдашний секретарь пермского отделения Союза писателей Николай Николаевич Вагнер позвал нас к себе. Много лет назад он похоронил жену, больше не женился, жил одиноко, но очень чисто в трехкомнатной квартире. Сразу отказался от нашего предложения посидеть на кухне, стал накрывать в большой гостиной. Любо-дорого было смотреть, как он постилает чистейшую скатерть, достает из серванта и перетирает хрусталь, фарфор, раскладывает мельхиоровые приборы, извлекает из морозилки запотевшие емкости, нарезает дефицитные продукты. Опять отвлекусь: это была чисто русская советская загадка тех времен: при пустых магазинах изобилие продуктов в домах. На Западе в магазинах все ломилось, а придешь к ним домой — пусто, экономно, ужимисто. У нас всегда полная чаша. Сейчас более начинаем походить на Запад.

Николаю хотелось поговорить с московским гостем.

— Вот этот, — он назвал модную фамилию, — ведь еврей?

— Ну?

— Я сразу понял. Не успел напечатать роман, как уже шквал аплодисментов. А ведь в зубы нечего взять, просто гигантский очерк, а не роман. А вот этот (фамилия) русский, прекраснейшая повесть, и никто ни звука.

— Ни слова о евреях! — закричали мы.

— При Сталине... — начал Николай.

— Ни слова о Сталине, — закричали мы.

— Значит, молчать?

— Есть же третья тема, — о женщинах.

Потом мы воспели этот вечер в стихах: «Коля жил как отшельник игумен, лишь с печатной машинкой дружил, и в горячке писательских буден без излишеств, без пьянства он жил. Только надо ж такому случиться — был покой монастырский сметен, вдруг явился к нему из столицы барин в туфлях, а с ним Филимон...» Про барина и Филимона мы, конечно, Николаю рассказали.

— С женщинами я вам не помощник, — ответил Николай. — Но пригласить могу.

— Приглашай, — распорядился Толя. — Желательно постарше. Для общения, для интеллекта. Вдохновения хватает.

Я вызвался чистить картошку и жарить мясо, они пошли звонить. Слышно было, как Толя энергично уговаривает:

— В такой мороз надо держаться ближе друг к другу. На полчаса? Отлично. В нашей жизни и пять минут могут стать вечностью.

Одну уговорили. Стали звонить второй. Вторая, объяснил Николай, была очень важной женщиной, со склада запчастей. Познакомился, когда ездил доставать что-то для своих «Жигулей». «Писателей, говорит, уважаю. Телефон дала домашний».

И вторую уговорили. И мясо у меня подошло и томилось под чугунной крышкой. Обе приехали чуть ли не враз. Первой та, которую Толя уговаривал особенно жарко. Зрелище было страшным. Потом мы его описали так: «Филимон возле дамы хлопочет, возле дамы ужасной своей, у которой ни сердца, ни почек, ни волос, ни бровей, ни грудей». Вторая была раза в два моложе, но тоже сильно в годах.

Я сидел напротив Толи и видел, что он и страшится, и мужается поглядеть на соседку. Другая, со склада, была проще и веселее. Чем-то ей понравился именно я. Она предложила спеть интеллигентскую песню: «Миленький ты мой, возьми меня с собой». Спели и стали анализировать: кто в центре песни? Эмигрант? Скорее, еще не уехавший, но отправивший в «край далекий» и жену, и сестру. Ведь в краю далеком есть у него и жена, и сестра. Заставили Толю читать стихи. Всё было душевно.

Полночь, однако, приближалась. Женщина со склада вполне освоилась в квартире, сообщила мне, что нам надо занять одну из комнат, что уже люди устали, надо дать им отдохнуть, и нам пора. Николай, наклоняясь ко мне, вдальблывал, чтоб я непременно к утру достал крестовину для его «Жигулей». Вот женщина, прихватив в одну руку рюмки, в другую графин (Николай же не мог опуститься до того, чтоб наливать гостям из бутылок), лягнула меня в плечо бедром и пошла. Николай стал меня толкать вслед за ней, повторяя: «Крестовина, крестовина!» Так он меня и затолкал в камеру пыток.

— Миленький, — хлопнула в ладоши женщина, — контрольный звоночек, и...

Этот контрольный звоночек меня спас. Оказывается, муж женщины уехал в тот день проверять отопление на даче и собирался там ночевать, а приехал туда — всё отопление полопалось, трубы перемерзли, и он возвращается. Хорошо еще, заехал к знакомым гаишникам и позвонил с поста. Эти сведения женщина получила от матери, взвизгнула и мгновенно собралась. Я фальшиво и радостно кричал:

— Как? Так сразу?

Вызвали такси. Оно, как и в Вятке, подрулило моментально. Женщина исчезла. Вскоре отправили и вторую. Можно себе представить радостное мужское застолье, которое вслед за этим продолжалось еще дня три-четыре.

Но в этих днях были: и баня, и покупка мне зимних ботинок, не австрийских — отечественных, теплых, надежных, были и встречи с трудящимися и учащимися. Продолжалась игра и в барина, и в Филимона, причем я до сих пор не понял, кто из нас кто. Ослабев здоровьем, я уже не мог ехать поездом. Тем более если б я поехал поездом, то как бы я проехал Вятку? А на нее уже не оставалось сил. И я улетел самолетом. Всё было настолько доступно и настолько мы всё это не ценили, что... что теперь!

В Москве измученный Уралом организм схватил простуду уже на трапе самолета при выходе, и вечером того же дня я отправился лечиться. Куда? Конечно, в ЦДЛ. И там, конечно, сидел Анатолий Кончиц, которому я и рассказал о воплощении его литературных персонажей, что его повесть, так сказать, каким-то боком вышла всё же в люди.

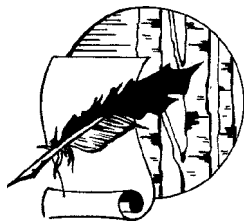
И какова же, как говорил знакомый писатель кавказских кровей, какова же «марал»? Он не видел смысла в рассказе, если в нём не было лобовой морали.

Да, какова «марал»? А никакой. Чего теперь, когда всё в России — и власть, и финансы, и особенно средства массовой информации, театр, кино, — всё захвачено, я не скажу — нерусскими, но скажу — антирусскими людьми. Именно так. И мы сами помогли этому. Одно утешает — всё это захвачено, а захватчики трясутся от страха. Они же понимают, что Россия осталась с русскими.

Но как же помогли? Очень просто: тем, что подвякивали кухонным борцам, желающим публично говорить правду, желающим жить в другой стране или переделать эту страну. Мало было, что говорили везде и говорили, кто что хотел. Но ведь так хотелось кайфа — тиражировать то, что говоришь на кухне, обнажаться хотелось публично. Ну, обнажились, ну, переделали страну, что ж вам невесело, господа хорошие?

В кратком послесловии сообщаю, что та женщина со склада сама привезла Николаю несколько крестовин, полюбила литературу, выпрашивала мой адрес. Николай выстоял, семья моя сохранилась.

Вот такие воспоминания из времён, когда картошка стоила десять копеек, а в школе детишек учили любить Родину.

Эмма МЕНЬШИКОВА

ЛИШЬ РЯБИНЕ ГОРЕТЬ И ГОРЕТЬ...

* * *

Молюсь и плачу, плачу и молюсь,
Когда вдруг нападает эта грусть
На сердце, у которой нет причины,
А просто пролетел косяк грачиный,
А просто март, и небо невпрогляд,
И деревья как в трауре стоят —
Все в чёрном. И тоска такая гложет,
Что если б не молитва — свет мой Боже...

КУКУШКА

А кукушка щедрая такая!
Куковала вечер и всю ночь,
И не спрашивая, не гадая,
Я поверить ей была не прочь.

Вот рассвет занялся сизой дымкой,
Стаяла последняя звезда.
А кукушка птицей-невидимкой
Прочит мне всё новые года.

Ей ведь это ничего не стоит,
Вольной птахой на земле живёт,
Деток не растит, гнезда не строит —
И кукует лето напролёт.

Ей ведь ничего уже не жалко,
Посулит и вечность впереди.

А сама унылой приживалкой
У чужих гнездовий просидит...

Там её птенцам другие птицы
Носят корм, щебечут о своём.
А кукушка плачет — и таится,
Чтобы слёз не видели её...

ПОЭТ И РЕКА

Река в судьбе поэта не случайна,
Она и исповедь его, она и тайна,
И воля, и стремнина, и побег
Туда, где счастья не было вовек...

Есенина «мамка» — Ока:
Красива, мощна, широка.
Могучею властью и силой
В нём душу поэта взрастила.

Ахматова — это Нева,
Одетая в камень вдова.
Темна, непроглядна, сурова,
Несёт онемелое слово.

А Пушкину — Сороть верна,
Срывался он к ней — из окна!
И с речкою этой повенчан,
Как с первой любовью — навечно.

Ах, слишком покорна, тиха
Для нрава его и стиха?
Но был же поэт очарован
И тихой красой Гончаровой.

Проходят века и века —
Одна у поэта река.
Одна и любовь, что достойна
Судьбы, а не славы салонной...

Одна у поэта река.
И полнится ею строка
Так чисто, легко и свободно,
Как воле Господней угодно...

* * *

А по улице осень прошлась...
Хороша, ничего не попишешь —
В рыжей шапке, багряный атлас
На плечах её розово-пышных.

Юбки влёт, и в оборках листвы
Так легка она, словно танцует.
И не слышит досужей молвы
И укоров, оброненных всеу:

Мол, дожди проливные грядут
И пора собирать ей пожитки...
Но она не боится простуд,
В золотой щеголяет накидке,

Не торопится с шеи срывать
Бус рябиновых рдяные нити:
Будет время ещё... Вдругорядь
И поплачет она, и поникнет,

Всё известно, что сбудется впредь:
День-другой — и угаснет навеки.
Лишь рябине гореть и гореть
Ожерельем забытым на ветке.

* * *

Над Землёй встает невзрачный серенький рассвет.
Ничего особенного в нём как будто нет.
Но на самом деле это чудо из чудес —
Выплывает словно птица новый день с небес...

Сколько было их, рассветов, ярких и шальных,
А сегодня и не вспомню ни один из них...
Но однажды на рассвете встану — и пойму:
Ведь всего-то надо, чтобы свет рассеял тьму.

ИНОСТРАНКА

Когда я слышу голоса упрёков,
Когда мой паспорт ставят мне в вину,
Спросить хочу без всяких экивоков:
Где были вы — в гражданскую войну?

Ту самую, в начале девяностых,
Когда страну разбили в пух и прах,
Когда стояли русские — форпостом
На крайних оголённых рубежах?

Где были вы, когда нам подписали
«Гаранты» эмигрантский приговор —
И столько всем свободы навязали,
Что расхлебать не можем до сих пор?

Когда мы оказались поневоле
Меж молотом и наковальней, вы
Хоть бедовали, но — в своём ополье,
В своих домах, в большом кольце Москвы.

А мы тогда ходили в оккупантах —
За всех, кто жизнь за этот край отдал,
Кто лёг костями в чужой земле когда-то
И сам с годами той землёю стал...

За всех, кто строил, кто сажал аллеи,
Кто защищал страну в её войсках,
Нас, новых «оккупантов», гнали в шею,
Лишали крова, веры, языка.

И где вы были, нынешние судьи,
Когда мы возвращались не домой,
А с ярлыками беженцев, в распутье
Застрявших между небом и землей,

Когда нас принимали как безродных:
Оборвана, мол, между нами связь?..
Но словно птицы, милостью Господней
Мы путь и дом свой знали отродясь.

Как птицы, что летят под облаками,
Послушные лишь сердцу своему,
Так мы не думали, что будет с нами,
Внимая тоже сердцу одному.

Но мы домой летели, без возврата,
Терпели смуту, скудное бытё:
Россия ведь ни в чём не виновата,
Так что ж неймётся сыновьям её?

Которые клеймят меня позором,
Шенгенской визой тычут мне в глаза?
Где были вы, когда нас всех забором
Разгородили новые князья?

Когда одни попали за границу,
Не выходя за собственный порог,
Другим ума достало затаиться —
И каждый выживал тогда, как мог.

А я рвалась в Россию безоглядно,
Где мой язык, где даль и даль вокруг,
Где вечера тихи и благодатны,
И слышно, как звенит цветущий луг..

И от Руси святой не отрекалась
Я никогда, свою судьбу приняв.
И научалась жить, молясь и каясь,
В избе столетней дух её впитав.

Ходила по воду, топила печи,
По-бабьи повязав линялый плат..
Где были вы, чьи нынешние речи
Мне режут слух и сердце холодят?

Ведь главное, что я была — в России,
И к матери могла, презрев молву,
Сорваться вмиг, когда она просила:
«Ты приезжай, а то не доживу...»

ДУХ ЕДИН

Во мне две крови, два земных начала,
Но дух един — и верой во Христа
Я в сердце всё сплела и всё связала,
Смиренно перед Господом представ.

Я дочь Его — и не ищу отныне
Иных начал, ведь есть закон простой:
И кровь, и сердце, и душа едины —
Как Бог Отец и Сын и Дух святой.

И ЧТО?..

И что с того, и что с того?..
Не знаю даже:
Построил дом, обжил его,
А дальше? Дальше?

А дальше — выйдешь за порог,
Не зная даже,
Что всё, что сделал, что не смог,
Уже не важно.

* * *

Чтобы ни слова ни о ком дурного,
Чтобы ни взгляда, ранящего вскользь, —
Даю зарок перед постом я снова,
И вновь потом печалуюсь до слёз,

Что осудила, не сдержала гнева,
Что злость-змея мне зашипела слух,
Что день-деньской на поводу у нервов
Металась и терзала скорбный дух.

Но не в зароке дело, а в восторге!
Чтоб сердцем необъятное объять...
Любовь — её же неоткуда брать,
Пока она не снизойдёт от Бога —
И потому зовётся благодать...

* * *

Я о разлуке, ты о встрече,
Я о Земле, где мы в гостях.
Ты мне о том, что будут вечно
Душа с душою в Небесах.

А мы ведь — об одном и том же,
Но что свершается уже:
И встреча, и разлука, Боже,
Сначала здесь даны душе!

Как послушание земное,
Она творит тепло и свет...

И встреча давнею весною
Всё длится, длится много лет,

Взаимным светом осиянна —
Твоей души, моей души...
Как странно, пишешь ты, как странно...
А свет в душе не потушить...

МАРТ

Позвонила дочь, сказала:
«Посмотри, какое утро!
За окном всё засияло,
Снег — из вечности как будто...»

Сердце вздрогнуло от счастья,
Мир и вправду стал светлее.
Снег — конечно, снег! — отчасти
Это счастье мне наваял.

Он кружился белой стаей,
Хороводился неспешно.
И на сердце таял, таял,
Затихая песней вешней.

Но светло и сокровенно
Сердце счастьем осеняет
То, что дочь — поэт наверно,
Просто этого не знает...

«ЗИМНЯЯ ВИШНЯ»

Весне и надо было не успеть —
Чтоб чёрный снег, и сумрак, и морозы...
С которыми теперь уже и впредь
В России будут рифмоваться слёзы...

И надо было стылým тополям
Стоять вдоль улиц в скорбном карауле,
И птицам по чужим порхать полям,
Пока мы всех детей не помянули...

И надо было солнцу не сиять,
Не освещать земное злодеянье.

Весне и надо было опоздать,
Чтоб ни надежды нам, ни оправдания...

И надо было в небе тучам плыть,
Чернеть садам во сне, печали полным...
Нам зимней вишни горечь пить и пить,
Пока мы живы и пока мы помним...

* * *

В Великий пост колокола — и те
Звонят с великой скорбью о Христе,

К душе взывая — и болит она,
Огнём страстей земных опалена...

А весть благую разнесут окрест
Колокола, звоня «Христос воскрес!»,

И, как живой омытая водой,
Душа опять становится святой...

* * *

Днём ни зимы, ни лета, всё — работа.
А ночью — тишь кругом да благодать...
И кажется, что нет иной заботы,
Особенно в преддверии субботы,
Как до утра к окошку подбегать,

И ждать рассвета — как он тихо брезжит,
Струясь несмело с неземных высот...
Как звёздочки мерцают реже, реже,
Теряясь в мироздании безбрежном,
И проясняется туманный небосвод...

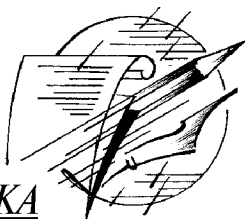
А вдруг моё стоянье что-то значит?
И побеждает свет в борьбе со мглой,
Когда хоть кто-нибудь, в окне маяча,
Отчаянно ждёт света, а иначе
И солнце не восходит над Землёй...

г. Липецк

ТРАНСГУМАНИЗМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

То, что происходит сегодня с нашим обществом, можно понять только в свете тех глубоких изменений, которые стали следствием новой промышленной революции. Проявляется она в массовой роботизации, автоматизации производства, всеобщей компьютеризации и внедрении нано-, био-, информационных и когнитивных конвергентных технологий (НБИК-технологий), меняющих характер и организацию не только производственного процесса, обмена, потребления, систему управления и коммуникации, но, самое главное, — самого человека, его сознание и природу. Трансформация эта настолько серьёзна, что для обеспечения эффективного внедрения новых технологий необходим тотальный пересмотр самой концепции человеческой личности, что сегодня и осуществляется невероятно быстрыми темпами и влечёт за собой изменение системы ценностей, социальной и культурной среды, включая образование, науку и искусство. Речь идёт о переводе человечества на трансгуманистическое мировоззрение.

Трансгуманизм стал новейшей формой эволюционизма, который рассмат-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ривает эволюцию как преодоление самой человеческой природы и переход в качественно новое состояние. Понятие «трансчеловек» было описано впервые футурологом Ф.М. Эсфендиари (взявшим псевдоним FM-2030), исходившим из ницшеанского понимания человека как промежуточного звена в эволюции от обезьяны к человеку. Трансгуманист был определён им как «переходный человек», существо, эволюционирующее в «постчеловека» — «потомка человека, модифицированного до такой степени, что уже не является человеком».

В качестве главных признаков его Эсфендиари выделил улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределённая индивидуальность, то есть распределение его сознания и личности в нескольких телах — биологическом и технологическом. Трансгуманистом стали считать того, кто готовится стать постчеловеком, а средством достижения этого и стала конвергенция НБИКС-технологий.

В 1998 г. последователи этого учения во главе с Ником Бостромом (специалистом по вопросам клонирования, искусственного интеллекта, нанотехнологий, крионики и пр.) и Дэвидом Пирсом основали Всемирную трансгуманистическую ассоциацию (ВТА), целью которой было добиться признания трансгуманизма широкой научной общественностью и правительственными структурами. В том же году она приняла *Трансгуманистическую декларацию*, в которой говорилось не только о том, что передовые технологии радикально изменяют людей (преодолеют старение, ограниченность естественного интеллекта и пр.), но и о необходимости отстаивать моральное право тех, кто собирается использовать эти технологии для экспериментов. Эта претензия на ничем не ограниченную «рукотворную эволюцию» была усилена следующим положением, содержащимся в п.7: «...трансгуманизм защищает право на достойную жизнь всех существ с чувственным восприятием, будь то искусственные интеллекты, люди, пост-люди или нечеловеческие животные».

То есть человек рассматривается как экспериментальный объект, как биологический материал для применения новых технологий. Использование его не должно быть ограничено какими-либо соображениями нравственного порядка, а определяется только правами экспериментатора, вписывающимися в концепцию «прав человека». Эти права находят выражение в законах биоэтики, которые крайне конъюнктурны и меняются в зависимости от потребностей заказчика.

Таким образом, трансгуманизм изначально заявил о себе как об антихристианском мировоззрении, но, вместе с тем,

он означает и самоуничтожение самого гуманизма, поскольку провозглашает в качестве «права человека» преодоление или упразднение самого человека.

Сегодня трансгуманизм включает следующие направления: «человек фармацевтический», то есть с изменённой формой сознания; «человек генно-модифицированный», получаемый в результате генной инженерии и использования ГМО; «человек бионический» (с одной стороны, роботизация самого человека, то есть внедрение в тело и в мозг искусственных имплантатов или чипов, в результате чего получают люди-киборги, а с другой стороны — создание человекоподобных роботов-андроидов); наконец, «человек бессмертный», за которого ратует «научный иммортализм». Достижение бессмертия, предполагает два метода: первый предусматривает применение биотехнологий — стволовые клетки, клонирование, крионику и пр.; второй — использование информационных и нанотехнологий в целях так называемой «загрузки сознания», при которой происходит полное копирование человеческого мозга на компьютере для создания запасных копий человека.

Ник Бостром откровенно заключает: «Трансгуманизм — это нечто большее, чем простая абстрактная вера в то, что мы находимся в процессе перехода наших биологических границ с помощью технологий. Это также попытка переоценить полностью определение человеческого существа так, как его обычно представляют... Технологии помогут нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим».

Сверхзадачей трансгуманизма является создание искусственного интеллекта или «сверхразума», который должен настолько превзойти человеческий мозг, что это нанесёт серьёзный удар по любому антропоцентрическому мировоззрению. В результате, по их утверждениям, «человеческий вид уже не будет рассматриваться как самая разумная форма жизни на земле». Тот момент, когда технологии превысят возможности человеческого мозга, трансгуманисты называют «сингулярностью», и именно её они рассматривают как точку отсчёта нового мирового порядка, в котором ход событий должен определяться уже «сверхразумными» системами.

Но поскольку создание сверхразума станет последним изобретением, которое людям потребуются сделать, и эти сверхразумы будут заниматься научно-техническим прогрессом гораздо эффективнее людей, это ставит вопрос о цели и смысле самой науки. Науке уже будут не нужны носители научного знания, которые станут для неё обузой и препятствием.

В рисуемых трансгуманистами апокалиптических образах новой реальности «сверхразум» предстаёт в качестве высшего начала, в то время как человеку отводится самая жалкая роль в силу иррационального презрения к человеческой природе как таковой. Так, кибернетик Кевин Варвик заявляет: «Те, кто решит остаться человеком и откажется улучшаться, будут иметь серьёзные проблемы. Они станут подвидом и будут представлять собой шимпанзе будущего».

А уже упомянутый Ханс Моравек на вопрос о том, все ли люди смогут имплантировать себе компьютеры вместо мозга, ответил: «Не важно, что делают люди, они будут отброшены, как вторая ступень ракеты... Судьба людей не будет представлять никакого интереса для сверхразумных роботов будущего. Людей будут рассматривать как неудавшийся эксперимент».

Это уже стратегия, утверждающая два разряда людей: избранные меньшинство и остальное человечество, определяемое как «человеческий ресурс», как «служебный человек», «человек одной кнопки» или просто как «биологический объект», оказывается лишённым государственной помощи вследствие полного демонтажа «социального государства» и превращается в послушную биомассу и подвергается резкому сокращению.

Правящие элиты открыто взяли курс на создание в мировом масштабе общества двух каст: касты избранных и касты прислуги. И проекты «научного трансгуманизма», основывающиеся на внедрении НБИКС-конвергентных технологий, определяют сегодня стратегическое направление научно-технических исследований, которое проводят и государственные структуры, и крупнейшие корпорации. В них заняты биологи, физики, неврологи, экономисты, когнитологи, компьютерные специалисты, философы, социологи, научные фантасты, специалисты по военной стратегии, политики, законодатели и многие другие.

То, что речь идёт именно о стратегических целях, откровенно рассказал один из ведущих разработчиков НБИКС-технологий и искусственного интеллекта директор Курчатовского института М.Ковальчук, выступая в Совете Федерации в сентябре 2015 года. Говоря о том, что мировая элита всегда стремилась поставить себе на службу остальную мир и меняла в течение веков методы эксплуатации, он заявил: «Сегодня возникла реальная технологическая возможность в процессе эволюции человека. И цель — создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* — служебного человека... Свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное са-

мосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь — управление размножением, и третья вещь — дешевый корм, это генно-модифицированные продукты. И это тоже уже всё готово. Значит, фактически, сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей». Однако сказано это было Ковальчуком не для того, чтобы предупредить об опасности, но чтобы представить это как некую неизбежность, и вывод его был соответствующим: «И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять».

Но мы должны ясно понимать, что реализуемая трансгуманистическая стратегия носит античеловечный характер и её невозможно гуманизировать. Ей можно противопоставить только такую стратегию, которая исходит из необходимости формирования и сохранения человека как духовно богатой, высоконравственной, образованной и творческой личности.

Между тем именно эти трансгуманистические идеи лежат в основе той программы создания цифрового общества, которая сегодня реализуется во всех странах мира. Цифровой экономикой «заболели» и российские верхи, что особенно ярко проявилось в последние два года.

В реальности, цифровизация идёт уже давно, но именно летом 2017 г. она превратилась в главный лозунг дня, призванный мобилизовать российское чиновничество на обслуживание интересов и продвижение проектов международного IT-бизнеса. Надо отметить, что хотя сам термин «цифровая экономика» был придуман более 20 лет назад, внятного определения её в России, как и в других странах, никто до сих пор не дал. Но некоторые эксперты предложили широкую трактовку, назвав цифровую экономику «новой парадигмой экономического развития».

«Заболевание» это произошло в связи с подготовкой к предвыборной президентской кампании, когда властям срочно понадобилась очередная национальная идея, которая смогла бы скрыть истинное состояние общества и вместе с тем заглушить память о советском прошлом, трезвая оценка которого требовалась в связи со 100-летием революции. И показательно, что ознаменовать это событие власти решили, представив трансгуманистическую программу неотроцкистского толка, направленную на окончательный разгром традиционных опор общества и создание системы тотального электронного контроля.

Так что неслучайно, когда шла работа над программой цифровой экономики, срок её реализации был изменён с 2025 г. (как стояло вначале) на 2024-й — год окончания очередного президентского срока. Цифровизация предоставила возможность скрыть отсутствие программы восстановления экономики страны и стала, как написал один из аналитиков, «ещё одним поводом для российских элит взбаламутить в предвыборный период привычный ход дел, выяснив и упрочив свои позиции в борьбе за влияние на президента».

Решающим фактором продвижения цифровой экономики стала установка Всемирного банка (ВБ), который на протяжении нескольких лет ведёт в России, как и в других странах, работу по внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах деятельности. В январе 2016 г. ВБ опубликовал доклад «Цифровые дивиденды», в котором было указано, что необходимо изменить нормативно-правовую базу и правила ведения бизнеса так, чтобы они облегчили его выход на рынок; трансформировать систему образования и профессионального обучения, чтобы они формировали навыки, соответствующие требованиям новой экономики; обеспечить подотчётность институтов (правительства), использующих интернет для предоставления услуг. То есть стратегия цифрового развития должна быть гораздо шире стратегии развития ИКТ.

В апреле 2016 г. Всемирный банк совместно с Аналитическим центром при правительстве РФ и Институтом развития информационного общества (ИРИО) подготовили доклад «Цифровое правительство: перспективы для России», а в середине ноября 2016 г. на международном конгрессе Smart Russia 2016 было объявлено об инициативе ВБ по подготовке этого документа. Минкомсвязи совместно с Минэкономразвития, МИДом, Минфином, Минпромторгом, Минобрнауки и Открытым правительством с участием Экспертного совета при правительстве РФ и Аналитическим центром в срок до 11 мая 2017 г. должны были разработать и утвердить программу формирования в России цифровой экономики и её интеграции в пространство цифровой экономики государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Это было определено как первоочередная задача.

Начало реализации инициативы ВБ «Цифровая экономика: перспективы для России» было положено после встречи, организованной 21 декабря прошлого года Аналитическим центром при правительстве РФ при участии Минкомсвязи в московском представительстве ВБ. Для этого были собраны сотрудники ВБ, ведущие международные эксперты и пред-

ставители российских партнёрских организаций, которые по итогам семинаров, международных видеоконференций и консультаций подготовили свои рекомендации. Они основывались на результатах обсуждений и опыта развития цифровой экономики в Англии, США, Южной Корее, Сингапуре, Австралии, Эстонии, ФРГ, Китае, Индии, Израиле и других странах.

Однако в итоге лидирующая роль перешла к Агентству стратегических инициатив (АСИ), главному разработчику форсайт-проектов, поддержанному администрацией президента. Именно на ресурс Агентства опирались помощники президента А. Белоусов и И. Шеголев, которые стали сопредседателями рабочей группы Экономического совета при президенте по направлению «Цифровая экономика», созданной распоряжением В. Путина в апреле 2017 г. В группу вошёл и один из авторов известного форсайт-проекта «Образование 2030», руководитель направления «Молодые профессионалы» АСИ Д. Песков.

Программа развития цифровой экономики была рассмотрена 5 июля на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам в Ново-Огарёво. К базовым направлениям её были отнесены нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. А в качестве одной из ключевых целей — *«создание экосистемы цифровой экономики РФ, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан»* и *«устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологичных бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках»*.

Расшифровал эти цели в своём выступлении на заседании всё тот же Д. Песков, подчеркнувший, что, поскольку темп изменений очень большой, не стоит создавать цифровой госплан. Государство должно создать только среду и критические условия, то есть промышленную площадку, а то, что там будет построено, должен определять бизнес, а не государство. Ну а в качестве двух критических факторов он выделил нормативное регулирование и кадры — всё в соответствии с программой Всемирного банка.

Что касается первого, то, поскольку действующая система регуляторики (то есть законодательство) запрещает им (форсайтерам) делать всё, что они собираются сделать в цифровой экономике, им нужно спроектировать в рамках этой программы ситуацию, при которой у них «есть запрет на слово «запрет», за исключением, конечно, Уголовного кодекса». При этом Песков нашёл хорошее обоснование для требуемой свободы бизнеса, заявив: «Если мы будем пытаться всё зарегулировать, мы воспитаем передовую нацию криптоанархистов. Они будут прекрасно соревноваться с нашими органами по обходу соответствующих норм. Мы, конечно, выполним задачу по всеобщей грамотности, но это, наверное, будет немножко не та грамотность, которая нам нужна». Кому это «нам», он не разъяснил.

Коснувшись второго вопроса, Песков фактически повторил известные слова И. Юргенса о том, что перестройке мешает русский народ. Он заявил, что «люди — действительно, это ключевое ограничение программы», и чтобы его преодолеть, необходима всеобщая цифровая грамотность, введение цифрового ГТО, учёт результатов по информатике в рамках ЕГЭ, модернизированный урок технологий, «который должен регулироваться отдельным образом, быстро впитывая в себя лучшие мировые практики, их прямую трансляцию прямо в урок».

Программа в итоге была одобрена, но главное, президент РФ указал, что «цифровая экономика — это не отдельная отрасль, а, по сути, это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества». То есть было признано, что речь идёт не об экономике, а о тотальной трансформации всего общества и его уклада.

В реальности это означает, что в нашем обществе пытаются утвердить двуединый процесс: **человека превращают в цифру, а робота превращают в человека.**

Что касается первого, то это хорошо и яркими красками описал Герман Греф, в своём выступлении в Балтийском федеральном университете им. И. Канта в конце июля 2017 г. Суть сказанного им заключается в следующем.

Информационная эра в 2015 г. сменилась цифровой. Переворот произошёл после появления технологии *bigdata*, которая позволила использовать фактически неограниченное количество сырых, необработанных данных и которой в России занимается Яндекс (Греф является членом совета директоров этой компании. — О.Ч.). Мы будем всё больше и больше использовать разного рода приборы, оставлять цифро-

вые следы, по которым нас совсем несложно найти и сделать далеко идущие выводы. Постепенно вы, как реальный человек, будете интересовать мир всё меньше и меньше, а значение вашего цифрового аватара станет неуклонно повышаться. Всех будет интересовать ваша цифровая копия, которая хранится на облаках, а не вы. При этом все мы будем абсолютно прозрачны для цифрового мира, практически ничего не удастся скрыть. «Далеко не все готовы смириться с таким положением дел, но это ключевой тренд на ближайшие годы». Даже если вы захотите оставить что-то в тайне, с помощью специальных аналитических систем это можно будет сделать явным.

Появляются принципиально новые бизнес-модели, которые можно назвать экономикой экосистем. В центре её находится клиент, вокруг которого располагаются производители товаров и услуг, желающие до него дотянуться. Все бьются за последнюю милю к клиенту, которая является самой дорогой. Начинается конкуренция за то, чтобы стать дирижёром экосистемы и иметь доступ к клиенту. То есть чтобы стать платформенной компанией, обладающей высокой технологией и компетенцией по анализу потребностей клиента, платформа должна находиться «в облаке», что позволит ей мгновенно обрабатывать информацию.

Греф приводит следующий пример контроля: *«Ещё пять-семь лет назад, когда вы, будучи клиентом нашего банка, проводили своей картой по терминалу, мы осуществляли, по сути, лишь две операции — идентифицировали вас и определяли остаток на счёте. Сегодня же мы мгновенно получаем информацию о том, где вы находитесь и что покупаете... Если, например, вы, житель Калининграда, покупаете что-то в Южной Африке, и у нас нет никаких данных о том, что вы туда поехали, операция может быть остановлена. Данные анализирует машина, но решение на последней стадии принимает всё же человек. Оператор позвонит вам и поинтересуется, действительно вы ли совершили эту покупку. Но как бы то ни было, анализ ситуации происходит за секунды, и это возможно только при наличии платформы на облаке».*

«Ситуация складывается таким образом, что вы не можете делать бизнес, если вы не обладаете цифровой платформой. И ваша ключевая компетенция уже не в той сфере, где вы работаете, а в совершенствовании цифровой платформы. Все ваши процессы будут «сидеть» в цифре. Соответственно, вам нужно иметь возможность изменять все параметры вашего бизнеса, изменяя вашу платформу».

Самый горячий тренд последнего времени — это искусственный интеллект. Его развитие уже сейчас приводит к тому,

что ряд профессий начинает отмирать. Пример — увольнение 450 юристов Сбербанка, которые готовили иски и которых заменила нейронная сеть. Искусственный интеллект не оставит места и банкам, изменится и сельское хозяйство, которое будет производить искусственные продукты питания.

Те же идеи Греф изложил ещё ранее в своём выступлении в Ельцин-центре, в котором подчеркнул, что если раньше главным активом считали людей, то сегодня им является искусственный интеллект, который «даёт намного больше стабильности и независимости» (только Греф не уточнил, кому именно он это даёт). Поэтому профессии будущего связаны с взаимодействием человека и робота. Но искусственный интеллект неотделим от транспарентности. Заявив, что она нас сильно ограничивает, что мы не чувствуем себя свободными, когда за нами наблюдают тысячи камер и анализируется каждый наш шаг, Греф вместе с тем заключил: «Это не хороший и не плохой мир — он просто другой. Закрыватья от этого нельзя. Спрятаться в сегодняшнем мире невозможно. - Нужно встраиваться в него». Фактически он повторил мысль М.Ковальчука: «Мы должны найти своё место в этой цивилизации».

Таким образом Греф ясно описал будущее России, которое, по сути, представляет собой картину типичной оруэлловской антиутопии. Но именно это нам предлагают сегодня в качестве национальной идеи и официальной программы развития.

Что же касается «очеловечивания» роботов, то тут Россию хотят превратить в лидера.

Ещё 15 февраля 2017 года председатель Госдумы РФ В.Володин подписал распоряжение о создании Совета по законодательному обеспечению развития цифровой экономики при председателе Государственной думы. А на следующий день он встретился с главой робототехнической компании GrishinRobotics Д.Гришиным, с которым обсудил вопрос о выработке законопроектов, регулирующих взаимоотношения робота и человека. При этом Гришин отметил, что Россия может стать первой страной в мире, где будет разработан такой закон, подчеркнув: «Сейчас эта отрасль находится в самом начале развития, и если мы не упустим момент, то можем стать привлекательной страной для инвестиций в этом секторе».

25 сентября Володин провёл выездное расширенное заседание-семинар указанного Совета в корпоративном университете Сбербанка. Место это было выбрано не случайно, так как именно экспертам Сбербанка было поручено «просве-

тить» депутатов, организовав цифровой ликбез, а точнее, проведя их психологическую обработку с целью заставить принять в качестве безальтернативного социально разрушительный проект и мобилизовать на ускоренную трансформацию законодательства, которое устранил все препятствия на пути широкого внедрения искусственного интеллекта.

С одной стороны, их предупредили, что надо готовиться к тому, что грядущая роботизация приведёт к исчезновению многих профессий и росту безработицы (одних только охранников, которых заменят автоматизированные системы, насчитывается 1,5 млн. человек), с другой стороны, им заявили, что Россия должна стать в авангарде при развитии искусственного интеллекта.

В связи с этим главной темой и стала проблема правового регулирования вопросов отношений человека и робота, которые В. Володин назвал вопросами «нашего приоритета». В качестве примера была приведена Южная Корея, где в 2008 г. был принят «Закон о содействии развитию и распространению умных роботов», а с 2007 г. разрабатывается Этический устав роботов. Но если в Южной Корее показатель плотности роботизации в промышленности составляет 531 робот на 10 тысяч работников, то в России сегодня на 10 тысяч человек приходится только два робота (в основном промышленные). В России роботы не настолько распространены, чтобы для них создавалось отдельное регулирование, то есть, как указывают некоторые юристы, предложение концепции опережает технологическое развитие. Тем более что Гражданский кодекс и сейчас может применяться к роботам, как к имуществу, а суды могут признавать роботов источниками повышенной опасности. Совершенно очевидно, что дело тут в другом, и что урегулирование преследует иные цели.

Сейчас над таким урегулированием работают и в ЕС. В феврале 2017 г. Европарламент принял резолюцию «Нормы гражданского права о робототехнике», обращённую к Еврокомиссии, которая, возможно, в ближайшее время примет уже и закон. Самым же обсуждаемым стало положение резолюции, касающееся вопроса «о наделении в перспективе роботов особым правовым статусом». Здесь говорится, что «по меньшей мере, наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как *электронные лица* и нести ответственность за причинённый ими ущерб в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами».

Нашлись юристы, которые посчитали такие планы слишком преждевременными. А исследовательница Н. Невеянс из

Центра изучения права, этики и процедур (Университет Артуа), назвав идею «бесполезной и неуместной», отметила, что сторонники электронной личности воспринимают роботов как человеческих двойников, но придавать им особый статус — *«значит размывать границы между человеком и машиной, между живым и мёртвым, человеческим и нечеловеческим»*. Именно так, поскольку «электронное лицо» получит определённые права, что уравнивает его с человеком.

Однако всё идёт именно к этому и является следствием коренного изменения отношения к самой человеческой личности. Человека превращают в киборга и начинают рассматривать как некий биологический объект, а робота превращают в андроида и приравнивают к человеку. Напомним, что как раз это было предусмотрено в цитированной нами Трансгуманистической декларации 1998 г., указавшей, что трансгуманизм *«защищает право на достойную жизнь всех существ с чувственным восприятием, о каком бы мозге ни шла речь — человеческом, искусственном, пост-человеческом или животном»*. И двадцати лет не прошло, как эти евгенические идеи стали пытаться превратить в закреплённые законом нормы.

Более того, не дожидаясь правового урегулирования, цифровики создали прецедент, добившись предоставления подданства Саудовской Аравии разрекламированному роботу-андроиду «София», прославившемуся тем, что в одном из интервью он ответил утвердительно на вопрос, хочет ли он убивать людей.

В том же трансгуманистическом русле мыслится законодательство о роботах и в России. И самое интересное, что концепция закона уже готова, и разработал её тот самый Д.Гришин, глава совета директоров Mail.RuGroup и робототехнической компании, с которым В.Володин встречался на следующий день после создания Совета по законодательному обеспечению развития цифровой экономики. И здесь очень показательно, что разрабатывать такой документ получает право непосредственно заинтересованное лицо, занимающееся робототехникой и, естественно, создающее законодательство под себя. В случае, если эту концепцию превратят в закон, Россия станет первым в мире государством, в котором отношения с роботами будут урегулированы на законодательном уровне (в Южной Корее речь идёт о том, как развивать робототехнику).

Поскольку страна должна знать своих «героев», хотелось бы кратко остановиться на личности автора концепции. Выпускник МВТУ им. Баумана Д.Гришин в 1998 г. начал удалённую работу в американской компании AxiomInt в долж-

ности инженера-разработчика, затем стал старшим инженером и IT-консультантом. В 2000 г. он приходит в компанию Mail.ru, затем становится техническим, а в 2003 г. — генеральным директором Mail.Ru. В 2010 году он возглавил холдинг, в котором были объединены Mail.ru и активы DigitalSky Technologies, сменил Ю.Мильнера на посту главы совета директоров и в том же году основал венчурный фонд Grishin Robotics, специализирующийся на инвестициях в робототехнику. За полгода работы он проинвестировал две компании и стал соорганизатором первого специализированного инкубатора, посвященного робототехнике.

Это известные факты, но вот что сообщил Д.Гришин в беседе с основателем компаний Gameland, Hacker.ru и Mybiz.ru Дмитрием Агаруновым. Во время своего обучения в Стэнфордском университете он вступил в Организацию молодых президентов (YPO), в которую ему активно рекомендовали вступить его коллеги, утверждая, что можно сильно расширить свой кругозор. И действительно, после вступления в YPO у Д.Гришина появился «новый взгляд на бизнес и на человеческие отношения».

Что же представляет собой YPO? Эта крупнейшая глобальная организация, основанная в 1950 г. в Нью-Йорке молодым американским бизнесменом Реем Хикоком для объединения в мировую сеть руководителей и владельцев крайне доходных крупных компаний, не достигших 45 лет, а также их семей в целях «создания уникальных возможностей развития и непрерывного роста». Сегодня в неё входят 24 тыс. предпринимателей из 130 стран, включая Россию, а совокупный доход компаний, которые представляют члены организации и в которых работают около 15 млн. человек, оценивается в 6 трлн. долл. ежегодно. Главной своей задачей YPO называет совершенствование навыков управления через непрерывное обучение и обмен идеями. Это так, поскольку формирование глобальной сети успешных молодых управленцев предоставляет участникам уникальные возможности обмена идеями и опытом по актуальным вопросам современности, начиная с геополитики и бизнеса и заканчивая вопросами социальной ответственности и частными интересами. Организация тесно сотрудничает с ведущими образовательными учреждениями, в том числе с Гарвардской школой бизнеса, Стэнфордской школой бизнеса и Школой бизнеса в Лондоне.

Что касается внутреннего устройства YPO, то она состоит из отделений, объединяющих не менее 16 членов со своей структурой лидерства, которые регулярно встречаются в оп-

ределённой географической области. Отделение разрабатывает свой собственный календарь событий, включающий социальные и учебные мероприятия.

В рамках каждого отделения, в свою очередь, действует несколько «форумов» — групп из 8 человек, которые ежемесячно встречаются для обсуждения вопросов — как деловых, так и личных — в беспристрастной и конфиденциальной обстановке. И поскольку эти встречи носят закрытый характер, на них можно рассматривать вопросы, которые не обсуждаются даже с самыми близкими друзьями. Вот что об этом рассказал сам Д. Гришин: «Я абсолютно согласен, это уникальнейший опыт. В двух словах я могу сказать, что это, в принципе, твой личный совет директоров, который собирается раз в месяц и обсуждает абсолютно любые проблемы. И конечно, глубина и уровень отношений внутри твоей группы, твоего форума — это одно из самых ярких ощущений. Ты понимаешь, что у тебя есть люди, с которыми ты можешь поделиться сокровенным и обсудить сложные вопросы, которые до этого мне часто не с кем было обсудить. И это очень здорово».

Вот откуда черпает своё вдохновение человек, подготовивший вместе с неким юристом В. Наумовым документ, призванный определить государственную политику в области искусственного интеллекта.

Проект предусматривает внесение новых положений в Гражданский кодекс и принятие специального федерального закона в области робототехники. В соответствии с ним к роботам применяется не только гражданское законодательство об имуществе, но и законодательство о юридических лицах, которое, якобы, позволит уйти от вопросов о том, можно ли робота рассматривать как личность и одновременно решить ряд практических проблем. Главное новшество заключается в том, что авторы вводят понятие «роботизированный агент» («робот-агент»), под которым признаётся: *«...робот, который по волеизъявлению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Роботизированный агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде».*

Робот должен быть зарегистрирован в едином государственном реестре роботизированных агентов по аналогии с ЕГРЮЛ. Именно тогда он признаётся роботизированным агентом. До момента регистрации действия робота рассмат-

риваются как действия владельца. При этом «под владельцем роботизированного агента следует понимать юридическое лицо, гражданина или иного роботизированного агента (!), которые используют такого роботизированного агента на праве собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, аренды или других законных основаниях».

Тут предусмотрено, что когда ответственность роботизированного агента связана с его правовой природой как имущества, ответственность за его действия несёт его владелец. Но «роботизированные агенты могут действовать от имени собственника и (или) владельца в качестве представителей». Это полномочие «подтверждается записью в информационной системе роботизированного агента, защищённой электронной подписью, признаваемой равнозначной собственноручной подписи в соответствии с законодательством об электронной подписи». Роботизированный агент может признаваться действующим и от своего имени.

При определённых обстоятельствах «роботизированный агент представляет свои интересы в гражданском обороте самостоятельно, в пределах своих конструктивных особенностей и возможностей информационной системы». Он должен быть оснащён функцией экстренного информирования о возникновении правового конфликта, который не может быть разрешён исходя из его конструктивных особенностей. При этом лица, которые вступают с ним в отношения и могут использовать данную функцию, несут ответственность за причинённые убытки в случае её необоснованного использования.

Наконец, даётся понятие: «робот — это устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия без полного контроля со стороны человека по результатам обработки информации, поступающей из внешней среды». Эта формулировка кричит о небезопасности подобных устройств и даёт основание снять любые обвинения с владельца робота в случае ущерба от действия последнего. Особенно цинично оно выглядит в контексте разработки искусственного интеллекта (ИИ), который будет действовать без контроля со стороны человека.

Итак, мы видим, что робот, представляющий собой неодушевлённый предмет, наделяется правами юридического лица, то есть наделяется личностью. Это действительно революционный документ, и не случайно Д. Гришин предупреждал, что урегулирование не должно начинаться с запретов. Содержание документа доказывает, что торопливость цифровиков и их лоббистов обусловлена вовсе не потребностями развития отрасли, а совсем другими соображениями.

Во-первых, при отсутствии реальной роботизации промышленности ставка делается на «передовое» законодательство. Первый в мире закон с революционным содержанием позволит представить Россию в качестве лидера в развитии искусственного интеллекта, которое рассматривается как приоритетное направление.

Во-вторых, этот закон создаст «комфортную» правовую среду для привлечения иностранных компаний. Как объяснил сам Гришин, «хорошее законодательство станет нашим преимуществом. И иностранные команды будут приезжать сюда пусть сначала и не для разработки, но для проведения тех же тестов. Итак, мы сможем сильно продвинуться в этой области». То есть Россию опять превращают в испытательный полигон и площадку для обкатки неких экспериментов. Чужим игрокам открывают путь к российскому рынку, на котором можно предоставлять услуги, собирать данные или иным образом применять роботов, что делает невозможным развитие тех российских технологий, которые не вписываются в трансгуманистический тренд. Таким образом, речь идёт в том числе о лоббировании интересов иностранных государств в условиях полной неготовности РФ к такому вызову.

В настоящее время концепция закона отправлена в ведущие юридические институты страны, и скорее всего наиболее радикальные её формулировки вызовут критику и неприятие, но принципиальные положения будут приняты, учитывая, кем она заказана. Во всяком случае председатель комитета Госдумы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству С. Жигарев уже заявил, что депутаты определяют правовой статус роботов и что данный вопрос уже обсуждается в нижней палате парламента. Он, в частности, отметил, что в настоящий момент сформировалось понимание необходимости придать каждому роботу статус отдельного юридического лица. В зависимости от того, скольким людям он принадлежит, надо учредить новый вид формы собственности, что, в свою очередь, требует создания новой юридической базы. «Мы этим активно занимаемся. Приятно, что и Конституционный суд к этому подключился, с удовольствием выслушаем их мнение. Потому что вопрос очень непростой», — заключил Жигарев.

Призыв к достижению лидерства в развитии искусственного интеллекта положил начало не только дискуссии о законодательном регулировании. Он стал сигналом к широкой пропагандистской кампании, направленной на призна-

ние коренной трансформации общества как безальтернативного варианта. Все участники этой кампании взяли за модель указанную формулу М. Ковальчука, то есть была найдена изощрённая форма убеждения: если мы не создадим искусственный интеллект и не построим цифровое общество, искусственный интеллект уничтожит человечество.

Начало этой кампании было положено президентом В. Путиным 1 сентября 2017 г. в ходе форума «Проектория», проходившего в Ярославле. Выступая во время открытого урока для школьников, президент заявил: «Искусственный интеллект — это будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы... Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира». И дальше он заверил, что если Россия будет лидером в области искусственного интеллекта, она будет делиться этими технологиями со всем миром.

Быть готовым к строительству нового мира призвал и премьер Д. Медведев в своей речи 17 октября прошлого года на форуме «Открытые инновации» в технопарке «Сколково», заявив: «Правительствам во всём мире надо торопиться, пока к власти не пришёл искусственный интеллект, и не поменял нам все органы, и не нажал кнопку delete для того, чтобы обнулить наши мозги... Наша задача, на самом деле, соединить усилия для того, чтобы прыжок человечества в цифровой мир был всё-таки неплохо подготовлен. И я уверен, нам это под силу. Именно потому, что мы понимаем сегодня нашу ответственность».

Открытый переход власть имущих в России к трансгуманистической стратегии развязал руки авторам и режиссёрам самых радикальных проектов, которые строят и создают свою собственную реальность, не считаясь с действительностью. Их чувство безнаказанности за свои слова и поступки объясняется не столько их наглостью, сколько совершенно иным типом логики, свойственным людям с изменённым сознанием. Опасно то, что они присваивают себе функции интеллектуальных вождей, которые, под лозунгом строительства «нового дивного мира», ведут людей по пути саморазрушения. Недаром в одной из своих речей форсайтер Д. Песков говорил о том, что будущее создаётся «путём экспериментов» и что они строят мир, в котором они отказываются от накопленного опыта.

В действительности всё нужное человечеству уже изобретено, и изобретение нового может идти только по пути уничтожения самого человека и замены его инобытийной сущно-

стью, биомеханоидом, киборгом. Это старая мечта гностиков-алхимиков, которые рядятся сегодня в тогу цифровиков-айтишников. Как пишет наш философ В.А. Кутырёв, «сейчас в мире два главных тренда: прогресс (техники) и регресс (человека, его общества). Их взаимообусловленность можно определить как трансгресс». Так что в условиях объявленной человеку войны мы должны провозгласить следующие девизы: «Наше положение безнадежно, значит, надо сделать всё, чтобы его изменить» и «Сопrotивляюсь, следовательно, существую!».

Необходимо дать оценку идейных и нравственных установок трансгуманизма как антигуманистических, а самого трансгуманизма — как крайне опасного для человечества явления, дальнейшее укрепление которого чревато превращением науки и техники в инструмент разрушения личности. Необходимо также определить, что используемые мировыми элитами новейшие технологии воздействия на сознание и природу человека используются для коренной перестройки общества, цели и содержание которой несовместимы с сохранением человеческой цивилизации как таковой.

НЕДЕЛЯ У ТЕПЛОГО МОРЯ

РАССКАЗ

1

Лодка вернулась из Северной Атлантики битая-перебитая, штормом сорвало аварийные буйки, волны разнесли пластиковый козырёк рубки, льдиной погнуло горизонтальные рули — назад плелись не погружаясь. В базе встретили с оркестром, но без поросёнка, поголовье свиней в военном сохрозе сразил вирус. Зато натопили баньку. Счастье обрушилось на исполняющего обязанности командира БЧ-3 Олега Торжкова, когда он блаженствовал на полке. Боцман мичман Варнак, натирая спину Олега шерстяной варежкой, ухмыльнувшись, сказал:

— Что-то у меня, товарищ лейтенант, нос чешется и в паху режет. Прямо удержу нет. К чему бы это?

— Чуйка у тебя, боцман, конечно, острая, но ничего такого не предвидится.

— Не скажи, Олег Михайлович, не скажи... Не я ли тебе предсказал, что жинка от тебя сбежит в Питер, ась? Зуд в носу всегда по одному и тому же поводу.

Боцман Степан Варнак был фигурой значительной и даже загадочной.

ПРОЗА

Распахнулась дверь, выпустив в предбанник сгусток серого пара; вошел старпом Владимир Владимирович Кислов по прозвищу Вован, тощий, с белым, со свечным оттенком, телом. Впечатление усиливало полотенце зеленого цвета. Офицеры тут же прикрылись тазами: сейчас Вован что-нибудь придумает. Но старпом шел целеустремленно, прямо к Торжкову, присел на полку рядом и спросил:

— Олег, свет Михайлович, ты танец с саблями танцевать умеешь?

— Чего, чего?

— А с тазами? Прямо сейчас, в банном зале. Есть повод.

— Владимир Владимирович, вы что, сговорились? У боцмана в паху режет, в носу чешется, намекает на выпивку. Шутка, что ли?

— Нет, не шутка. Готовься проставиться, да капитально! Поводов три. За торпедные стрельбы тебе досрочно присвоенное звание старшего лейтенанта — раз, приказом командиром флота ты назначен командиром боевой части — это два, а в связи с тем, что лодка становится на планово-предупредительный ремонт, ты послезавтра отбываешь в отпуск.

— Ни фига себе!

— Простава сегодня. Ты по-прежнему живешь в однушке командира плавмастерской?

— Так точно.

— Начало торжества в двадцать ноль ноль, собираться по одному, соблюдая конспирацию. А то Кошей засечет. Окна одеялами занавесь на всякий случай. Всё остальное организует Варнак. Выдели ему средства и своих людей, я его швартовой команде не доверяю. А теперь давай танец с тазом.

Олег обернул бедра полотенцем, выплеснул из таза воду и, ритмично ударя ладонью по цинковому дну, семена ногами, прошелся между скамейками, изображая лезгинку. К нему тут же присоединился штурман Гоги Беридзе, кто-то на расческе удачно имитировал зурну. Через минуту танцевала вся баня. А в окно лился осенний свет угасающего дня.

Поляна была накрыта по всем правилам военно-морского искусства. Мероприятие прошло с элементами недоперепития. Торчков проснулся с тяжелой головой, отмокал под душем, когда в дверь позвонили. Чертыхаясь, натянул халат бывшей жены, пошел открывать. На пороге стоял его друг корабельный доктор коротышка Гоша Окунёв.

— Док, выпить нечего, всё подмели. Кто-то даже бутылку подсолнечного масла почал.

— Врёшь. Но я не об этом. По делу. Впустишь?

— Заходи.

— Короче, в связи с твоей грядущей неменяемостью Вован приказал оформить тебе отпускные бумаги, проездные документы и прочее. Забежал к своему флагману, а у того пухляк в дом отдыха, заезд через двенадцать дней. Ялта, южное море, прохладные крымские вина и теплые девочки. Тебе согреться нужно, вон пупок к позвоночнику примерз. Погостишь у матери и в Крым. Как?

— Согласен.

— Заметано. Только этот халат с собой не бери, ты в нем на педика похож.

— Да пошел ты...

— Пойду, если нальешь.

— Да ведь нечего, Гоша, говорю тебе!

— Эх, молодой. Воспитываешь тебя, воспитываешь... Я вчера во время разгара намечающихся бесчинств свистнул на кухне пузырь и спрятал в ванной в тазу с грязным бельем. Даже механик не унюхал.

— Иди ты!

— Во-во, учись, пока я жив.

И верно, в тазу под ванной среди кремовых форменных рубашек лежала бутылка «Столичной».

— Ну ты гигант, Гоша!

— Мне полстакана, не больше, дела. А ты отсиживайся дома, Вован разрешил. Он за командира остался. Кэп в Североморск укатил, у него в госпитале жену прооперировали. На улицу ни-ни, по городку Кошей рыщет, злой аки вепрь.

Кошей — прозвище члена Военного совета флотилии, блюстителя нравственности и сухого закона. Прозвище получил за исключительную тучность. Во всяком случае в рубочный люк дизельной подводной лодки 613-го проекта он не пролезал.

Доктор ушел. Олег накатил полстакана водочки, выпил, и ему стало грустно. Вчера, прибираясь в комнате перед мероприятием, он нашел на туалетном столике письмо Маши полугодовой давности, хотел порвать, но передумал. Маша уехала спешно, не предупредив, забрала часть одежды, бельё, оставив разные женские причиндалы: дорогой маникюрный набор, кремы, пудреницы. Следы поспешного бегства поразили его. Уходил в полигон на торпедные стрельбы женатым офицером, а вернулся холостяком.

Торжков перечитал письмо.

«Милый Олежек, — писала Маша, — я не выдержала испытание тундрой и гарнизонной жизнью. Северное сияние не заменит мне свет фонарей на Невском. Не так я представляла себе жизнь флотского офицера. Я подала на развод, все формальности беру на себя. Твоей карьере развод не повре-

дит: инициатива моя. Я любила тебя, но любовь — вспышка, жизнь погасила ее. Прости, если сможешь. Маша».

Письмо вернуло Олега в те не столь уж далекие времена, когда он, четверокурсник, мичман, был счастлив и жизнь казалась ему прекрасной. Особенно засел в памяти один декабрьский вечер. Чугунное небо, дождь со снегом, черные лужи, предновогодний бал в Доме культуры «Связи». Мичман Торжков взбегаёт по ступенькам, в фойе запах духов, мокрой одежды, из танцевального зала доносится музыка, знакомые лица. Олег знает, что нравится женщинам: высок, строен, форма хорошо подогнана. У него узкое, с упрямым подбородком командирское лицо, он, как большинство боксеров, хорошо танцует, и палаш, прозванный курсантами «сеledкой», ему не помеха. Торжкову редко отказывают. И вдруг взгляд сурового мичмана останавливается на девушке, скромно стоящей у стены. У нее маленькая аккуратная головка, светлые волосы уложены в причёску «бабетта», синие надменные глаза, минимум косметики. На девушке серебристое элегантное платье, явно заграничного происхождения, коричневые туфельки на шпильках, в руке крохотная сумочка. Она из другого мира, райская птичка, случайно залетевшая на огонек. Еще не заиграла музыка, а мичман подходит к щебечущей стайке и, сделав обманный маневр, поворачивается к девушке, она улыбается...

После танца девушка (ее зовут Маша) берет Торжкова за руку и ведет в фойе, он покорно подчиняется, словно прикосновение маленькой ручки красавицы лишило его воли. В фойе опустело. На диванчике скучает комендантский обход.

— Ярмарка невест, — усмехается Маша, — поехали ко мне, мичман.

Вечер запомнился фрагментами. Пестрые блики на полу и стенах от зеркального шара под потолком в танцевальном зале, мелькающие огни за окнами такси, солидный дом на углу Невского и Литейного, беззвучный лифт. Таких квартир Олегу еще не приходилось видеть. Коридор с дубовыми панелями, на паркете шкура ягуара, на стенах оружие туземцев — копья, луки, стрелы, боевые топоры, страшные африканские маски. В гостиной картины, изящная старинная мебель, японский телевизор. В углу — гигантский глобус. Маша нажимает на потаенную кнопку, и глобус превращается в бар.

— Виски, джин, текила?

...Тонкий аромат, исходящий от простыней, разноцветные тени на потолке, приглушенный шепот: «Ты меня только не разорви, милый. Какие у тебя сильные руки».

Это было что-то вроде кратковременного безумия.

Через три месяца они поженились. Маша поставила условие: никакой свадьбы, отметим в ресторане вдвоем, родителей поставим перед фактом и оповестим, когда я окончу институт, а тебя произведут в офицеры. Тогда все ритуалы. В минуты близости она жарко шептала: «Олег, скоро ты станешь лейтенантом флота, но в любви ты рядовой необученный. Ничего, это мы поправим...»

Настроение у Маши менялось каждую минуту: то она мягка, ласкова, а то вдруг отгораживалась от Торжкова ледяным барьером. Избалованная дочь послала в одной из африканских стран, студентка последнего курса Иняза, роскошная квартира, домработница, машина. Об отце говорила с холодной усмешкой:

— Мой папенька коммунист покруче самого Брежнева. Представляешь, так и заявил: «После института поедешь туда, куда распределят. Я и пальцем не пошевелю. Жизнь нужно узнавать с низов». Сам он постигал премудрости жизни с комсомола, рабочий паренек быстро вырос до секретаря райкома комсомола, учеба в МГИМО, перспективный советский дипломат. Ну а мне каково? В институте меня все ненавидят, от декана до уборщицы. Зависть. Четырехкомнатная квартира на Невском, в институт девочка приезжает на «Рено», наряды. А мне надоела серятина, я с родителями по Европе прокатилась: Франция, Англия, Португалия — языки с детства родные. А по отцовской милости меня возьмут и отправят в Вологду училкой. Замужество — единственное спасение. А жена морского офицера, да еще подводника, это серьезно. Извольте выдать свободный диплом. Потому как жена офицера сегодня здесь, а завтра там. Пишите письма!

Теперь в горькие минуты Олег думал, что для Маши брак был скорее фиктивный, чтобы не упекли в глубинку, и Север с его бытовыми сложностями лишь ускорил процесс распада неокрепшей семьи.

2

Коренной москвич Олег Торжков юность прожил в коммуналке на улице Усачева, что на Девичке. Говорят, что в этих местах в двадцатые годы зародился бесхитростный стиль, названный позже социалистическим: похожие друг на друга кирпичные пятиэтажки, ясно, без лифта, туалет в квартирах был, а вот ванной не было — буржуазное излишество. Да и зачем? Рядом Усачевские бани, где рабочий человек мог смыть трудовой пот, а заодно и побаловаться в буфете пивком, тайно разбавленным водочкой.

В домах селили в основном ИТР, но обламывалось и рабочим с фабрики «Каучук», чьи корпуса отливали стеклом наискосок от Усачевского рынка. Бывшим танкистам Мише Торжкову и Косте Орехову, друзьям еще по Холкин-Голу, пристроившимся шоферами на фабрику, выделили жилплощадь в освободившейся трехкомнатной квартире (арестовали инженера — врага народа) с мебелью и даже кухонной утварью. Взяли всю семью ночью, и круги по воде. Пока у Константина и его жены Фроси детей не было, им дали большую комнату с окнами во двор. Анна Торжкова ходила с пузом, судя по величине, ожидался солидный приплод — двойня, их одарили двумя комнатами поменьше. Родился пацаненок. Один. Но великан, черноглазый, со сросшимися у переносицы бровями. Подвыпив, Мишка Торжков добивался у жены: «Сознавайся, курва, от кого понесла? Мишка был белобрыс, кудряв, с голубыми глазами. — Дурень, ты семейный альбом давно смотрел? — Взъерилась жена. — На, гляди, лихоимец!» Домашняя экспертиза установила, что Олег точная копия прадеда Мишки, кубанского казака из станицы Пашковской.

Экипаж сколотился быстро и накрепко — жили одной семьей. В декабре сорок первого года два танкиста, два веселых друга сгорели в танке где-то под Клином. Две вдовы и поднимали паренька. Отца Олег не помнил, у него были мать и тетя Фрося, считай, родная тетка. Нормально, в классе в основном безотцовщина. Паренёк рос крепким, задиристым — первый драчун в школе, и не попади он в секцию бокса при клубе «Крылья Советов» к тренеру Владимиру Михайловичу Тренину, вполне мог пополнить ряды местных блатняжек, которых в ту пору в Хамовниках было немало. За три года тренер сделал из Олега перворазрядника и посоветовал поступить в Высшее военно-морское училище.

...После блеклой, заиндевевшей тундры с черными осколками озер Москва лишь изготовилась к осени, на подлете леса были еще зелены, с редкими желтыми проплешинами, у Внуково потянулись приусадебные участки с домами и домишками. От аэропорта до Усачевки минут сорок на такси. Олега поразило, как изменилась, как постарела мать. Смерть подруги Фроси обрушила ее.

Сидели за обеденным столом, беседовали.

— Слабнуть я стала, Олеженька, — сказала мать. — С памятью что-то делается, очки куда-то положила, полдня найти не могу. Я как тебя родила, сразу на «Каучук» вернулась, на вредное производство. Может, от этого? Страхи появились, всё время кажется, что кто-то на кухне топочет, да отец

твой блазнится, тёмный такой, встанет посреди комнаты и молчит. Плохо одной. Ты далеко, помру, и никто не узнает. Вот я и взяла жиличку, девочку-студентку, внучку моей давней подруги, тож давно на пенсии. Живут в Солнечногорске, свой дом, сад, огород. Близко, а не наездишься. Девочка на доктора поступила учиться, институт на Большой Пироговке, рядом. В общежитии ей плохо, девки-оторвы мужиков водят, а она тихая, домашняя, к городской жизни непривычная.

— Поселила девочку — вот и хорошо. И денег со студентки не бери, неудобно. Где она, кстати?

— К бабуле уехала, та захворала. Девочка — сирота. Отец по пьяни под электричку попал, мать рак съел в одночасье. Каждую субботу уезжает, в воскресенье вертается. И всякий раз с гостинцем. То яблок корзинку привезет, то соленых огурчиков. Не из богатых, душевная...

— Вот и кормитесь одним котлом, а я денег пришлю.

— Да куда они мне, я же пенсию хорошую получаю, а то, что ты шлешь, кладу на книжку. Хорошо бы Леночке в комнату твой письменный столик перенести да лампу наладить. Она допоздна занимается.

— Сделаю, мам. Сантехнику нужно в квартире сменить. До отъезда в Крым у меня десять дней, успею.

— Ты прости, Олежек, а что жена твоя в Ленинград, небось, укатила? Ты ничего о ней не пишешь.

— Нет у меня жены, мама. Развели нас.

— Ну и слава богу, моряку другая жена нужна, надежная. Давай за это по рюмочке и выпьем.

Сосед по лестничной площадке фарцовщик Костя Волынцев экипировал Олега для поездки в Крым, добыл новенький джинсовый костюм, кроссовки и набор маек. «Фирменные вещи, старичок, всё из-за бугра, не грузинская подделка. А кроссовочки! В кроссовках фирмы «Адидас» тебе любая девка... сам понимаешь что».

3

Из Симферополя до Ялты Торжков добирался на такси. В Крыму он никогда не был и теперь с изумлением смотрел на зеленые, с серыми вершинами горы, сизые, до краев заполненные туманом распадки — осенью здесь и не пахло, а когда открывалось море, ровное, голубое, точно намалеванное на фанере, Олег презрительно выпячивал губы. Курортный водоем и на море-то не походил. То ли дело Атлантика, когда вахтенного офицера и сигнальщика привязывают к перископу, чтобы не смыло за борт, и хотя на тебе водолазное белье

и химкомплект, всё равно на верхней вахте промокаешь до трусов и только стакан «шила» приводит тебя в чувство и перестаеть лязгать зубами. Особое умиление вызывали белые лайнеры. Они призраками возникали у горизонта и таяли в слоистой дымке. Олег с усмешкой думал, что судовая команда на лайнере вся в белом, обедает за накрахмаленными скатертями, а вечером ухлестывает за загорелыми дурочками, которые принимают их за настоящих моряков.

В доме отдыха разместили Торжкова на первом этаже в узкой, похожей на вагон комнате с двумя соседями: грузным лысым майором интендантской службы с Каспийской флотилии и сухоньким старичком капитаном первого ранга в отставке из Ленинграда.

— Как насчет горилки, молодой, — спросил майор. Его красное, обожженное солнцем лицо лоснилось.

— Нет, спасибо. В Крыму пить самогон?

— Елки-моталки! Вы, подводники, гидролизный спирт неразбавленным хлещете.

— После верхней вахты, когда промокнешь до костей, куда ни шло.

— Было бы предложено.

Когда майор вышел, старичок — звали его Семен Семенович — тихо сказал:

— Ты, сынок, койку к окну на ночь не ставь. Корпус в ноль часов закрывают на ключ, так этот кобель прилазился в окно лазить. А я сплю плохо, астма мучает. После до утра уснуть не могу.

— Отдраю фрамугу, душно не будет, а окно закрою на шпингалет, пусть не шляется.

— С деликатностью у соседа не очень, будет стучать, ломиться.

— Как говорит наш боцман: будем посмотреть.

После ужина Олег побродил по территории дома отдыха. Где-то неподалеку гремела музыка, цветы олеандра источали сладкий тревожный запах, крупные звезды висели низко, серебристой россыпью проступал Млечный Путь. Вот где раздолье штурманам. Торжков устал за сегодняшний день: перелет, переезды. Нужно было отоспаться. Вернулся в номер. Семен Семенович уже спал, в номере стоял кислотовато-бражный запах, видно, майор основательно заправился перед танцами. Олег не стал зажигать свет и, забыв о предупреждении старика, распахнул окно и сдвинул койку к подоконнику. Проснулся от ощущения, что кто-то шарит по его лицу, от неожиданности вскочил, тень за окном исчезла, слышался сухой треск и матерная брань.

Торчков выглянул в окно, тьма стояла, как в зеве погасшей печи, на небе ни луны, ни звезд, голос внизу умолк, Олег задраил окно и лег. Час не мог уснуть, проснулся от хлопка двери. Было уже светло, майор, прихрамывая, двинулся к его койке, лицо его и шея были в ярких пятнах зеленки.

— Тебе это так не сойдет, сучара! — хрипло сказал он. — Вытолкнуть товарища в окно, прямо в куст шиповника!

— Тон сбавь, нечего по ночам шастать, будить отдыхающих. И никто тебя не толкал. Сам оборвался.

— Я рапорт начальнику дома отдыха напишу. Медики травму подтвердят.

— Молчать! — прервал его бормотанье резкий голос.

Семена Семеновича было не узнать, он словно помолодел на тридцать лет. — Вы на Каспийской флотилии служите, майор? Григорий Заворотнюк? Командующий флотилией мой ученик, сегодня же позвоню ему. Пригреблись на хлебном местечке... А как начет того, чтобы послужить в Гремихе или в бухте Ольга? И к начальнику дома отдыха схожу, пусть переселяет вас к чертовой матери.

Лицо у Заворотнюка стало цвета вареной говядины, к обеду он исчез. Два матроса из хозкоманды вынесли его койку.

— Слава тебе, Господи, — вздохнул Семен Семенович, — и откуда столько хамов? Ведь, по сути, лакей и трус.

— Да ну его... Далеко до пляжа, Семен Семенович?

— Автобусом возят, а вам пройтись в самый раз, я уж и не рискую. Два инфаркта. А вернуться домой ногами вперед — накладно для близких.

— Меня что-то тоже купаться не тянет.

— И правильно. Пару деньков погодите, нужно пройти переадаптацию. А то с Севера напрямиком в Крым.

Торчков не спеша спустился на набережную. После предзимнего Заполярья и осенней Москвы в Ялте всё было нестерпимо ярким, повсюду цвели цветы, названия которых Олег не знал, и люди на набережной тоже были яркими, загорелыми, одетыми по-летнему. И было много женщин. На набережной стояли желтые цистерны на колесах, у них змеилась очередь.

— Пиво? — спросил Олег у загорелого до черноты мужика.

— Молодое вино, друг. Наливают в пивные кружки. Жакнешь — и на седьмом небе. Советую.

Пить не хотелось, но Торчков встал в хвост очереди — отдыхать так отдыхать. Впереди него стояла рослая девушка в белой юбке и красной майке. Густые волосы отброшены назад, на длинных загорелых ногах деревянные сабо.

«Хороша, — мелькнуло у Торčkова, — но для меня слишком молода. Не прокатит». Чтобы отвлечься, Олег посмотрел

на море, на говорливую толпу, среди которой, как-то отдельно от всех, шёл флотский офицер в мятой кремовой рубашке, на погонах с одним просветом одиноко посверкивало по одной звездочке. Младший лейтенант был грузен, широкоплеч, с уже обозначившейся «морской грудью». И по мере того, как офицер приближался, Торжков угадывал в нём знакомые черты. Ну конечно, Игорь Пыпин. Тоже минер, полтора года назад оба окончили училище подплава, четыре года их койки в кубрике стояли рядом, оба входили в сборную училища по боксу: Торжков во втором среднем, Пыпин в тяжелом весе. Постоянные спарринг-партнеры. Колотушка у Игоря была тяжелая, только уворачивайся, а вот с защитой дело обстояло хуже. Пыпин — рубака, большинство боев выигрывал ввиду явного преимущества. Училище Игорь закончил с золотой медалью.

— Игорь... Пыпин!

Офицер замер, точно споткнулся о камень, удивленно огляделся по сторонам, и хмурое его лицо поплыло в улыбке.

— Олежек, дружбан, дай я тебя обниму. Как ты здесь оказался?

— В дом отдыха прикатил после автономки. А ты?

— Тралец перегнал из Поти в Севастополь в завод на ремонт. И такая тоска взяла, поймал мотор и махнул в Ялту на людей посмотреть. Завтра с оказией назад в банановую республику.

— Погоди, какой тралец? Тебя же, как медалиста, распределили на дивизию дизельных лодок в Балаклаву. И сразу «бычком». А ты, я смотрю, карьерист. Из лейтенантов в младшие рванул. Гигант!

— Не повезло мне, Олежек. Сначала всё шло хорошо, за год из «бычков» в помохи повысили, сходили в Средиземное море в состав оперативной эскадры, впереди — классы. И черт меня дернул махнуть в Севастополь в ДОФ на танцы. Склеил бабенку, все чин-чинарем, и вдруг подкатывает хорошо поддатый капитан-лейтенант, кудрявый красавчик, с претензиями. Девушка моя, вали отсюда, лейтенант. Девица на дыбы: врет, первый раз вижу. Я ему: слышал? Давай миром закончим, перепутал, под банкой всякое бывает. У каплея глаза бешеные: давай выйдем. На террасе я обернуться не успел, как он на меня попер, едва уклонился от удара и на автомате встретил правой через руку. Глубокий нокаут, перелом нижней челюсти, госпиталь. А у этого красавчика папа адмирал, заместитель начальника Управления кадров ВМФ в Москве. Звездочку с меня сдернули и сунули пахать на тральщик в Поти. И ведь не брыкнешься. Комдив пытался

меня отстоять — пустой номер. А знаешь, что такое Потти? Мокрая дыра, комары, духаны на каждом шагу. Когда Риони разливается — потоп. Жён офицеров и детей беру на борт. И все в бригаде так делают. Представляешь, на корабле не флаги расцвечивания, а женское и детское бельишко полощется. — Пыпин перешел на шепот: — Олег, ты обратил внимание на девушку, что перед тобой? Лермонтовская Бэла, охранять можно. Ты с Машей?

— Один. Ушла от меня Маша.

— Так выходи в атаку...

— Не отломится, Игорек, слишком молодая и красивая.

Меня уже раз прокатили — хватит.

— Ну и дурак.

— Девушка, извините...

Девушка обернулась: брови к вискам, черные восточные глаза странно гармонировали со светлыми волосами.

— Еще раз извините, нужна ваша помощь, выручайте, — Игорь подтянул живот и стал как будто выше.

— Помощь?

— Друга встретил, однокашника по училищу. Я на службе, мне пить нельзя, а друг один пить не может. Составьте компанию.

— Что ж, оказывать помощь — моя профессия.

— Вы доктор?

— Операционная сестра.

— Готов хоть сейчас лечь на ваш операционный стол.

К их разговору прислушивались в очереди. Толстяк в соломенной шляпе с наклейкой на обгоревшем на солнце носу гулко, как в бочку, сказал:

— Соотечественники, пропустим без очереди моряков, они на корабль опаздывают.

Ему откликнулся молодой звонкий голос:

— Вали сюда, мариман. У нас времени вагон. Две кружки? Делов-то.

Через несколько минут компания стояла в жидкой тени акации.

— Давайте знакомиться, друзья. Я Игорь, этот рыцарь — Олег, подводник, гроза морей. А вы?

— Марина.

— Может, глотнешь, Игорек? — спросил Олег.

— В моем положении никак нельзя, даже запашок опасен. Стуканет кто-нибудь, и мне крышка. Ладно, дети мои, мне и в самом деле нужно идти. Марина, не обижайте Олега, ему сейчас нужна душевная поддержка.

Ах, какой это был день! Первый день их счастья. Сначала они сели в фуникулер, Ялта оказалась внизу, совсем рядом проплыла луковица собора. Дома разбегались по предгорью, взбирались вверх по уступам, в щелях между домами бежали маленькие автомобильчики. Солнце закрыли облака, но сияние было настолько ярким, что всё вокруг виделось отчетливо, с деталями. А фуникулер поскрипывал, кряхтел, и казалось, путешествию в небо не будет конца. Обедали на вершине горы в ресторане. Ели салаты, жареную барабульку с картошкой и пили белое вино, название которого Олег тотчас забыл. Он вообще испытывал странное ощущение, что знает Марину давно, возможно со школы. Она говорила о себе охотно, в голосе ее иногда слышались гортанные кавказские нотки. Разговор не запомнился, так, отдельные фразы.

— Я по профсоюзной путевке. Путешествовали по Крыму. В Ялте остановились на турбазе. Кормили ужасно. Девчонки развехались, а у меня билет на поездовтра. сторожика разрешила ночевать в кладовке. А так не хочется уезжать, я ведь никогда не была на море... Живу с мамой и братом. Мама — проводница на дальних рейсах, брат при мне, пятнадцать лет, трудный возраст. Но он у меня молодец. Мечтает поступить в железнодорожный институт. У нас все, кроме меня, железнодорожники. Папа инженер-путеец... Был. Папа у меня на глазах умирал. Рак. Я дала себе слово — только в медицину. Кончила медучилище, подтяну брата и буду поступать в институт.

Олегу нравилось, как Марина ест, подбирая подливку кусочком хлеба, как с детским любопытством оглядывает зал. Видно, нечасто ей приходилось бывать в ресторанах. И еще он не мог представить себе Марину в платье от кутюрье, в гостиной с итальянской мебелью и картинами в дорогом багете, зато легко представлял ее в их северном городке у военоторговского магазина в очереди за молоком. Темень, сполохи, кряканье подводной лодки, проходившей боновые ворота...

Потом они спустились в душную Ялту и отправились кататься на карусели. На набережной зажгли фонари, на аттракционах гремела музыка, у морского вокзала швартовался лайнер, он был ярко освещен, и люди на палубе что-то кричали и приплясывали. Ужинали в чебуречной. Несколько ступенек вниз, и вы оказываетесь в кавказском духане: прохладно, бочки вместо столов, скамейки, покрытые овечьими шкурами. Им принесли графин красного вина, зелень и огнедышащие чебуреки, и Олегу в который раз показалось, что всё это происходит не с ним, а с каким-то другим человеком.

— Олег, почему твой друг сказал, что тебе нужна душевная поддержка? — спросила Марина. — Он шутил?

— Нет. Полгода назад от меня ушла жена. Вернулся с моря, а ее нет. Только записка. Через пару месяцев телеграмма — нас развели.

— Но почему?

— Не выдержала жизни в Заполярье.

— Значит, не любила.

К их столику подошел пожилой грузин, видно, шеф-повар, в колпаке, в фартуке из грубой ткани.

— Как чебуреки?

— Ничего подобного не ел, произведение искусства, — Торжков улыбнулся.

Старик что-то крикнул по-грузински на кухню, и официант, молодой, кудрявый парень, принес на подносе два бокала густо-красного вина. Он держал поднос с бокалами и двигался с такой осторожностью, словно нес хрупкие драгоценности.

— Вы красивая пара. Дай вам бог счастья, а это вино от заведения. В Грузии его пьют только по торжественным случаям.

И опять их захлестнула вечерняя Ялта. После прохладного духана было трудно дышать.

— Олег, проводи меня до турбазы. Сторожиха ложится рано и запирает дверь. Какой день, какой день! Не день — сон.

— У меня такое же ощущение.

— А послезавтра мне уезжать.

Олег взял руки Марины и прижал к своим щекам.

— Тебе не нужно уезжать.

— У меня же билеты на поезд, а с билетами знаешь как трудно...

— Чепуха. Сколько дней у тебя осталось от отпуска?

— Десять, если вместе с дорогой.

— Завтра продадим твой билет, снимем комнату на окраине Ялты, где тихо. В доме отдыха мне не нравится. Я согласен на все твои условия. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Марина внимательно посмотрела на него и тихо сказала:

— Можно, я завтра отвечу? Всё, я бегу.

Семен Семенович в халате после душа причёсывался перед зеркалом. Скосил глаза на Торжкова и, улыбнувшись, сказал:

— Ага, младёжь подгребают. На обеде не был, на ужине не был. Всё понятно: дама, дыша духами и туманами... Так?

— От вас ничего не утаишь. Познакомился с лермонтовской героиней.

— Неужто с княжной Мэри?

— Скорее, с Бэлой... Хотя ее не так зовут.

— Значит, отдых налаживается.

— Пожалуйста, прикройте меня в случае необходимости. Появляться я буду редко. Скажите, записался на все экскурсии, ушел на теплоходе в Сухуми...

— Обижаете старика. Я ведь тоже был молодым. Такую легенду о вас создам, Петрарка позавидует, не говоря уже о Ромео.

Они встретились у молочного кафе на улочке, сбегавшей к морю. Кафе Торчков вчера присмотрел и сказал о нём Марине. У нее был усталый вид, под глазами тени.

— Не выспалась, до часу ночи помогала сторожике убирать комнаты, менять постельное белье, а в шесть утра она меня выставила — заезжает группа туристов. Подремала на морском вокзале, сдала чемодан в камеру хранения и сюда.

— Давай позавтракаем и на морской вокзал.

— Зачем?

— Напротив вокзала, у гостиницы квартирный рынок, снимем комнату.

— Но ведь у нас потребуют паспорта!

— Вряд ли. Конец бархатного сезона, комнат навалом. Покажу удостоверение офицера. Морякам доверяют. И потом, разве мы не похожи на молодоженов? Помнишь, что сказал старик-грузин в духане?

Всё вышло как нельзя лучше. У морского вокзала к ним сразу подошла усатая старуха-армянка в широкой, до земли юбке.

— Вам остановиться нужно, молодые-красивые? — певуче спросила она, обращаясь к Марине.

— Да, нам нужна комната... Отдельная. И чтобы было тихо.

— Есть очень хорошая комната, довольна будешь, молодая хозяйка, — пропела старуха. — Всю Ялту видно. Сад-виноград. Воздух отрезай, кушай. Вам надолго?

— Дней на десять, — ответил Торчков.

— Хорошо, хозяин. Газ есть, холодильник есть, душ есть. Зять у меня хозяйственный, сам дом строил. Только далеко-вато, за армянской церковью, в гору идти надо. Да ведь вы молодые. Вам что? Я старуха, раз в неделю в гости к дочери хожу.

— Посмотреть бы, — сказала Марина.

— Вот и хорошо, вот и пойдем, хозяйюшка, поглядим. Доберемся быстренько, я ходкая. — И старуха проворно засеменила через дорогу, переваливаясь на тумбообразных ногах в стоптанных чуваках.

— Я еще никогда не была молодой женой, — сказала Марина. — А, гори оно всё синим пламенем! Если очень хочется, значит, можно.

Старуха цепко карабкалась в гору, вела их узкими и криковыми улочками, и дома то были высоко над головой, за позеленевшими каменными заборами, и туда нужно было забираться по лестнице, то низко, с дороги видно было белье на веревках, и женщины что-то готовили в летних печках.

Дом, где им предстояло жить, стоял в глубине сада, с террасой, широким крыльцом и плоской кровлей. Стены его были увиты виноградом, листья местами пожелтели, усохли, и кое-где видны были тяжелые фиолетовые грозди.

— Ключ вот сюда будете класть, — сказала старуха, показывая щель у подоконника, — у нас спокойно, двери редко кто закрывает.

Она провела их коротким тёмным коридором, пошарила в темноте, отыскивая дверь, наконец открыла ее, и Торжков сразу же увидел великолепный туалетный столик с большим зеркалом, в котором отразились он сам, Марина, старуха. И с трудом удержался, чтобы не постучать по дереву, — так они с Мариной были молоды и хороши собой по сравнению со старой армянкой. Марина подтолкнула его, он вошел и замер, комната сразу понравилась, недавно отремонтированная, с чешской тахтой, сервантом и плетёным креслом-качалкой. Но самым, пожалуй, великолепным было окно, широкое, во всю стену, глядевшее в сад.

— Ну и ладненько, — сказала старуха, оценив их молчаливое восхищение. — Вы устраивайтесь, а я пойду дочку поищу.

— Да, продолжение сказки, — задумчиво сказала Марина.

Они познакомились с дочерью старухи — милой, черноволосой и застенчивой женщиной, она показала, как пользоваться душем и как, уходя, перекрывать газ. Затем спустились в город, пообедали, забрали из камеры хранения чемодан и, купив две бутылки сухого вина и острого домашнего сыра, вновь поднялись в гору.

5

Теперь рано утром они натягивали спортивные костюмы и бежали вниз. Армянская церковь стояла у дороги и глядела им вслед, внизу, в распадке, сквозь текучий туман проступали желтые пятна домов и зеленые — виноградников. Ялта была, как на ладони, за слоистым горизонтом зияла пустошь, снизу слышался едва различимый шум — курорт просыпал-

ся. На городском пляже было еще пусто, у кромки воды бродили важные чайки. Завтракали в молочном кафе. По дороге домой заходили на рынок, покупали прозрачную рыбу-иглу, скомбрию, парное мясо, зелень, фрукты и медленно брели в гору, ощущая, как свежеет, становится духовитым воздух, как гаснет шум суетливого курорта.

К этому времени в доме уже было пусто, хозяйева отправлялись на работу. В саду пели птицы, кудахтали куры. Влюбленные срывали с себя одежду, становились вдвоем под душ и потом, наскоро вытершись полотенцем, шли в свою комнату.

— Как в раю, — сказал как-то Олег.

— Да, да, — откликнулась Марина. — Мы первые на земле люди, мы ходим по дому голые и грешим.

— Это не грех, это любовь.

— А разве бывает вот так, сразу?

— Бывает.

Ужинали на террасе. Внизу шумела Ялта, а здесь было тихо, и звёзды висели совсем рядом, казалось, до них можно было дотянуться рукой. Олега поражало, с какой быстротой Марина управлялась с приготовлением еды. У нее на плите одновременно варилась уха, тушились перцы по-гречески, но особенно ей удавались хинкали. За соусом они ходили на рынок, Марина покупала разные соусы у старика-черкеса и говорила с ним на родном языке. У Маши готовка вызывала отвращение, самое большее, что она могла, — поджарить яичницу с колбасой. В городке подводников была военторговская столовка, но кормили там отвратительно. И домработницы рядом не было.

За домом в конце двора, за курятником, сохранилась каменная стена древнего сооружения. В одном месте камни обрушились, и образовалась щель, куда мог протиснуться взрослый человек.

— Ты знаешь, Олег, я нашла лаз в другой мир. Только не знаю, это мир живых или мёртвых. Пойдем, покажу.

За проёмом в стене и в самом деле открылся другой мир: плоская, как столешница, возвышенность, за которой началась рыжая степь, а дальние увалы напоминали голубые облака, а может, это и были облака, осевшие на осеннюю крымскую землю. А воздух звенел от дремотного гудения пчел. И ни одного человека. В отдалении, немного слева, видна была разрушенная мечеть. Но вот что странно, не было ощущения безлюдности, степь была населена.

— Красиво, но жутковато, — сказала Марина. — Представляешь, сколько народу прошло по этой земле. А люди

так просто не исчезают, они оставляют след, а может, и продолжают жить в здешних местах.

— Как это?

— Ученые говорят о существовании других, параллельных миров, куда перемещаются души.

Марина в который раз удивляла Торжкова, она была начитаннее его, знала название каждой травинки, что встречалась им в горах или в степи.

— Вот это эхиноцея, цветет весной, из нее готовят средства для повышения иммунитета, а это листики железницы, ломоноса, дурмана, хедеры...

— Откуда ты знаешь. Ты же раньше не была в Крыму.

— Из справочников и литературы. Я собираюсь поступать на фармацевтический факультет — там можно учиться заочно. И потом я горянка. Квартирная хозяйка спросила меня, не армянка ли я. По линии отца во мне намешано много кровей: адыгейской, черкесской, чеченской, а мама русская. По паспорту я не Марина, а Мариет. Мариет Аслановна. У отца во время войны в Майкопе погиб весь род. Он долго лежал в подмосковном госпитале, рана не заживала. Там познакомился с мамой, она работала санитаркой. Отец накануне войны окончил железнодорожный институт в Ленинграде, был начальником поезда, возил на фронт технику, боеприпасы. Поженились, осели в Дедовске, это неподалеку от Москвы по рижскому направлению. Я в отца, а брат в мать, светленький, с конопушками.

Дни таяли один за другим, превращаясь в один счастливый день. Торжков ходил в дом отдыха, подал начальнику рапорт, что в связи с семейными обстоятельствами он вынужден прервать отпуск и вылететь в Москву. Его не удерживали.

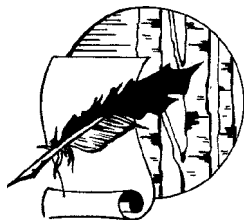
Наступил день отъезда Марины.

— Ты поживи еще несколько дней у моря, нам нужно немного остыть друг от друга, — сказала она. — А то у меня голова идет кругом. От Дедовска до Москвы всего ничего. Позвонишь, и я приеду. Хорошо, если ты будешь в форме, таким я тебя еще не видела.

Он с трудом уговорил Марину лететь до Москвы самолетом, чудом достал билет, проводил ее до Симферополя, а когда вернулся в Ялту, в их светлую комнату, схватился за голову. Почему, почему он не улетел вместе с ней? И что означает «остыть друг от друга?» Сидеть одному в комнате было нестерпимо. Он впервые за неделю спустился в вечернюю Ялту один. Было душно. Фонари на набережной еще не зажглись, и стоял полумрак. Отчего-то всё выглядело значительнее: и

горы, и море, и лица людей тоже были значительными, словно все чего-то ждали, словно вот-вот что-то должно было произойти, и Торжков тоже заразился ожиданием. А темнота казалась всё ощутимее, будто сгущался, становился плотным сам воздух. И вдруг сухо, как электрический разряд, треснуло в небе, дёрнулись и затрепетали сиреневые нити на столбах — разом стало светло, толпа на набережной пришла в движение, заговорили, засмеялись люди. Торжков зашел в бар, напоминающий морской грот, выпил три или четыре коктейля, не ощущая вкуса, долго сидел на скамейке, где еще недавно они отдыхали с Мариной, и всё ему было отвратительно: и смеющиеся люди, и терпкий запах духов, и даже огоньки в море раздражали его. Прошли еще три пустых дня, Олег не выдержал, щедро расплатился с хозяйкой, побросал в спортивную сумку вещички и уже рано утром был в аэропорту в Симферополе. И ему опять повезло: какой-то музыкальный коллектив перенёс свой вылет в Москву, сдал билеты, и Торжкову досталось место в первом классе...

Что было потом? Завьюженный военный городок, сполохи в угрюмом небе, очереди за молоком у военоторговского магазина, провода и встречи, скоропостижная смерть Марины — обычный грипп. Торжков не поспел на похороны, его лодка возвращалась с боевой службы. Может, потому Марина запомнилась ему такой, какой он видел ее в аэропорту Симферополя: светлой, радостной, ожидающей счастья.

Виктор КАРПУШИН

В МИМОЛЁТНОЙ ПЕЧАЛИ

* * *

Всё как обычно — лёд и пламень
В провинциальном городке.
Из дома выйдешь — вещий камень,
Тропинка льдистая к реке.

Забыты прошлые уроки,
Запрятана в углу сума...
И сумерки сжимают сроки,
Поскольку на Руси — зима.

Ах, эти ветреные зимы,
Ночных метелей круговерть.
Постом Рождественским хранимы,
Живём, не думая про смерть.

Спускаемся к реке, где прорубь,
Где птичьи вмёрзшие следы.
И долбит клювом серый голубь
Сухарик с привкусом беды.

* * *

Снега в России уникальны,
Светлы и зрячи, видит Бог!
Как будто рыба, плавниками
Метель скребётся о порог.

Живём, а рядом бродит чудо,
Заглядывает во дворы.
И даже зимняя простуда —
Привычный элемент игры.

И декорации уместны,
И роли распределены,
И режиссёры незаметны,
И зрители удивлены.

Хотя метель вполне реальна
В провинциальном городке,
Непостижима и сакральна,
Как береста в березняке.

* * *

Когда метель срывает дверь,
Царапает куском корунда,
Нелепа призрачность потерь,
Особенно теперь — под утро.

Когда сугроб наморщит лоб,
Заветного крыльца не видно.
Божественна угрюмость троп,
По крайней мере — не обидна.

И баба вовсе не Яга —
Слегка мечтательная дама.
И бледно-розовы снега,
Ведущие к воротам храма.

И на глазах замрёт метель,
И даже мрачная ворона
Раздолбит солнца карамель,
Скользящую по кромке склона.

ЭЛЕГИЯ

Деревенька. Вербы. Срубы.
Две старухи. Восемь псов.
Не дымят давненько трубы,
Дверь закрыта на засов.

Только выцветшие шторы,
Вязаный половичок...
Вспоминаю с дедом споры
Про картошку и лучок.

Друг сердечный — телевизор
Бытие изобразит:
Про наряды и капризы
Светских львиц, лихих на вид.

Про мошенничество WADA,
Антидопинговый спор.
Зимняя Олимпиада
Беспокоит до сих пор.

Про развод Джигарханяна,
Театральные дела...
...А назавтра баба Маня
Незаметно померла.

* * *

Паутинка сквозь ушко́ продета,
Смерть Кощея на конце иглы.
Не грустите, что уходит лето,
Вечера пока ещё светлы.

Тайна есть в печали мимолётной,
Сколько света в небе голубом!
Встретившись с кикиморой болотной
Поделитесь клюквой и теплом.

Ведь его становится всё меньше,
А кукушка продолжает счёт.
Дождик — разорившийся помещик
В чаще волчьи ягоды толчёт.

Он готовит горькую настойку,
Только не спешите зелье пить.
Просто осень начинает кройку,
А зиме досталось саван шить.

* * *

Здесь лопухи и пижма по колено,
Заброшенность привычна и горька,
Не удивляет стойкий запах тлена,
Не отдаляет осени тоска.

Простая вера здесь вполне обычна,
Растрёпанная ветром береста
Бинтует под дождями гнёзда птичьи,
И видно в сумрак золото креста.

Не обойти любви и крестной муки,
Не избежать предутренной росы.
И звуки неба продолжают звуки
Былинной среднерусской полосы.

И я с кукушкой постигаю время,
Считаю капли вязкие сосны.
И дождь неожиданный окропляет стремя —
Туманный серпик молодой луны.

* * *

Протока меркнет, как лампада,
Колелется вечерний свет.
Уходит время листопада,
Стирается печали след.

Зима выходит на просёлок,
Подходит к городу, таясь
Безлюдный парк. Луны осколок.
Приемлю всё, перекрестясь.

Вступаю в снежное пространство
Похожее на вечный сон...
Изменчивость и постоянство,
И тайна — с четырёх сторон.

* * *

Всё реже иконные лики
Встречаются в русских полях.
Грачиные чёрные крики
Застрали в нагих тополях.

Живём без намёка на солнце,
Идут затяжные дожди.
А если надежда проснётся,
То лихо, дружок, не буди.

Печалей и песен в достатке
В моей гулевой стороне...
Полей золотые заплатки
По-прежнему дороги мне.

По-прежнему дороги сроки,
Былинных времён череда.
...Светлеет слегка на востоке,
И в лужах — живая вода.

Она окропит подорожник,
Прояснится сумрачный склон.
И будет заезжий художник
Святой простотой удивлён.

* * *

Растаяли зимы браслеты,
Весна отчётливо видна.
И вспоминать не стоит беды,
Когда была зима одна.

Теперь всё будничное внове,
Теперь повсюду новизна.
И столько света в Божьем слове,
Поскольку Пасха, и весна!

И на ветру огней дрожанье,
Везде мерцанье красных свеч.
Преобразились горожане —
Московская родная речь.

У церкви радуются дети,
Несут старушки куличи.
Яйцо на сером парапете,
Наплывы алые свечи...

* * *

Всё, что останется после меня, —
Осень да отсвет короткого дня,
Трепет дыханья да ворох грехов
И невеликая стопка стихов.

Глина дороги, реки серебро
Да позабытое Богом село.
Поле в тумане да лес в наготе,
Нежность да иней на ржавом кресте...

* * *

Завяли астры и бархотки,
У ноября печальный взгляд.
На берегу вверх днищем лодки
Под чёрным тополем лежат.

Вокруг темно, промозгло, сыро,
Унылый дождь со всех сторон.
Расстроилась поэта лира,
Спасает колокольный звон.

Ну вот, дожили до Казанской,
Рябины меркнут, гаснет день.
И тополь башнею Пизанской
Скрипит, отбрасывая тень.

Лежат родные на погосте,
Соседи, просто земляки.
И мы проходим — нынче гости,
А дальше? В небе огоньки.

Гул отдалённый самолёта.
Листвы истлевшей медяки.
Димитриевская суббота.
Оградки. Холмики. Венки.

* * *

От себя смешно спастись
На Канарах и Мальдивах.
Лучше с горочки кататься
И встречать людей счастливых

Возле домика у речки
Покосившегося вправо...
«Можно жизнь начать от печки», —
Так учила баба Клава.

Перекапывала грядки,
Хлопотала в огороде,
Говорила: «Всё в порядке!»
При неласковой погоде.

А в Кремле вожди менялись,
Завывали к ночи вьюги.
И на Пасху обнимались
Захмелевшие подруги.

Удивлялись: не забылись
Посиделки в сельском клубе.
...И предательски змеились
Трещины на чёрном срубе.

И пускай туманы лижут
Перелатанную крышу.
Мы сегодня к небу ближе.
Только бабушки не слышу...

* * *

Сегодня первые Емели
Ступили на некрепкий лёд.
И смотрят искоса метели:
Авось им снова повезёт?!

Кряхтя — выдалбливают лунки,
Вороны им — почти родня.
Своим дыханьем греют руки
У папиросного огня.

И каждый — чуточка мессия,
Задумчив и нетороплив.
И удивляет мир Россия
Над бездной голову склонив.

г. Балашиха Московской обл.

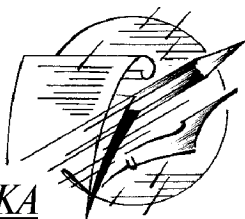
НОВЫЙ «ЮВЕНАЛЬНО-ГЕНДЕРНЫЙ» МИР

24 марта 2018 года в столице Хорватии прошел многотысячный марш против ратификации парламентом «Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье» (Стамбульской конвенции), в котором приняло участие около 70 тысяч человек.

Для небольшого Загреба такое количество участников общественной акции — беспрецедентное. Чем вызвана подобная реакция общества, можно ли относиться к этому событию как к частному случаю, или оно свидетельствует о неких общемировых процессах?

Протест в Хорватии весьма показателен и не единичен, хотя по массовости, безусловно, и выделяется. Ранее против принятия Стамбульской конвенции также выступали представители общественности Болгарии, Латвии, Польши, Чехии и Словакии. Активные протесты — сигнал общества о категорическом неприятии тех изменений, которые Стамбульская конвенция несёт с собой миру.

Конвенция была разработана Советом Европы и открыта для подписания в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

2011 году в Стамбуле (отсюда и название); из 47 государств-членов ее не подписали только два — Россия и Азербайджан, ратифицировали пока только 27.

В преамбуле Конвенция описывает мир, в котором мы живём, как переполненный разнообразным насилием, борьбу с которым она провозглашает своей главной целью.

Причиной насилия называется «мужское доминирование в мире», вызывающее «женскую дискриминацию»; при этом насилие в отношении любой женщины обусловлено только тем, что она «является женщиной».

По этой причине документ призывает защищать «всех женщин и девочек, независимо от их происхождения, возраста, расовой принадлежности, вероисповедания, социального происхождения, статуса мигранта или *сексуальной ориентации*», а защита мужчин, мальчиков, пожилых людей отдаётся на усмотрение государств-участников.

Налицо откровенное противопоставление полов, создание ложного представления о враждебности и опасности, исходящих от мужского пола, навязывание обществу искусственно созданного приоритета одного пола перед другим.

Ключевое понятие документа — «гендер», который здесь расшифровывается как «*социально сконструированные роли*», что по своей сути является абсурдным и ложным посылом, недавно изобретённым мировым гомосексуализмом, а всё насилие предлагается рассматривать исключительно «с учётом гендерного понимания».

Если перевести этот «новояз» на нормальный язык, то от Европы требуется бороться с насилием в отношении людей с «социально сконструированными ролями», то есть защищать тех, кто вдруг начинает изображать из себя противоположный пол и кого всегда традиционно называли извращенцами.

Понятие «гендер» на Западе было официально введено в обиход в 80-е годы прошлого века специально для того, чтобы заменить с его помощью официальные медицинские термины «педерастия» и «гомосексуализм» и отменить понятие биологического пола.

Стамбульская конвенция вводит помимо общеизвестного физического и сексуального насилия его «новые виды» — психологическое и экономическое, суть которых в документе не раскрывается, зато при этом перечисляются некие признаки вины «гендерного насильника», например: «принуждения или угрозы, нарушающие психологическую неприкосновенность», «неоднократные угрозы, вызывающие страх за свою безопасность», «сексуальные домогательства как лю-

бая форма нежелательного вербального, невербального или физического поведения сексуального характера».

Что такое «психологическая неприкосновенность» или «нежелательное вербальное поведение сексуального характера», авторы документа также не раскрывают, оставляя неограниченный простор для фантазии правоприменителя.

Что касается указанной в названии «борьбы с насилием в семье», то наказание, к примеру, за нарушение «психологической неприкосновенности» — идеальный ювенальный механизм, позволяющий отобрать у родителей права и получить доступ к детям.

В Государственной думе с 2016 г. находится внесённый депутатом Шестого созыва Салией Мурзабаевой законопроект «О семейно-бытовом насилии», который также обогащает семейное право новыми видами насилия: наряду с вышеуказанными физическим, сексуальным, психологическим он вводит экономическое насилие (лишение или угроза лишения материального содержания) и эмоциональное (нанесение или угроза нанесения обид жертве или его родственнику, свойственнику или домашнему животному). Причём различия между описанными «видами» определить крайне сложно, а вот пространство для манёвра, напротив, максимально широкое.

Стамбульская конвенция декларирует в своём названии заботу о женщинах, но это не более чем камуфляж.

Главная её цель — принятие мер с целью «искоренения предрассудков, обычаев, традиций», то есть ценностная трансформация общества, унификация национальных норм и установок.

В документе категорически запрещается оправдывать «гендерное» насилие понятиями «культура, обычаи, религия, традиции или так называемая честь», а также наличием родственных связей. Такая насильственная смена традиционных ценностных моделей — серьёзная угроза национальной идентичности и безопасности.

Стамбульская конвенция провозглашает «гендерное» насилие «формой преследования» и «серьёзного ущерба», поэтому реагирование должно быть «незамедлительным», расследования и суд — «без необоснованных задержек с учетом прав жертвы». Другими словами, дела о «гендерном» насилии, суть которого надумана и не имеет внятных правовых обоснований, получают приоритет и безотказность — чем не идеальный инструмент для расправы с любым политиком, бизнесменом или даже священником, не говоря уже о простом гражданине с детьми?

При этом в случае обвинения в сексуальном насилии от жертвы не требуется доказательств, что весьма убедительно раскрывается на примерах дел так называемого голливудского «харассмента» или «педофильных» скандалов Ватикана.

В Конвенции особо поощряется доносительство о «гендерном» насилии в компетентные органы для *автоматического* открытия дела, а медиация (посредничество) и примирение при рассмотрении таких дел *запрещаются*. При этом правила конфиденциальности, налагаемые на некоторых специалистов (к примеру, на психологов, врачей и пр.), отменяются,

Для жертвы-«гендера» в Конвенции предусмотрены множественные программы защиты: «охранные приказы», не позволяющие приближаться к «жертве» на определённое расстояние, за нарушение которых предусмотрено уголовное наказание; «чрезвычайные запретительные приказы», предписывающие «нарушителю» освободить место проживания жертвы; бесплатная правовая поддержка и адвокат; длительная исковая давность для подачи заявлений, продолжение судопроизводства даже в случае отзыва жалобы.

На практике это может выглядеть так: за «психологическое насилие» по отношению к субъекту с «социально сконструированной ролью», выразившееся в «нежелательном вербальном поведении», а если попросту, за сорвавшееся с языка в адрес гомосексуалиста слово «педераст», в ответ на анонимный донос или личную жалобу «обиженного» включается «каток Немезиды» и для обвиняемого наступает «отмщение» — суровое, стремительное, неизбежное и неотменяемое.

Кара постигнет и того, кто оказал «помощь или подстрекательство к совершению указанных преступлений», например, поддержал друга словом — и вот уже готово групповое «гендерное» преступление, которое не подлежит прекращению даже в случае примирения сторон.

Жертва при этом имеет право на двойную компенсацию — от государства и от «обидчика», что, безусловно, придаст дополнительный стимул правозащитным кампаниям.

В Госдуме по-прежнему находится принятый в первом чтении в 2003 г. законопроект № 284965-3 «О равенстве прав мужчин и женщин», который заменяет пол человека на «гендер», вводит приоритет прав «гендерных» групп и «позитивную дискриминацию» нормального большинства.

В нём предусмотрены штрафы за «гендерную» дискриминацию от 400 тысяч до 1 миллиона рублей в пользу «жертвы».

Ребенку, ставшему жертвой или свидетелем «гендерного» насилия, предоставляются специальные меры защиты с уче-

том «наилучших интересов ребенка». Как это будет выглядеть на практике, спрогнозировать достаточно легко — в полном соответствии со второй половиной названия Конвенции: увидел ребёнок, как ссорятся родители — стал жертвой «насилия в семье», и «для его же пользы» его у родителей отберут. При этом Конвенция предписывает опеку над ним приостановить, а родительские права аннулировать — это «наилучшие интересы ребёнка» в ювенальном исполнении.

Факт «гендерного» насилия становится также основанием для предоставления заявителю статуса беженца. Именно на это рассчитывали братья Карташовы из Санкт-Петербурга в нашумевшей в ноябре минувшего года истории, когда они, чтобы получить политическое убежище в Финляндии, перешли по глубокому снегу границу, но так и не смогли доказать финскому суду, что они — «гомосексуальная пара, подвергавшаяся преследованию кровавого режима», после чего были возвращены на родину в руки следствия.

Но если бы российские пограничники не нашли в карельском лесу их обгорелые паспорта, то сейчас братья уже всю вкушали бы западную жизнь, поскольку, по Стамбульской конвенции, «гендерные» жертвы не выдаются в страну, где их жизни «угрожает опасность».

Государства-участники, ратифицировавшие Конвенцию по борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (Стамбульскую конвенцию), должны кардинальным образом перестроить своё законодательство.

Так, в рамках «политики с учётом гендерного фактора», они обязаны учитывать «гендерные» аспекты в своей внутренней политике, синхронизировать с ними гражданское и уголовное законодательство, «поменять свои конституции», а при отсутствии собственных законов о насилии использовать Стамбульскую конвенцию.

При этом никакие «специальные меры» не будут считаться дискриминацией, как это предусмотрено и в описанном выше «гендерном» законе «О равенстве прав мужчин и женщин».

Также государство-участник обязано вести статистику всех форм «гендерного» насилия, подсчитывать соотношение случаев насилия и вынесенных приговоров, определять эффективность принимаемых мер. А где статистика, там отчётность и меры для её улучшения — поощрение или наказание за показатели, то есть понятный каждому чиновнику механизм, от которого зависит его зарплата и премия.

Ради улучшения отчётности по борьбе с «жестоким обращением с детьми» в России с 2001 г. была неофициально за-

пушена так называемая ювенальная юстиция, а теперь, по информации МВД, в стране ежегодно изымается из семей более 300 тысяч детей.

В Конвенции также подробно расписано, как должны выглядеть обязательные массовые информационные кампании по борьбе с «гендерным» насилием: рассказы о его видах и призывы к его искоренению, лозунги о «свободных от стереотипов гендерных ролях», о «равенстве между женщинами и мужчинами», о праве на «личную неприкосновенность».

Эти и подобные им темы требуется включать в учебные программы на всех уровнях образования (детский сад, школа, вуз), а также в спортивных, культурных и рекреационных учреждениях и в деятельность СМИ.

Примеры реализации таких программ нам щедро демонстрирует Запад: так, в США и Канаде для «разрыва бинарного шаблона в отношении гендерной принадлежности» распространяется детская книга о «гомосексуальной семье» белого и чёрного Санта Клаусов.

В Англии в детских садах и начальной школе дети обязаны читать книги, например, про мишку Томаса, который «глубоко внутри всегда знал, что он девочка-медведь» и поэтому просит звать его Тилли; или книгу с вопросами «Ты мальчик или девочка?», в которой ребёнку предлагают решить: «Можно ли Тини играть в футбол и одеваться феей?»; или про принца-гомосексуалиста Генри, который решил жениться на своём паже, и многое другое.

Американская компания Tonner Doll объявила о запуске производства первой куклы-трансгендера, а студия Disney впервые снимает сериал, направленный на популяризацию нетрадиционных сексуальных отношений среди детей.

Англиканская церковь разработала для учителей воскресных школ одобренные архиепископом Кентерберийским рекомендации по вопросам воспитания трансгендеров, предлагающие разрешить мальчикам для «свободы изучения возможностей собственного развития» без «навязывания стереотипов» надевать высокие каблуки, балетные пачки или «короны принцесс». А в Канаде предложили программу, по которой мальчик, если чувствует себя девочкой, может ходить в женский туалет, переодеваться в одежду другого пола и наоборот.

В рамках Стамбульской конвенции государство также будет обязано подготавливать специалистов по «гендерному» насилию, осуществлять в этой сфере межведомственное взаимодействие судебной системы, силовых структур, местных

и региональных органов власти, а также профильных («борющихся с гендерным насилием») некоммерческих организаций (НКО).

Жертвам «гендерного» насилия государство должно предоставлять юридические и психологические консультации, жильё, финансы, создавать специализированные службы, бесплатные горячие телефонные линии; а также оказывать помощь в получении образования, профессии и работы. Для получения такого пакета преференций, недостижимого для молодого специалиста, студента, пенсионера, родителей с детьми и других незащищённых категорий граждан, необходимо всего лишь назвать себя «гендером» и жертвой насилия. Так сказать, «получить золотую бонусную карту» и попасть в «группу приоритетного обслуживания», вип-персон нового времени. Деньги на всё это предоставит само государство, которое также будет обязано финансировать соответствующие, «прогендерные» НКО.

Особо следует отметить, что внесение оговорок в Конвенцию не допускается, за исключением пяти пунктов, не касающихся ключевых позиций: компенсация при насилии, юрисдикция для лиц, проживающих на территории, статус проживания, порядок судопроизводства, исковая давность.

Для неукоснительного следования государств-участников принципам Стамбульской конвенции тщательно прописана система жёсткого наднационального контроля, в руководящие органы которой входят Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) и «Группа экспертов по действиям против насилия в отношении женщин и насилия в семье (GREVIO)».

GREVIO — весьма серьёзный по своим полномочиям и функционалу орган. Он наделён правом создавать опросники и рекомендации для стран по реализации Стамбульской конвенции; требовать от них предоставления отчётов, в том числе, внеочередных и специальных; определять циклы проверки государств; сравнивать полученные от стран отчёты с информацией «гендерных» НКО и национальных институтов, занимающихся защитой прав человека; выезжать в страны для дополнительной проверки за счёт проверяемой стороны; проводить расследования.

Для самих членов GREVIO установлен ряд внушительных статусов и привилегий, которые действуют пожизненно, независимо от срока выполнения полномочий, и отменяются только лично Генеральным секретарём Совета Европы.

Это — иммунитет от личного ареста или заключения под стражу и конфискации личного багажа; от любого юриди-

ческого процесса в отношении произнесенных или написанных слов и всех действий, совершенных ими; освобождение от любых ограничений их свободы передвижения, а также от регистрации иностранцев в стране, которую они посещают или через которую они проезжают; особые условия в сфере таможенного и валютного контроля как представителям иностранных правительств при временном исполнении ими своих официальных обязанностей.

Документы, перевозимые членами GREVIO, неприкосновенны; официальная корреспонденция GREVIO не подлежит остановке или цензуре. Неограниченность прав, беспрецедентность привилегий и секретность действий, уместные в стратегической разведке, наводят на мысли о сокрытии истинных целей навязываемого миру документа.

И это, как нас хотят уверить, — всего лишь гуманитарная акция, направленная на улучшение отношений между людьми? Или, как понимаем мы, — **построение системы жёсткого наднационального контроля с целью изменения нравственного кода цивилизации?**

Россию всё активнее принуждают принять «Конвенцию Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье», которая де-факто станет её новой «конституцией». При этом наше государство должно будет изменить своё законодательство, внести правки в основной закон или заменить его полностью, принять законы «против насилия» либо использовать в их качестве Стамбульскую конвенцию.

Будут созданы структуры по отслеживанию «гендерного» насилия и борьбе с ним. Специалисты разработают и начнут реализовывать программы по изменению социальных и культурных моделей поведения женщин и мужчин.

Мальшей с детского сада начнут обучать «многообразию гендерных ролей» и «праву на выбор пола» — у сопротивляющихся этим процессам родителей детей станут автоматически отбирать. Основной единицей измерения новой нормы общества станет «гендер» — субъект с «социально сконструированной ролью», другими словами — гомосексуалист и его собратья по «конструированию», которые станут «новой ценностью», подлежащей защите закона. Обида, нанесённая «гендеру», станет самым главным преступлением, требующим сурового наказания.

Под запрет, так или иначе, попадут национальные традиции, религия, духовность, нормы нравственности и честь, традиционные роли мужчин и женщин, семейные ценности и установки.

Семья лишится своего суверенитета и получит обязанность доказывать, что в ней нет того или иного вида «насилия», сочинённого авторами Стамбульской конвенции. Это уничтожит конституционный принцип отечественного права — презумпцию невиновности.

К сожалению, сейчас мы можем наблюдать разнообразные признаки того, что в России активизируются запущенные извне процессы по изменению национальной идентичности, способствующие кардинальному слому общественной нравственности, замене поведенческих моделей и базовых установок.

Так, в марте 2017 г. правительством РФ была принята «Национальная стратегия действий в интересах женщин», создавшая в России новый политический субъект — феминизм, а также провозгласившая борьбу с ролью женщины как матери и хозяйки и установление приоритета прав женщин.

А недавно Минтруд заявил о готовности пересмотреть одинаковый во всём мире список из 456 запрещённых для женщин профессий, чего требуют феминистки в надежде занять за счёт «гендерных» квот руководящие, хорошо оплачиваемые должности в опасных отраслях.

В октябре прошлого года в Государственной думе была создана рабочая группа (в составе И.Родниной, П.Крашениникова и др.) под руководством депутата О.Пушкиной, которая анонсировала подготовку к скорому принятию во втором чтении «гендерного» законопроекта «О равенстве прав мужчин и женщин»; она также активно выступает и за принятие закона «О семейно-бытовом насилии».

В декабре в Общественной палате РФ прошла международная конференция «Гендерное равенство — революция или эволюция?», на которой главный советник Европейской службы внешних действий по «гендерным» вопросам посол Мара Маринаки призвала Россию подписать и ратифицировать Стамбульскую конвенцию, поскольку иначе «будет невозможно воплотить в практику такие фундаментальные европейские ценности, как «гендерное» равенство».

В январе 2018 г. Минздрав выпустил скандальный приказ о введении ускоренного (в течение 30 дней) порядка изменения пола для любого желающего. А в мае Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) совершила очередную понятийную революцию: приняла новую редакцию Международной классификации болезней (МКБ-11). Важно, что в 1990 г. предыдущая МКБ-10 вывела гомосексуализм из разряда болезней, а МКБ-11 — сделала просто «видами сексуального

здоровья» все остальные извращения, например, фетишизм, трансвестизм, транссексуализм, садомазохизм и др.

Трансгендером можно будет стать с 5 (!) лет, а «противоположный пол» и «анатомический пол» теперь заменят на «приписанный при рождении» и «ассоциируемый» пол (в том числе, «третий» и т.п.).

Российский Минздрав в преддверии МКБ-11 также подготовил проект приказа, где сексуальные отклонения в качестве «новой нормы» будут переданы от психиатров сексологам, для работы которых создадут широкую сеть профильных кабинетов, оснащённых перечисленными в приказе «секс-игрушками», которые пока продаются только в «магазинах для взрослых».

Также особую тревогу общества вызывает размещенное на сайте Уполномоченного по правам человека в РФ интервью Татьяны Москальковой о том, что Россия должна присоединиться и ратифицировать Стамбульскую конвенцию, и что она сама уже получила предложение войти в рабочую группу Совета Европы по подготовке принятия Россией этого документа.

«Фундаментальные европейские ценности», к срочному принятию которых призывает нас госпожа Маринаки, уже привели Европу к нравственному коллапсу, который совершенно очевиден. Так, Германия официально ввела третий пол. Там же «трансгендер» впервые возглавил батальон бундесвера. Британский МИД обратился в ООН с просьбой заменить в документах организации термин «беременная женщина» на «беременный человек».

В Европе и США в качестве новой нормы навязали так называемый «язык вражды», *hate speech*: запрещается, к примеру, называть гомосексуалиста тем, кто он есть, говорящий подвергается стигматизации, обвинению в гомофобии и наказанию за них.

Также если кто-то захочет назвать человека с сексуальными отклонениями представителем не того пола, который он «внутри себя выбрал», это становится насилием, которое должно быть строжайшим образом пресечено. В Англии правительство выпустило указ о том, что школьный персонал должен обращаться к ученикам-трансгендерам, используя местоимение «zie», чтобы не нарушать «Акт о равенстве», а канадский сенат принял закон № С-16 о реформе «полового языка», запрещающий обозначать пол человека по внешним признакам.

В Канаде также приняли закон №89 «О поддержке детей, молодежи и семьи», наделяющий государство правом вме-

шиваться в отношении родителей и детей в «вопросах секса, сексуальной ориентации, гендерной идентичности и гендерного самовыражения», а в случае несогласия родителей с навязанными агрессивной пропагандой нетрадиционными увлечениями детей, лишать их прав на воспитание.

Всё это — закономерный результат реализации таких правовых инициатив, как модельные законы — «О равенстве прав мужчин и женщин» и «О семейно-бытовом насилии» и объединяющей их «Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье» (Стамбульская конвенция).

Подобные законы направлены на разрушение семейных, культурных и духовно-нравственных ценностей, что противоречит «Стратегии национальной безопасности РФ», которая называет традиционные ценности объектами национальной безопасности, подлежащими защите государства.

К счастью, в России есть здоровые силы. Так, в октябре на заседании Госдумы представители МВД предложили ужесточить наказание за пропаганду педофилии и гомосексуализма среди детей и ввести уголовную ответственность за неё для того, «чтобы сохранить поколение».

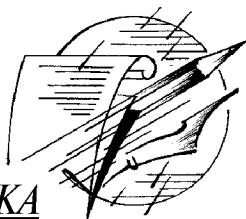
А вице-спикер Госдумы Ирина Яровая выступила с критикой «гендерного» равенства, которое привело к тому, что «на самом деле положение женщины в обществе девальвировалось», и на Западе это привело к тому, что у них появился «беременный человек»; а также высказалась в поддержку сложившихся в России обычаев.

Правильно понять истинные цели «гендерных» инициатив помогает, в частности, размещённое в марте на сайте ООН заявление Генерального секретаря Антониу Гутерриша, который сказал, что «гендерное равенство — это вопрос власти, которую не отдают добровольно, а отбирают».

Борьба с насилием — не новый для человечества призыв: когда-то нас уже призывали разрушить «весь мир насилия», но в результате успешно разрушился именно мир, а насилия прибавилось стократ.

ГОРСТИ ТАЛЫХ ВИШЕН

Кемеровский пожар обнажил изнанку российской действительности, заставил снова говорить и думать о неудобных и порой щекотливых вопросах. И дело не только в безопасности торгово-развлекательных центров. Главное, что в очередной раз и предельно броско обратило на себя внимание — это отношение к человеку в России. И, следует признать, «человек» в нашей стране звучит сегодня жалко. Человек поставлен в такие условия, что остаётся только жалеть его и сочувствовать ему. Конечно, есть и очень неплохо устроившиеся счастливики. Но речь пойдёт о рядовом гражданине Российской Федерации, на чью долю достаётся непрекращающаяся борьба за существование. Мало того, что человек оказался в заложниках у бизнеса, который почему-то нельзя «кошмарить», но который при этом вынуждает покупать плохие продукты и поддельные лекарства, пользоваться доисторическим транспортом или бродить по торговым лабиринтам, не имеющим запасных выходов и гарантирующим верную погибель в случае чрезвычайных происшествий. Так ещё и государство, как «аппарат насилия», прибегает к этому самому насилию чуть не на каждом шагу.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Говорят, правда, будто граждане России пользуются невиданными прежде свободами. Но свобода в том смысле, как о ней принято говорить, есть, во-первых, фикция, а во-вторых, на поверку оказывается именно политическим и общественными отношениями? А как ещё можно назвать коррупцию, благодаря которой государство не в состоянии оградить граждан от произвола бизнеса, от тех самых ядовитых продуктов и лекарств, от убивающего транспорта и потенциально опасной торговли? Как если не насилием называется самовольное и диктаторское решение государства выращивать из граждан «квалифицированных потребителей»? Ведь гражданам не оставили никакого выбора, никакой, с позволения сказать, свободы. И вот маленький человек приходит в школу получить образование, приобрести необходимые знания и навыки для дальнейшего профессионального и личного роста, но вместо этого его натаскивают бояться и ненавидеть СССР, читать вывески и подсчитывать остаток средств на кредитной карточке.

Разве не насилие, что государство молчком разделило граждан на плебс и аристократию, не спросив предполагаемый плебс о желании и согласии и не поставив никого в известность? А как называть навязанную форму капитализма, при которой потребление — не что иное, как способ эксплуатации? Торгово-развлекательные центры или, как их еще называют, моллы есть сегодня почти во всех городах России. Они есть и по всему миру. Яркие, зачастую иллюминированные коробки встречают посетителя светом витрин, несмолкаемой музыкой и ползущими из «ресторанных двориков» запахами. Порой, как в случае с «Зимней вишней», молл похож на маленький город. Торговля всем и вся, детские площадки, бассейны, фитнес, кино, зоопарк... Иллюзия красивой и беззаботной жизни, имитация роскоши и благополучия — всё это преследует одну цель: заставить почувствовать полноту жизни при отсутствии оной и отдать за ложное чувство заработанный рубль.

Но фаст-фуд — дешёвая, быстрого приготовления еда из «ресторанных двориков» — неумолимо и неизменно пахнет бедностью, точно разоблачая скрытую суть ТЦ. Бедностью пахнут попкорн и гамбургер, шаурма и сосиски с кетчупом, жидкий кофе навынос и картошка фри. И смешанный запах этот, как неистребимый запах перегоревшего масла в дешёвых ресторанах, пропитал всю Россию. Кемеровская «Зимняя вишня» стала своего рода символом. Символом надругательства не только над кемеровчанами, но и над всей страной. «Зимняя вишня» — это не просто халатность и безответ-

ственность, продажность и алчность. Это отношение хозяев жизни к плебейам, чьё существование скрашивается нехитрыми развлечениями и простецкой закуской. Именно для России в большей степени характерно размещение торговых-развлекательных центров — центров хлеба и зрелищ — на месте бывших промышленных предприятий и научно-исследовательских центров. Разве не насилие, что место труда и мысли заняли торговля и потеха — ярмарка и балаган, другими словами? Вместо созидания и труда, вместо развития и роста — нездоровая пища и отупляющие развлечения, пустота, испепеляющая и душу, и тело.

Государство не просто безразлично относится к жизни и безопасности граждан, оно всемерно и целенаправленно подавляет человека, работая над превращением его в тупого и довольного жизнью потребителя. Над этим трудятся школа и телевидение, кино, театр и литература. Тому же способствуют и условия досуга, ограниченные для многих пресловутыми ТЦ. Насильственное производство потребителей идёт полным ходом с риском для жизни и постоянными потерями. Но это никого не останавливает и ни на что не влияет.

Когда президент говорит о необходимости «стремиться повышать и наращивать», о потребности совершить технологический рывок, невольно удивляешься: кто же будет совершать этот действительно в высшей степени необходимый рывок? Ведь как пишут сегодня многие исследователи, капитализм входит в новую эру, когда главную роль играют не промышленность и даже не финансы, а технологии. Причём речь идёт не только об информационных технологиях. В ведущих западных университетах, превратившихся в подобия советских НИИ, то есть помимо образования занимающихся исследовательской работой, ведутся успешные исследования в области биотехнологий, робототехники, создания принципиально новых материалов, 3D печати и пр. На базе этих университетов и складывается новая экономика. Кстати, не так давно Джон Холдрен, возглавлявший в администрации Б. Обамы Департамент науки и технологий, высказывался в том смысле, что современная американская наука во многом обязана конкуренции США с Советским Союзом. На Западе уже появилась новая технологическая элита, которую, в отличие от промышленной и финансовой элиты, называют нетократами. Многие сегодня уверены, что за нетократами будущее и что именно им предстоит осуществить новую технологическую революцию. Попросту говоря, за технологиями — будущее. Кто производит сегодня технологии, тот и правит современным миром.

В докладе Токийского университета и Европейского Центра оценки технологий «Технологическое развитие 2025» сделан вывод, что в мире на сегодня существует двадцать четыре важнейших технологии и что новую технологическую революцию суждено осуществить обладателям всех двадцати четырёх. В докладе также отмечено, что США обладают 21 технологией, Япония — 17, ЕС — 14, Израиль — 9, Южная Корея — 8, Китай — 7, Россия — 4. Судя по этим цифрам, для совершения технологического рывка в России нужно что-то вроде технологизации — по аналогии с индустриализацией. Да вот беда! Школьная база для инженерного образования сокращается. Школьников, могущих предъявить результаты ЕГЭ для поступления на инженерные специальности, становится всё меньше. Профессор, заведующий кафедрой геометрии и топологии матфака Петрозаводского государственного университета Александр Иванов рассказывал о случаях, когда на пятьдесят бюджетных мест, выделенных на инженерные специальности, набирали всего лишь пять человек. А больше и не было никого. В пору единого образовательного стандарта все сдавали одинаковые экзамены. Но сегодня базовый ЕГЭ по математике в 11-классе предлагает решить такие, например, задачи: установите соответствия между величинами и их возможными значениями: к каждому элементу первого столбца подберите соответствующий элемент из второго столбца.

Вес взрослого человека	8 т
Вес грузового автомобиля	5 г
Вес книжки	65 кг
Вес пуговицы на одежде	300 г

Те, кому посчастливилось окончить советскую школу, помнят, как изучали в 10-м классе интеграл и матрицу. Вероятно, именно по этой причине в Силиконовой долине работают более 350 тысяч русских инженеров, биологов, программистов и пр. При этом русскоязычная диаспора является одной из самых высокооплачиваемых. Кроме того, русские разработчики трудятся в Европе и Южной Корее, а немногие молодые специалисты, сдававшие не базовый ЕГЭ по математике, тоже частенько предпочитают заграничные лаборатории отечественным.

Научившись сравнивать книжки с пуговицами, невозможно осуществить технологический рывок. В советское время такие навыки обрекли бы на карьеру сторожа или уборщицы. Сегодня — гарантируют квалификацию потребителя с

увлекательным досугом в любом из моллов большой страны. То есть обрекают людей быть плебсом, служить сильным мира сего. А кроме того, создают образ России как страны технологически отсталой, с плохим образованием и отсутствием перспектив для развития. Между прочим, именно такого мнения придерживаются о нас «бывшие братья» — украинцы, белорусы, казахи... Конечно, с одной стороны, пусть думают, что хотят. Но с другой-то — не так уж они и не правы. Главное, что отняли у России после 1991 г., — это возможность полноценного развития. Развития как страны в целом, так и каждой личности в отдельности.

Говорят, что в политике главное — имидж. Именно имидж делает страну привлекательной на международном поприще и позволяет побеждать в информационных войнах. Сегодня отечественные СМИ уверяют, что Россия выигрывает информационную войну у Запада. Но тут выходит Борис Джонсон и заявляет: *«Университет Кембриджа один получил большее число Нобелевских премий, чем все университеты России и Китая, помноженные на два. У нас самая яркая и динамичная культурная среда с одним только Британским музеем, привлекающим больше людей, чем целых десять европейских стран. <...> Они создают “Новичок”, а мы создаем световые мечи. Первое — ужасное оружие специально для убийства, второе — вымышленный реквизит, который странно гудит. Но какое из этих орудий более эффективно в современном мире? Какое принесло больше пользы для экономики? Какое поразило воображение трёх поколений детей и заработало миллиарды? Какое из них можно подарить, а какое можно только презирать».*

Можно, конечно, смеяться, но нельзя не признать очевидного: Джонсон говорит не от себя, он озвучивает главный тезис информационной войны Запада против РФ: Россия — страна агрессивная и отсталая была, есть и будет. И что же делает наше государство, чтобы изменить имидж страны? Может быть, не упускает случая напомнить о былых достижениях российской науки? А может, восстанавливает НИИ или открывает лаборатории при университетах, куда тянутся специалисты со всего мира? Ничего подобного. Никто в мире и не вспомнит, что электрическая лампочка, телевидение, видеомагнитофон, вакцина от чумы или атомный ледокол появились благодаря русским учёным и инженерам. О современных же достижениях российской науки и вовсе никто не знает.

Конечно, о скандальном Сколково или не менее скандальном Роснано слышали все. Но тем не менее в списке стран, обладающих важнейшими технологиями, Россия сегодня отнюдь не лидирует. Да и присутствует в этом списке не ина-

че как благодаря советскому прошлому. А вы-то, нынешние, что сделали, чтобы выиграть информационную войну, изменить имидж страны, сделать её привлекательной, совершить технологический рывок?.. Дайте ответ! Не дают ответа...

Можно задаться вопросом: при чём же тут «Зимняя вишня»? События в «Зимней вишне» в очередной раз и очень громко заявили о государственном насилии в России, о политике, убивающей тело и топчущей душу. О том, что не бизнес, а самый обычный, рядовой гражданин России подвергается постоянному насилию, что человек в нашей стране унижен, попираем и обрекаем на незавидное положение.

К тому же обычный человек нуждается в организующей и направляющей силе. Вполне естественно, что в огромной и разнородной стране, каковой является Россия, государству необходимо либо самому выступать в качестве подобной силы, либо отслеживать, как это делают другие. Ведь чем больше таких сил в обществе, тем сильнее общество расколото. Это состояние раскола почему-то принято называть свободой и выставять как величайшее благо.

Но возможная человеческая свобода — это жизнь вне узилища и вне произвола сильных. Более того, человек и не склонен к той свободе, о которой рассказывается на каждом углу. Большинство людей достаточно инертны и нуждаются в вожаках и лидерах, в предложении вкусов, идей и мнений. С этим связана ещё одна ложь — об отсутствии якобы идеологии в современной России. Прописанной идеологии, может, и нет. Но она неизбежно задаётся исподволь, когда от наиболее активных идеи передаются наименее активным, ждущим внешних импульсов. А рядовому человеку импульс необходим. Движение и развитие такого человека обусловлено тем, кто и в какую сторону его подтолкнёт и поведёт. Отсюда, например, сегодняшняя убеждённая воцерковлённость вчерашних партийных активистов.

Разные общества подчиняются разным импульсам. Вот почему в одном случае можно наблюдать энтузиазм и созидание, в другом — толерантность и защиту меньшинств, в третьем — неприкаянность и бесцельное существование. Всё это предлагается обществу властью или с попустительства власти. Думается, что и Сталина вспоминают всё чаще не столько из-за порядка и жёсткой руки, сколько из-за того импульса, который его личность, его власть сумели дать большинству, организовав и направив человеческие атомы. Нынешняя власть к такой организации, по тем или иным причинам, оказалась неспособна. Потому и человек в нашей стране брошен, незащищён и неприкаян.

СОБАЧЬЯ БУДКА

РАССКАЗ

Не сказать, чтобы я равнодушно относился к кошкам и собакам. Претит преувеличенное пристрастие к живности, показное единение человека и зверя. Будь человек и зверь так единоклюбны, не появлялись бы в трущобах города стаи одичавших кошек или банды преданных, выброшенных на улицу псов. Просто всякая тварь должна быть на своём месте. Охотничьей гончей плохо в городской квартире, как и серенькому кошаку, коему надобен тёмный подпол, где можно словить юркую мышь. Голубоглазая нежная кошечка не должна спать в семейной постели — но на коврик у двери, а могучий дог со стальными клыками да обретёт достойный угол на хозяйском подворье. Как и дворняга не может тосковать на балконе пятиэтажки, а должна поселиться в деревенской будке.

И не знаю ещё, может ли собачья будка служить источником силы, быть одним из мест её пребывания. Тем более, что её обитатели, кроме последнего, давно покинули этот свет, а от самой будки остался лишь проржавевший кусок крышки с не-

ПРОЗА

сколькими истончившимися кривыми гвоздями в ней. Даже той шестидесятилетней дворовой ракиты, под которой будка располагалась, несколько лет как не стало. Но именно с обитателями будки связано много живых воспоминаний, потому будка под ракитой во дворе деревенского дома и отпечатлелась в памяти, как знаменательное место.

...Начальницей будки была моя мать. Она десятилетиями заселяла её псишками мелкотравчатой породы, попеременно именуемыми то Шариками, то Тобиками. Мелкотравчатыми потому, чтобы легче прокормить: что сама ела, то и псам давала, плюс тюря или размоченные в воде хлебные ломти. Собаки безропотно употребляли из алюминиевой мятой миски и борщи и супы, и рыбы головы с хвостами, а более всего рады бывали куриной косточке или свиному ребру.

В деревне собака необходима. Деревенский пёс — живое существо, более понимающее хозяина, чем другие обитатели двора. Его соратник и сожитель. Одинокому хозяину не так тоскливо длинными зимними вечерами, если знает, что за стеной избы стучит сердце верного товарища и зоркие его глаза из глубины будки буравят дворовую тьму в ожидании опасностей. Второе дело пса — служить позвонком. Чуть произошли подвижки в атмосфере деревенского покоя, залетела на ракиту наглая трещотка-сорока или стукнул в ворота почтальон — нужно подать хозяину голос, привлечь его внимание, пробудить от спячки. Утром пёс удовлетворённо попрыгает у будки, натягивая цепь, всем видом выражая сдержанную радость при виде владыки его мира и жизни, вышедшего на крылечко: значит — всё на своём месте, ничего не изменилось, можно жить дальше.

Один общий признак свойствен собакам — верность хозяину. У дворового пса верность — высший смысл его служения. Случается, хозяин без совета с псом покидает этот мир — и по собачьему сердцу проходит трещина. Его должность остаётся неизменной и у нового хозяина, быть сожителем и позвонком, но никто и ничто не сможет заменить его привязанности к прежнему хозяину, умалить его верное достоинство. Смысл существования дворового пса усекается, а глаза его иногда заплывают непонятной влагой.

...Один из псов достался матери почти взрослым. Прижился к конуре плохо, двор не считал своим и вообще отличался унынием и нетерпимостью. О таких говорят — «злойный». Злоба сама по себе для дворового пса не отрицательное качество: на внешнюю агрессию собака должна отвечать готовностью порвать супротивника в клочья — и злобность тут к месту. Но этот Тобик был как-то неумно, бессмысленно злобен.

На летние каникулы к хозяйке приезжали гости, и одна из внучек, пробегая по утрам мимо конуры за угол сарая к туалету, не забывала сунуть палку в зубы псу. Тот забивался в конуру, рычал, сверкал глазами, выскакивал, хватал палку и даже делал угрожающие прыжки в сторону малолетней глупышки. Видно, у прежних хозяев его дети дразнили палками щенка сызмальства и воспитали в нём ненависть именно к детям. Бабушка отчитала внучку, но той было не впрок. Мой младший брат Володя как раз подъехал на мотоцикле навестить мать, когда собака сорвала цепь, бросилась на ребёнка и искусала руки и лицо.

Дворняга не должна нападать на ребёнка, а если это случилось, значит — что-то сбилось в собачьих «настройках» и раздражение от детской шалости взяло верх над внутренне свойственному собаке запрету на агрессию против детей. Ребёнок, скажем, сделал вывод об опасности своих забав, но дворовая собака не интеллектуал, она впадает в капкан двойственности, не имея смирения.

Эта собака — пропащая, не годится даже на роль дворняги. А «процесс» отбраковки прост...

На верстаке в сарае Володя нащупал молоток. Один удар прекратил собачьи мучения...

...«Последний» материн Шарик был глумковат. Саша из Стремоуховки, муж материнной племянницы Лены, привёз его от избытка помёта, когда двор оставался без надзора дворняги. Он возбуждённо сопел, лез со всеми обниматься и вовсе не гавкал. Точнее, не видел объектов облаивания. Ну, на воробьёв тявкнуть, на сороку. И что ему сорока, что он — сороке? Вырос кривоногим, каким-то раскоряченным, необыкновенно подвижным, оделся темно-живописной блестящей шерстью, отцветивающей рыжими подпалинами... Вырос, но разума не нашёл.

После смерти матери я перевёз его в Курск, сколотил новую конуру во дворе частного дома. Шарик обжил её с покорностью и чуть не с равнодушием, будто эта будка была в его жизни не последняя. И точно оказалось. С соседней улицы дважды приходил паренёк лет семи-восьми, спрашивая робко, но настойчиво — не откажемся ли мы от собачки. Его бабушке как раз нужна была во дворе собака, а съездить на центральный рынок и приглядеть себе кандидата в кошачье-собачьем ряду, где живность отдавали даже просто в хорошие руки, он не догадался. Мне же приходилось покидать городское жилище, и я часто просил знакомых хотя бы один раз в день покормить пса. Так что третий визит того паренька увенчался успехом. Ша-

рик, бодро подпрыгивая, переместился на коротком поводке на новое место жительства, в другую конуру. Похоже — в последнюю, ибо ко двору прилагались, судя по всему, и хорошие руки...

Но остановиться с подробным повествованием хотелось на предшественнике Шарика, небольшом, неприметном псе Тобике, обычной дворняжке серо-пегой масти, с живыми глазами карего цвета. Тем более, что и наш двор со своего первого дня оказался ему не чужим... Прошло немало лет, сменилось в будке на дворе несколько собак, а теперь и вовсе их не стало. О каждой дворняжке вспоминается что-то одно, особенное, но легко вспоминается лишь о Тобике.

...Решил я однажды навеститься на велосипеде в Викторовку, сельцо о двух оставшихся у железнодорожной развилки домах казарменного типа. В этом сельце, что в двух шагах от станции Артаково, родился мой одноклассник Гриня Савченко, мастер спорта по лёгкой атлетике, знаменитый в округе тем, что пронёс по нашему шоссе факел с огнём на встречу Московской Олимпиаде 1980 года. Лёгкий участок эстафетного пути имел для Грини тяжёлые последствия. Все захотели выпить с ним водки, и бремя славы пригнуло его к рюмке, что часто случается в этом мире. Одноклассник боролся с недугом и временами побеждал его, скрываясь от доброхотов в родном углу. В один из таких периодов мы и встретились под сенью яблони в саду.

То да сё, в пылу воспоминаний о школьном детстве спросил я о щенке мужской породы, потребном матери для охраны опустевшего двора: не знает ли Гриня, где такого взять? «Да вот же он! — Гриня нырнул в сараюшку у дома и на ладони вынес из её закутков вполне себе щенка. — У соседки сука ошенилась, не знает, куда девать». К новому месту обитания щенок перебрался в сумке, притороченной на руль велосипеда.

То ли место обитания ему не глянулось, то ли кличка Шарик, то ли мать кормёжка, но пёс вырос худеньким, мелким, размером с обшлаг телогрейки, не оправдывая своего прозвища, капризным до приторности и чрезвычайно плаксивым. Не нравились ему ни цепь, ни конура, ни двор с постылой хозяйкой. И всегда он — даже среди ночи — подаст о себе нудный голос, раскричится, расстонется о несправедливости судьбы. Часами, захлёбываясь от раздражения и возмущения, мог лаять вслед пролетевшему утром воробью. Ни увещевания не помогали, ни наказания даже; не проявилось в нём привязанностей и заметных привычек — только

стон и суетные жалобы от него и услышишь. То есть он доказал полную бесполезность в своей роли. Не дворняга, а чудо заморское.

Хозяйка дальновидно спускала псов с цепи, чтобы те ночью сходили по своим кобелиным делам, не привлекая ко двору скандальных последствий. Потому и заводила кобельков, а не сучек, чтобы не иметь забот с помётом. Пёс под утро возвращался на место своей силы, в конуру, и морда его, лежащая на порожке убежища, выражала полное удовлетворение. Так же она поступила и с Шариком. И этот единственный случай имел-таки для двора последствия: грустные или радостные — другое дело...

...Мать, конечно, обратила внимание, что Шарик на какое-то время поутих жалобой, приглушил стоны, но не придала тому особого значения. И напрасно. Иначе заметила бы, что ко всему прочему на прежних харчах Шарик стал непредусмотренно толстеть. А щенячий писк из конуры ранним утром поверг её в столбняк. Стала гадать, откуда Шарик приволок щенка — и зачем? Чтобы скрасить одиночество?

Всё оказалось проще некуда. Гриня не посмотрел под хвост щенка, схватив в сарае первого попавшегося, мы с матерью поверили, что в нашем дворе поселился кобельёк. А природу не обманешь. Не сбавляя стонов, Шарик... то есть, не знаю теперь, как и назвать — кормил дитя, проявляя необыкновенную прожорливость, до тех пор, пока щенок, которого мать по своей привычке уже окрестила Тобиком, не стал выбираться из конуры на свет Божий и не освоил двор. А поскольку замена вступала в строй, мать приказала вернуть незадавшегося Шарика обратно.

Гриня не стал оправдываться и привязал блудную дочь своей соседки к яблоне. Как он объяснил, собачка, которую мы называли обидным словом Шарик, была дочерью французской болонки, но не рассказал, как та очутилась на краю цивилизованного света в Богом забытой Викторовке. Может быть, отстала от проходящих через Артаково пассажирских поездов? Плохо понимая наследственность в собачьей области, я догадался, что потомка изысканных галльских комнатных псин переместила в захолустную деревенскую конуру. Которую она восприняла, как наказание — и противилась ей с тоской и иступлённой капризностью. Мы же с матерью, не зная её породы, не поняли и её судьбы — служить живым украшением хозяев.

Тобик, прирав разбавленную деревенскими дворнягами кровь и тем самым приобщив душевно-тонкую галльскую породу к деревенской нужде, обжил и опустевшую после изья-

тия своей матери конуру и просторный двор. Настала минута, когда его нужно было сажать на цепь. Из цепей, висевших на стене в сарае, я выбрал самую лёгкую. Подогнал под тоненькую детскую шейку мягкий брезентовый ошейник, замкнул металлическую дужку на карабин цепи. Пёс попрыгал, пометался, натягивая цепочку, впервые прочувствовав ограничение свободы. Поплакал. Правда, плакал недолго — дня два. Ныл, скулил, постанывал, иногда рьяно взлаивал — но ничего поделать не мог. А потом признал цепь, как собачье бремя — и это было правильное решение.

Такое же правильное, как и признание хозяйки владычицей двора и повелительницей его маленькой жизни. Вот эту невысокую полную женщину в преклонном возрасте с покрытой пёстреньким платком головой отныне нужно было считать центром Тобикова мира. С ней у Тобики установилась прочная и долговременная связь. Наступило и полное взаимопонимание. Если утром после сна мать выйдет во двор, то обязательно поздоровается с ним, а пёс ответит бурным прыганьем на пружинисто натянутой цепочке. И уходя в дом на ночь, попрошайтается с ним взглядом, а Тобик, должно быть, с грустью вздохнёт в ответ: спокойной ночи, старая, я тебя посторожу. Если хозяйка днём выходит редко, значит, неможется ей, и Тобик тогда долго и озабоченно рыскает взад-вперёд у конуры, дожидаясь светлой минуты её выздоровления.

Стала мать различать и Тобиковы речи. Если пёс гавчит и поскуливает — значит, пить хочет. Бодро потягивает — газету принесли и сунули в щель забора. Лающее ворчание — на соседа, прошествующего по улице мимо двора. Раскатистый звонкий лай — на незнакомого гостя у ворот. Попусту Тобик не голосил. Мать исправляла его извещения и принимала к сведению его доклады. Так что они с матерью находились на месте своей силы.

Постепенно проявился и характер пса, исполненный беззлбия и сокрушительного добродушия. А первым этот характер понял кот Васька. Зимой мать впускала его в дом погреться у тёплой печки, безлимитно кормила, но на ночь таки выгоняла во двор, поскольку кот был несдержан в отправлениях, проситься на улицу не привык, а впотьмах мог нагадить по всем углам. Мать же того не принимала на дух и кляла его неотступно: «Жрёшь больше человека, а не знаешь, куда можно ходить, куда нет». Васька, искупая недостатки, добросовестно ловил мышей в сарае и во дворе, но мать не меняла своего к нему отношения. Коту, если не ночевал на тёплой навозной куче за сараем, оставалось лишь за-

сесть нахохлившимся истуканом на верху забора как раз над собачьей будкой, наблюдая за подрастающим щенком. Ему сменили тонкую цепь на толстую, «взрослую», и насобачили новый, кожаный, двойной, прошитый суровой нитью ошейник. И однажды, что-то постигнув вещим своим нутром, кот презрел устоявшееся суждение об исконной вражде кошек и собак, спрыгнул на почву реальной обстановки, вошёл в будку и бестрепетно разлёгся на Тобиковой жилплощади. Дворовый порядок, однако, от этого не рухнул.

Более того, Тобик встретил его выходку приветливым помахиванием хвоста, а потом и сам стал подлегать сбоку Васьки. И часто смурыми морозными ночами они коротали время, согревая друг друга... Стерпелось у них на годы, до той поры, когда коту настал его срок.

Летние гости, также подрастая, поменяли манеру общения с собаками, вежливо называя Тобика по-французски месье Тобиасом, а если кто и сунет тайком по старой привычке в конуру палку, пёс приветствовал её как элемент игры. Его невозможно было разозлить или вывести из себя. Хозяйкины внуки иногда отвязывали его от цепи, и он, радостный, шумно дыша, суматошно носился по двору за мячиком, который дети перекидывали друг другу. Если ему везло, он хватал его в пасть и с торжеством поглядывал на играющих: дескать — а вот и я! Кто-нибудь из детей мячик у него со смехом отбирал, и Тобик скалился в довольной глупой улыбке.

...Век дворовой собаки 10-15 лет. Пёс живёт на свежем воздухе и выводить на прогулку его не нужно. Недостаток движений он восполнит бодрым рысканьем на длину цепи, по набитой до каменистой жёсткости дуге около будки.

Круг у будки мал. На неё не ополчается мировое зло, но заливают вселенские дожди, превращая территорию вокруг будки в скользкую грязь; воют осенние ветра с засекающей будочный лаз острой крупкой; свищет пурга, погребая снегом двор вместе с собачьим убежищем. Она не вечна, будка-то. Дерево ветшает, лаз выкрашивается цепью, оцинкованная жёсть будочной крыши постепенно истончается и начинает пропускать воду. Её приходится восстанавливать или заменять. Пёс обживает жильё с новыми деталями, сперва облаивает незнакомый порожек, потом ворочается в деревянном нутре, привыкая к запахам освежённого жилья. В морозы укрытие спасает от пронизывающего ветра, радиатором же отопления в ней служит собственная внутренняя энергия плюс малогабаритный Васькин калорифер. Но от летнего зноя и в ней не скроешься, приходится рыть лёжки между прохладных корней ракиты и в них прятаться.

Как-то я решил в изнуоряюще жаркий день искупнуть его в пруду. Думал, развеется, поплавает, полюбит водную процедуру. Проведает заодно окрестности, разузнает бугры и лошины, побегает по столетним рвам обваловки барских угодий, ещё не заросших крапивой и лопухами. Но не тут-то было. Тобик упёрся в землю всеми лапами и хвостом, тормозил когтями изо всех сил, выпучив глаза, и близко к воротам не позволил подтащить, не говоря уж о пределах двора. Так страшился покинуть его границы.

Даже отрываясь иногда от цепи, он стремительно обследовал дальние дворовые углы, залетал и в сарай, но ни разу не выбежал на улицу или в огород, хотя все ворота и калитки были открыты. Он оставался верным рыцарем деревенского двора до последнего дня. Кроме одного исключения, к которому я ещё вернусь.

В его крохотном круге у будки были нестерпимы внешние перемены. Уж как Тобик обтягивал новый столик на дубовых столбах, вкопанных у забора, гневно тянулся к нему передними лапами и даже подгрызал широкую доску столешницы с краю, но гости хозяйки считали важным делом попить на нём чайку в тени ракиты. «Зачем это? — будто жаловался Тобик, указуя лапой на неуместное, с его точки зрения, новшество. — Уберите!» К нему не прислушались — и пёс нехотя смирился. Тем более, что и цепь ему укоротили на несколько звеньев.

Был у него грех — куриные яйца воровал. Когда срывался с цепи — а ни одна цепь не вечна: либо сгнивает звено, либо развинчивается вертлюг на карабине, либо попросту перетирается — тут же нырял в курятник к гнёздам под испуганный наседкинский гвалт цапал зубами тёплое только что снесённое яйцо и глотал его вместе с хрустящими черепками скорлупы... Если бы были сложены молитвы за животные грехи, то первой можно было бы в защиту Тобика прочесть эту — за плотоядие. Тем более, что пищевого белка в материнном меню почти не перепало. Можно и так сказать об этом пристрастии: зверь в Тобике восполнял недостатки домашнего рациона.

Когда Тобик начинал у будки попрыгивать с передних лап на задние, восторженно повизгивая, значит, услышал за железнодорожным переездом, в полутора километрах от дома, знакомый звук мотоцикла моего брата Володи. Ни разу не ошибся. Володю Тобик любил. Володя и побеседует с ним, и за ухом почешет, и шерсть на загривке взлохматит, и вывалит у конуры горку привозных городских косточек. Тобик улыбочато скалился, вставал на дыбки и об-

нимал его передними лапами за талию — как брата. Дескать, только ты меня и понимаешь.

И у людей так же: больше любят тех, кого реже видят.

...Хозяйка осенью стала редко выходить во двор. Съехались на консилиум её дети решать, что удобнее матери будет перезимовать у того из них, кого сама выберет. Выбрала она ехать в Москву к младшей дочери. Одели её тогда в тёплое зимнее пальто, загрузили вместе с вещами в коляску мотоцикла, отвезли с предосторожностями на городской вокзал и посадили в пассажирский поезд. В Москве её должна была встретить дочь и отвезти к себе в квартиру на пятнадцатом этаже высотки.

О Тобике за хлопотами вспомнили только на следующий день. Выбор был невелик. В городскую квартиру дворнягу не возмёшь: она за зиму разжиреет без движения, развратится от безделья... Пристроили Тобика к дальним родственникам по линии покойного отца, поселившихся у самого железнодорожного переезда. Тем более что и своя собака на подворье у них была.

На стороне всяко хуже, чем дома, даже если не морили голодом и давали крышку над головой. Главное потрясение — исчезла неведомо куда владычица и повелительница, и пёс почувствовал себя брошенным. Собачий век обесмыслился и усох. Вторая роль на чужом подворье Тобику была непонятна. Охранять территорию он не должен. Неизвестные люди выносили ему еду и питьё, сгребали в кучку помёт. Делать им доклады об обстановке было не обязательно. Длина цепи не позволяла снюхаться с хозяйским псом или выяснить его намерения. Оставалось бездарно перегавкиваться, смиряясь с неизбежностью. И так до весны...

В городе мать попила нужных таблеток, накопила сил, а весной по теплу засобиралась обратно... Растопила остывшую за зиму плиту, сготовила обед, вспомнила о Тобике.

...Тобик меня, разумеется, узнал. Вильнул хвостом, позволил привязать себя к багажнику велосипеда и безропотно потрусил в пыльном облаке полевой дороге домой. На подворье он воспрял, несколько раз нырнул в родную будку и выскочил обратно, оживляя в памяти свои собачьи воспоминания. Одобрительно тявкнул и даже изобразил улыбочатый оскал.

На шум из дома вышла мать, остановилась посреди двора. Тобик её заметил, сделал к ней несколько быстрых шагов и замер. Мне на мгновение показалось, что он хотел броситься на мать, но передумал. Тобик смотрел на неё неподвижным взглядом, исподлобья, будто оценивая

сам факт её явления во дворе, в котором считалась она владычицей. Что-то странное происходило в собачьей душе. Если бы мать просто исчезла из его жизни, как это случалось и случается с сотнями и тысячами других собак, оставшихся без хозяев, он бы смог животным образом это пережить, отмучиться умиранием привязанности — и продолжил бы своё бессмысленное существование. Но если хозяйка неведомым способом снова появилась во дворе, то, получается, на эти минувшие полгода, равные проклятой, вчуже прожитой жизни, она его, Тобика, предала? «Как ты могла, старая?!» — читался в его глазах горестный вопрос.

И, хотя не я находился в центре Тобикова взгляда, мне стало тревожно и неудобно, а мать почему-то засумятилась, схватилась за сердце.

...Они, конечно, продолжали жить. Тобик по-прежнему исправно нёс службу, доносил хозяйке об обстановке, сообщал ей новости на своём языке, но не осталось в нём прежнего доверия. Как будто поугасло его горячее сердце, надтреснул звонкий голос. Пёс стремительно и необратимо повзрослел.

...Той тёплой малоснежной зимой мать позвонила из деревни по телефону и сообщила среди прочих известий: «Тобик пропадает. Заболел, ничего не ест». Мы с Володей съехали в деревню в один из дней. Что там было: то ли заражение крови, то ли клещевая инфекция? — а в эти годы у нас как раз и появились первые дальневосточные клещи — не знаю. Правая передняя лапа Тобики вздулась и стала походить на окорок. Наружная сторона культи стёрлась до мяса, под содранной на суставе шкурой блестяли нитки сухожилий, но пёс уже не чувствовал боли. В глазах его появилась тоскливая покорность. Мать сказала: «Отвезите к ветеринару, он укол сделает». Но и мать, и мы с братом понимали, что даже самый чудодейственный укол Тобику не поможет. Понимали, исходя из русского представления, что человек — как и собака — умирает не от старости и не от болезни, а когда созрел, поспел. Пospеть можно и в двадцать лет, и в девяносто, а болезнь тут лишь внешний, видимый признак спелости. Пришёл и Тобикив срок. Он *собирался*...

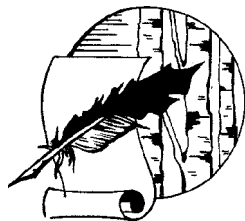
Мать отвязала его от цепи, сняла истрёпанный ошейник, и пёс забеспокоился. Цепь придавала его существованию смысл, приковывала к обязанностям. Тобик почуял себя не столько освобождённым, сколько ненужным — и в этой ненужности беззащитным. Но этим движением повелительно-

ца его жизни являла последнюю милость. Пёс должен не издохнуть на пороге конуры, прикованный к ней цепью, а выбрать час и место своей смерти...

Володя обнаружил его на следующий день напротив двора за деревенской дорогой, в заснеженном, заваленном травянистым хлусом рве, на границе бывшего дворянского владения. Во влажной мягкой земле брат молча выкопал яму, зарыл в неё волглое, изглоданное болезнью тело собаки, насыпал холмик и вбил колышек, обозначая место её последнего упокоения...

...Недавно прочёл у апостола Павла о твари, находящейся в рабстве тления, его слова о том, что, начиная с Адама, в падшем мире всякое животное с человеком «совокупно стесняется и мучится донныне», а освобождение его наступит со спасением человека... И опять вспомнил я о Тобике. Рассеялось в безмерном воздухе дыхание его, что хвалило Господа. Сотлела плоть. Человек по-прежнему приближается к спасению, и до освобождения стеснённой тлением собачьей души так же далеко.

Но будто навевает тем воздухом думку об этом псе, наследнике французских кровей, с виду — обыкновенной деревенской дворняге. Какой-то чуткий сторожок каждый раз вызывает из памяти картину давней детской игры в мячик во дворе у собачьей будки и Тобиков восторженно-глуповатый улыбочатый оскал...

Александр КОРОТАЕВ

БЕЗУМНЫЙ ВЕТЕР

МАРШ 9 МАЯ

В торжественном слове «Победа»
Звучат отголоски войны.
С солдатской гордостью деда
Я праздную подвиг страны.

Мой дед не любил эпитафий.
И слезы не лил в уголке.
Он строго глядит с фотографий,
Дымит папироской в руке.

Друг другу они поклянутся,
Три брата и две их сестры,
Во что бы ни стало вернуться
Живыми в родные дворы.

И каждого гладит старуха,
И шепчет, и плачет навзрыд...
А Бог или силища духа
Их всех пятерых сохранит.

Идя в штыковую, сражались,
Дожив до победной весны,
Они друг за друга держались
Как до, так и после войны.

И дед мой светился, сжимая
Пять пальцев в одном кулаке.
Победа Девятого Мая
Жила в его сильной руке.

Бессмертия воин достоин,
Навечно он передал мне:
Все павшие — это герои,
Живые — герои вдвойне.

ЖУРАВЛИ

Летят, летят над нами журавли,
Гонимые тревогами своими.
И я хотел бы полететь за ними,
Но мне не оторваться от земли.

Я так же, как журавушки, хочу
Окинуть взглядом русские просторы,
На миг забыть земные разговоры,
Обрадоваться первому лучу.

О, как люблю взлететь на косогор!
Упасть пластом, исчезнуть в землянике,
Почти не слыша дружеские крики
И дедовой гармонии перебор.

Люблю тебя, родимая земля!
Люблю встречать взлохмаченное солнце,
Греметь ведром у чистого колодца
И слушать, что расскажут тополя.

Безумный ветер гонит журавлей.
И, провожая песнями родными,
Я никогда не полечу за ними
И не покину родины моей.

И знаю, нет на свете той земли,
Где так бы, как в России, пели дали,
Где так бы, как в России, пролетали
Над всеми деревнями журавли.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Поверни же нас, Боже, к Белову.
Он-то знает, какие мы есть:
Сохранили рубаху мы снову,
Позабыли про совесть и честь.

Над Тимонихой — вечная драма.
Безутешен Белов по утрам.
И не спит его светлая мама.
И молчит восстановленный храм.

Что ж его беспокоит такое?.. —
Каждый звук его ранит и крик.
Что ж его не оставят в покое
Персонажи из собственных книг?

Превращаем в валюту пшеницу.
И крепчает военная мощь.
Мы нагнули уже границу.
Своему бы народу помочь!

Костью в горле беловская повесть...
Но — всё можно, и жизнь хороша!
Не болит беспартийная совесть.
И за ней отмирает душа.

Вдоль церковной обители древней,
От реки — молода и тиха —
Стародавний предатель деревни,
К самым избам крадётся ольха.

Зарастают поля и рельефы.
Предпоследний старик на крыльце.
Как ужасные грифы и грефы
Будут счастливы в самом конце!

На земле без хозяина — пусто.
Как безрадостно выглядит свет!
Предавать — это тоже искусство,
А в искусстве пределов-то нет.

* * *

Горит земля за тихим Доном.
Глаза на миг закрыть боюсь.
И каждый час в поту солёном
Боюсь: засну и не проснусь.

Пролёт меж нас, как меч на ложе,
Угрюмый Северский Донец.

Народ раздельно жить не может,
Стремясь к единству наконец.

Нас бьют в Славянске, бьют в Донецке.
Врываясь в наш зелёный двор,
Танк украинский, как немецкий,
Расстреливает нас в упор.

Грохочут в небе вертолёты
И БТРы на земле.
Доколь ещё пожить охота,
Всегда держи патрон в стволе!

Война! Куда ты нас погонишь?
И вновь по фронтовой пыли
Мы все бежим в Ростов, в Воронеж.
Куда бежим с родной земли?

Как свежесмытое блюдо,
В долине солнышко блестит.
Но нету повода вернуться
И нету мочи всех простить.

* * *

И в юность ходят поезда...
Сергей Орлов

Уходят в юность поезда.
И ты в одном из них, скучая,
Забеспокоишься: когда
Тебя напоят сладким чаем?

Терпи, когда под пятьдесят —
Здесь сладкого не предлагают.
И поезд мчит тебя назад,
Туда, где слёзы набегают.

Кусают те же комары,
Когда на станции выходишь.
Бежишь в знакомые дворы...
Но только юность не находишь.

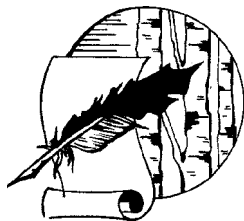
И смысл теряется искать.
В вагон запрыгиваешь, бредишь:

Зачем тебе назад опять,
Когда ты в будущее едешь?

На всём ходу, на всём скаку
Ты поравняйся с ветром быстрым,
Отлично зная на веку
Прогноз погоды в поле чистом.

Дай слово и его сдержи —
Не предавать и жить по-русски.
И будет в мире меньше лжи.
Весь мир вздохнёт от перегрузки.

г. Вологда

Александр ЛИСНЯК

ЗВЁЗДЫ ДВИЖУТСЯ ПО КРУГУ

БОЛЬШАЯ ТАЙНА

Такие грянули морозы!
Такая снежная картечь,
Что мне уже без доброй дозы
Тепла в душе не уберечь:

До русской печки бы добраться,
В край отчий косточки б донести...
Прости-прощай, пииты-братцы, —
Махну в завьюженную весь.

Пустует берег на Девице,
Умолкли птицы до весны
Но у сельчан сердца и лица
Всегда открыты и ясны:

«Давненько что-то!..
Здравствуй-здравствуй...»
И вот в простуженной избе —
Угля и дров. И снеди разной!..
«Растапливай пока и празднуй,
А вечерком — мы все к тебе...»

Не потому ль мне мил доселе
И белый свет, и старый дом...
Ну что ж: и выпьем для веселья!
И чашу горькую — допьём.

Переживём зане ненастья
Народ мой, Родина, родня.
Но вот за что мне это счастье —
Большая тайна для меня.

ВСТРЕЧА

По склонам — голубой цикорий,
Небес весенних голубей.
Спешит мальчишка тропкой в гору,
А я спускаюсь вниз по ней.

От встречи никуда не деться,
Но он не знает до поры,
Что нужно было бы взглядеться
В лицо идущего с горы...

ПРО БАНАЛЬНОСТЬ

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
Павел Коган

Уж как сложилось с давних пор —
В природе, Богом сотворённой,
Люблю лишь красный помидор,
А огурец люблю зелёный.

Мир естества — души оплот.
И гордцам науки в пику,
Пусть пахнет дыней жёлтый плод,
А земляника — земляникой.

Кому нужны почёт и лесть,
Тот может пыжиться и дуться.
На грушу за укропом лезть —
На землю можно звездануться.

Пока до страшного суда
Не перевёрнута страница,
Как ни банальна красота,
А сердце только к ней стремится.

Шиповник ал, закат багров,
Любовник ждёт в ночи подругу..
И сколько не рисуй углов,
Но звёзды движутся по кругу.

НА ДОНБАСЕ

Кубок дружбы мною выпит
С этой дивной стороной.
Для меня она Египет,
Только очень уж родной.

В пирамидах терриконов
К солнцу льнёт копёр-жираф.
Но не встретишь фараонов —
У шахтёров резкий нрав.

Грубоваты по походке,
В душах голубь гнёзда свил,
Очи в угольной обводке,
Брови порох опалил.

— С автоматом парень бравый,
Попозируй на коллаж...
— Я горничил не для славы,
Не для славы взял «калаш».

— Что в глазах не блещет счастье,
Что, шахтарочки, смурны?
— Мы всю жизнь и ежечасно
Ждём мужчин своих с войны...

Задымились пирамиды,
Пали мёртвыми копры...
Ах, египетские виды
Пробандеровской поры!

Ах, египетские дали,
Непокой и уют:
Их на западе предали,
На востоке предают.

Пацанам в войну играть бы,
Да война играет в них...
А еще играют свадьбы,
Только был бы жив жених.

Да жива была бы мила.
Ах, Донбасс, надёжный друг!
Ах, египетская сила,
Сохрани нам русский дух.

ЖАВОРОНОК

То Ерёма, то Матрёна,
Ваньку скорые валять.
Даль да ширь — земля ядрёна,
Да еще едрёна мать...

А над всем, до беспредела
Песня,
Как родник чиста,
Выше слова, выше дела
И соборного креста.

Солнца катится яичко
В лето, в радость и в зенит.
Точкой птичка-невеличка
В солнце впилась и звенит.

Чтобы счастье не дремало,
Чтобы снова бес в ребро.
Как и нам, ей горя мало —
Льёт по свету серебро.

Эх, Матрёна, ах, Ерёма
И сама едрёна мать!..
С высоты не видно стрёма.
Сверху — только благодать.

Кружит полудня побудка,
Песней грусть-печаль круша:
Толь бубенчик,
Толи дудка,
Толи русская душа.

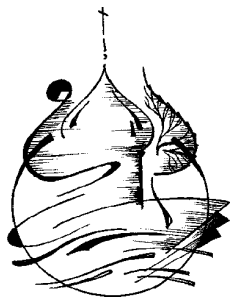
д. Прудок Витебской обл.

Игорь СМОЛЬКИН,
председатель правления Псковского отделения
Союза писателей России

СЛОВО И ДЕЛО ПАСТЫРЯ

Трудно даже представить бесконечный круг дел и забот, как духовных, так и хозяйственных, наместника обители. Тем более такой крупной и знаменитой, со славной историей, великими святынями и огромным числом паломников, каким является Свято-Успенский Псково-Печорский монастырь. А ведь архимандрит Тихон (Секретарёв) свой нелёгкий крест несёт уже 22 года. За это время неустанными трудами отца наместника, братии и трудников обитель еще более расцвела, благоукрасилась, превратившись в подлинную духовную жемчужину России. (Библиотека монастыря собиралась его насельниками с шестнадцатого века. В монастырском фонде находятся уникальные древние рукописи, которые бережно хранят и реставрируют.)

Но не только этим славен архимандрит Тихон. Его проникновенные, исполненные духовной глубиной проповеди, наставили и наставляют на путь спасения тысячи и тысячи верующих. А его духовные книги заставляют задуматься о себе и о вечности, о Боге и Церкви, о

ПОДВИЖНИКИ

совести и жизни по вере. Вот названия лишь некоторых: «Свет Христов просвещает всех», «Врата Небесные», «Будьте совершенны», «Христос — моя сила, Бог и Господь», «Божия Матерь — Чудо Вселенной».

Аудитория у отца Тихона самая разнообразная, его духовное слово обращено к детям и взрослым, простецам и мудрецам. Но мера его таланта позволяет ему находить нужный подход, нужную форму к каждой категории верующих. Поэтому столь разнообразны по жанрам его духовные труды. Тут и прямая проповедь, и историко-документальная проза, и публицистика и даже поэзия. Стихотворения архимандрита Тихона красивы и афористичны, назидательны, иногда ироничны, но всегда обращены к духовной пользе человека, к его утверждению на путях спасения.

Таково творческое, художественное, духовное делание настоящего Пастыря, члена Союза писателей России, архимандрита Тихона (Секретарёва).

Архимандрит ТИХОН (СЕКРЕТАРЁВ)

ЦЕЛЬ ПУТИ

Всё меньше времени-пути
Мне по жизни идти.
Господи, меня грешного
Не лиши Царства Небесного.

КНИГИ

Богооткровенная книга — Библия.
Жизнеутверждающая — Жития Святых.
Псалтирь — Христопророческая Поэзия
Покаянно-благодарственных молитв моих.

СТАРЕЦ

Братский корпус. Тихий причал.
Старец Адриан паломников принимает.
Рассуждает. Советует. Утоляет печаль.
О спасительном Промысле Божиим напоминает.

НАМЕСТНИК

Не политик. Не прораб.
Он вкупе с братией — Божий раб.
Работник Божий в сем веце,
Сизидатель Царствия Божия в человецех.

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

Нас скоро будут называть —
Человек третьего возраста*. Года...
В вечности мы будем пребывать
В Христовых — тридцать три — всегда.

РОДИТЕЛИ

Перешли в вечность о Бозе мои родители.
Оставили мне на земле молитвы свои хранители.
Помни всегда, душа их вечна!
И моя душа — не будь о небесном беспечна!

ОСТАНОВИСЬ У ХРАМА

Ребёнок курит спайс,
Смерть танцует рок.
Остановись у храма, отрок,
Христу Богу кричи: «Спаси!»

* По наставлению старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина) нужно помнить три даты усопших: день рождения, день Ангела и день кончины. Утешением в неминуемой земной разлуке с родителями служат слова Христовы: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Ин. 5, 25).

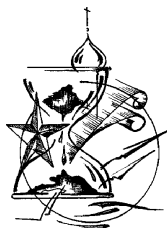
БЕСПРОСВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Когда Моисей водил свой народ по пустыне — их хотя бы не обстреливали из миномётов... да и обещания были куда приятней. Так что всё движение было обусловлено не только невозможностью возврата в Египет, но и верой в конечную цель. Наблюдаемый ныне исход Донбасса с Украины вызван той же опасностью, что и для еврейского народа в стране фараонов, но во всём остальном безнадежно проигрывает библейскому сюжету.

Апатия

«Мы готовы терпеть сколько надо, только сколько же надо терпеть?» Эту мысль я слышал в Донецке с 2015 года множество раз. От представителей всех социальных слоёв. Правда, «терпеть сколько надо» готовы по-разному те, у кого заканчиваются довоенные сбережения, и те, кому разбомбили дом. Но готовы были все. Или почти все. Но — ради чего?

Самое чудовищное, что ответ на этот вопрос — был почти с самого начала войны, с сентября 2014 года. Да-да, сейчас, в 2018-м,

РУССКИЙ МИР

первые героические полгода, предшествовавшие тому сентябрю и принесшие почти всю летопись, почти всю славу и почти всю территорию донбасским республикам, воспринимаются как «самое начало» перед вялотекущим «ничем» — бесконечным и непрерывным, за исключением взятия Дебальцево в феврале пятнадцатого, предательски свёрнутого похода на Марьинку летом того же пятнадцатого, да пары тройки сумасшедших украинских обстрелов «как в четырнадцатом». Вот это самое «ничего», уносящее потихоньку солдатские жизни и стены домов, подтачивает, казалось, непоколебимое «терпеть сколько надо». Потому что терпеть **всё это**, оказывается, надо ради минского мира... Читай — ради возврата на Украину!

Светлана Доценко — физик, доктор наук, уроженка Донецка. Провела в нём самое страшное время этой войны — лето четырнадцатого года. Сейчас работает в России, но регулярно приезжает домой, где у неё остались родители, первый научный руководитель, друзья...

— Каждый раз нам вбрасывают новые сроки «для потерпеть». Вот закончился очередной — 18 марта этого года. И очевидно, что опять возвращаемся на круги своя — «нормандская четвёрка» озвучила очередную сентенцию на заданную тему.

Умонастроения земляков она характеризует кратко:

— Уныние и безысходность. Бесконечные «перемирия» под привычный аккомпанемент разных калибров, общее обнищание, безнадёга... Кто может, уезжает, чтобы в иных краях прокормить себя и семью... и — апатия. Как естественная реакция человеческой психики на затяжную опасность и сверхнагрузки.

Действительно, за четыре года войны, кроме собственно провозглашения республик 7 апреля и референдума 11 мая четырнадцатого года, создавшего новую реальность, были: военные успехи лета того же года, взятие Дебальцева, переход на рубль, приведение законов в соответствие с российскими, признание Россией документов ЛДНР и перевод собственности внешних олигархов под государственное управление. Всё.

А всё остальное — в минус. Враг на дачах и огородах, отсутствие шансов отбросить его, родители или дети «за ленточкой», невозможность полноценной торговли даже с Россией из-за неопределённого статуса территории, таможенные барьеры между самими республиками, черепаший темп роста экономики и упадок большинства ведущих предприятий, нищенские зарплаты, стремительно разросшиеся новые коррупционные схемы (что самое скверное — даже в армии),

новая бюрократия, массово вернувшиеся «заукраинцы», крикливая пропаганда и угасание интереса к теме Донбасса в России... Я уж не говорю о том, что бывшим ополченцам, искалеченным на этой войне, деньги собирают всем миром; господдержка отсутствует или ничтожна.

Усталость и безразличие разъедают умы даже тех, кто в окопах...

— Ты что делаешь?! Быстро вниз!

Солдат скатился вниз пулей.

— Четыре дня назад на этом самом месте у нас был «двухсотый», здесь снайпер работает, — говорит мне боец с позывным «Люгер». Ему сорок пять, он на фронте, хоть и с перерывами, с пятнадцатого года и повидал немало. «Двухсотый» на фронтовом языке — это труп.

— В такую тишину... — не могу сдержать удивления.

Прямо по Ремарку: «Он был убит в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте без перемен».

Командир Люгера, капитан с позывным «Внук», резок в оценках:

— Людей расслабляет затишье. Люди перестают и шевелиться, и соображать. Когда по нам кроют — сразу оказывается, что и бегать могут, и окапываться, и не суются куда не надо. А потери в последнее время — от расхлябанности.

Люгер добавляет:

— Люди дуреют в окопах. Но есть и такие, кто сидит в них по много недель, не уходит принципиально. Не хотят не то что в отпуск или в увал (в увольнительную. — **К.П.**), но и просто в распорягу (в казарму. — **К.П.**) по ротации хоть на несколько дней Почему?

На этот вопрос отвечает офицер другой части с позывным «Грустный»:

— Недавно вышел на улицу в Донецке — в форме, середь бела дня. Так меня чуть не сбила машина на пешеходном переходе. Неслась, как сумасшедшая. И что вы думаете? Кто-то остановился, вышел, извинился? Даже просто перед пешеходом... А ведь прекрасно видел, что перед ним — ополченец! Никогда я в родном городе не чувствовал такого отношения к себе...

Это может показаться странным нам, живущим вдалеке от войны. Но в Донбассе в предыдущие годы к ополченцам сформировалось отношение — и как к папам-защитникам, и как к родным детям. Подвезти бесплатно, напечь из собственной муки пирожков на передовую — это было в порядке вещей.

Теперь уже нет.

Ополченцы начинают раздражать, как раздражает то, что мешает мирной жизни. Причинно-следственные связи в головах людей нарушаются: обстрелы воспринимаются как явления природы, неприятные, но неизбежные, а неподвижность линии фронта представляется данностью, и мысль, что только ополченцы не дают появиться на этих улицах и в этих дворах живому врагу, который поведёт себя так, как обещает, — вырежет всех под корень, эта мысль не приходит в голову мирным людям, как той крыловской свинье, что подрывала корни дуба в поисках желудей. А некоторые, возможно, и впрямь надеются, что сотрудничество «с той стороной» чем-то поможет им в случае атаса... когда в их услугах уже не будет нужды, а убивать будут всех подряд...

Впрочем, и военные тоже зачастую уже «не те»... Чем отличается Народная милиция от ополчения — и в лучшую, и в худшую стороны — написано много. Если вкратце: есть те, кто пришёл ещё в ополчение, и те, кто пришёл уже в армию, за денежным довольствием — кстати, самым высоким в республиках. Кроме того, есть те, кто держит фронт, и те, кто... «держит тыл». Наконец, есть просто-напросто порядочные и непорядочные. Но если среда ополченцев выталкивала непорядочных, либо они группировались и превращались в откровенное бандформирование, которое впоследствии, как тут говорят, «закрывали», то в корпусах народной милиции, как в любой армии, каждый может найти себе место и вписаться в систему — с пользой или вредом для последней. А если система ещё и связана по рукам и ногам перемириями, которые она обязана выполнять, а противник — нет, то это само по себе не может не вредить здоровью системы. А в большом органе низме расцветает сразу всё вредоносное...

И самое печальное — всякая стагнация неизбежно вызывает разногласия между лидерами, основоположниками, столпами и живыми символами — точнее, в данном случае, теми из них, кто ещё не умер загадочной смертью и не пал жертвой «украинской ДРГ» (диверсионно-разведывательной группы. — **К.П.**). Разногласия между теми, кто поднимал на митинги и референдум. Кто провозглашал и без страха ставил свои подписи. Теми, кто создавал первые отряды и одерживал легендарные победы. Теми, кто формулировал смыслы, идеи, рисовал флаги и гербы... Интернет превращает эти разногласия в публичную грызню, раскалывая ряды самых преданных, самых идейных сторонников Новороссии — как в Донбассе, так и вне его. И это — пожалуй, самая страшная угроза для республик и для Русского мира.

Казалось бы, как должны дальше меняться настроения? От безразличия — к отвращению перед «теми и другими», к полному исчерпанию порыва «Русской весны», к долгожданному повороту общественного мнения в пользу Минских соглашений? Или как?..

Стойкость

Но кроме полутора десятка умственно увечных, надеющихся своим сотрудничеством с Украиной продлить себе жизнь, остальные в Донбассе прекрасно понимают, что Украина — **любая** — есть враг. И возвращение в неё — смерть.

— Если это произойдёт, мы все здесь пойдём в фильтрационные лагеря, — говорит донецкая журналистка Виктория Халина. — Это в лучшем случае. В худшем — прямо тут в лесопосадке прикопают...

Она не утрирует. Действительно, если в 2014 году люди поднялись на борьбу, потому что почувствовали реальную угрозу своей жизни, то сегодня она стала куда рельефней для большинства дончан и луганчан. Ведь если в 2014 году они были просто априори чуждым элементом на «нэзалэжной», то сейчас каждый из них — уже ее активный враг. Подобно тому, как каждого жителя блокадного Ленинграда награждали медалью «За оборону Ленинграда» — уборщиц, кассиров, всех — точно так же и **все** жители Донбасса теперь — активные враги Украины. Даже те, кто туда регулярно мотается. За эти годы практически каждый житель республик обзавёлся хоть одним документом, выданным новой властью — паспортом, водительскими правами или свидетельством о регистрации транспортного средства, свидетельством о браке или разводе, договором купли-продажи и так далее. Всё это станет вещественными доказательствами посягательства на территориальную целостность Украины. Для всех, включая младенцев с метрикой, на которой присутствует флаг ЛДНР.

Реальность этого сценария заставляют почувствовать идущие который месяц непрерывные разговоры о вводе той ли иной миротворческой миссии. Здесь никто не сомневается, что если это произойдёт, всё будет как в Сербской Краине в 1995 году: миротворцы войдут, свяжут армии республик по рукам и ногам на основании мандата ООН, заставят их уйти с позиций, кого-то разоружат, а потом войдут «укропы» и безо всякого мандата «наведут порядок» на «своей» территории. Проще говоря, вырежут всех на глазах у миротворцев. Или тех экстренно эвакуируют «в связи с эскалацией конфликта». В Хорватии операция по уничтожению Сербской Краи-

ны получила название «Олуя» («Буря»). На Украине конкурс на лучшее название ещё не объявляли...

И разговоры о том, что миротворцы якобы будут стоять только на линии разграничения — это заведомая ложь. Как когда-то — не-расширение НАТО на восток... Кстати, даже если и так — то об освобождении Славянска, Мариуполя, Северодонецка всё равно можно будет забыть.

Впрочем, Виктория убеждена, что вероятность этого сценария равна нулю.

Откуда такая уверенность?

— Миротворцев будут убивать, — говорит один из офицеров пресс-службы народной милиции ДНР. — Просто брать и убивать.

— И даже те, кто служит в Корпусе?

— И даже те, кто служит в Корпусе. И даже те, кому будет дан приказ обеспечить их ввод. Историю Сербской Краины здесь помнят все.

По долгу службы военкоры знают настроения в войсках...

И я подтверждаю: все без исключения ополченцы, с которыми довелось общаться мне, настроены так. Если вкратце — есть приказы, которые нам никогда не отдадут, потому что их никто не выполнит: оставить Донецк или Горловку, отдать украинцам границу с Россией, разоружиться, пустить миротворцев...

Но есть и другой приказ, который им тоже, похоже, никто никогда не отдаст — наступать. И как это объяснить тем, у кого на той стороне остались родные?! У многих ополченцев в ДНР, кроме боевых друзей и койки в расположении, нет никого и ничего. А в каких-нибудь двадцати километрах — семья, которую они не видели уже четыре года. И увидят ли когда-нибудь — неизвестно. Да и вообще, не может одна треть Донецкой и Луганской областей, занимаемая ныне одноимёнными республиками, нормально функционировать без других двух третей. Даже в чисто хозяйственном, производственном плане. Но что будет, если...

Светлана Доценко анализирует позицию:

— А так — что? Отчаянный срыв перемирия нашей стороной, доведённой до края, — это начало нашего же конца. Исчерпав весь боекомплект (который ещё и под контролем), сколько мы продержимся? Тут же, вероятно, будет самой российской стороной перекрыта намертво граница... Дальше — даже и думать-говорить страшно...

Остаётся — стоять...

...Подразделение Внука — одно из подразделений легендарной «Пятнашки» — занимает эти позиции уже три года.

За это время вырос лабиринт траншей, укрытий, подземных ходов... до неприятеля — несколько сот метров. Здесь не увидишь, как офицер стоит, надзирая за работой солдат. Здесь командир машет лопатой, как все. И вообще звёздочки здесь не в чести. Кому за звёздочками — тем не сюда. Дисциплина здесь поддерживается не уставом, а общим делом, общей опасностью и взаимным уважением. Командиров называют по именам или позывным, обращаются к ним на «ты», но слушаются беспрекословно.

Позиции выдерживают миномётный обстрел, да и удары крупнокалиберной ствольной «арты» (артиллерии) тоже. Находясь здесь, вспоминаешь слышанное и прочитанное многократно: война — это в первую очередь изнурительный труд. Копать и крепить. Чем глубже роешь — тем больше шансов выжить.

Но это при конкретном обстреле. А — вообще?

А вообще — здесь, естественно, никто не говорит об этом, но, как подметила в одной из своих «донбасских» песен Юлия Чичерина, «здесь даже воздух другой». Здесь люди готовы расстаться с жизнью спокойно и без истерик. И расстаются иногда — пусть даже в последнее время больше по неосторожности. И вопрос «ради чего?» тут просто неуместен. Ради собственной совести, которая не позволила сидеть дома. Ради собственного достоинства, которое было оскорблено бандеровским беснованием. Ради собственной души, которая, как сказал бы Радищев, «страданиями человечества уязвлена стала».

Но вот другой вопрос — насколько может жизнь и даже смерть этих людей облегчить страдания человечества? Той его части, что у них за спиной? На этот вопрос они отвечают просто: мы здесь стоим и никуда не уйдём отсюда, разве что вперёд.

Ну а мы, сидя за сотни-тысячи километров от них, но тоже у них за спинами, — мы можем дать себе труд поразмыслить...

Тупик

Физик Светлана смотрит на вещи по-женски эмоционально и по-научному широко:

— Мне иногда кажется, что кто-то недобрый и очень искусный ставит над нами всеми чудовищный и циничный эксперимент. И с чисто научным интересом беспристрастно наблюдает, как мы корячимся под «лабораторным стеклом», трепыхаемся, пытаюсь выжить... Может, хотят додавить Дон-

басс до состояния, подобного «стокгольмскому синдрому», чтобы мы сами бросились в объятия своих потенциальных палачей? А там «померла, так померла» — и нет проблем. Но ладно, это лирика. А если честно, я не вижу выхода.

Боюсь, что если бы кто-то ставил над Донбассом эксперимент, как немцы в войну рассчитывали график вымирания Ленинграда от голода, — даже это было бы менее недостойной позицией, чем та, что есть. Теперь, когда подписанные в Минске тексты стоят меньше, чем бумага, на которой они написаны, с Донбассом просто **не знают**, что делать. И приемлют любой вариант, который не вызовет взрывоопасной реакции за его пределами. Додавить до «стокгольмского синдрома» и согласия с Минским сговором — один вариант. Довести до вымирания «своей смертью» — тоже вариант, даже ещё лучше. Другие варианты есть?

Донбасс и сам ищет варианты. Те, которые дадут ему жизнь.

— Почему не купить наши предприятия инвесторам из России? Или не наладить через нас торговлю с Украиной? Хотите на нас обогатиться — пожалуйста, кто ж против?! — недоумевают ополченец Игорь за рулём казённой машины.

Мы в городе, можно без позывных. Видимо, на гражданке Игорь был хорошим руководителем... Вот только «гражданка» для него закончилась в том самом четырнадцатом году. И вопросы его — вопросы разумного человека — неуместны, как здравый смысл в театре абсурда.

Похоже, это прекрасно понимает Ахра Авидзба — легендарный «Абхаз», бессменный командир батальона «Пятнашка». И с начала войны он ставит перед собой реальные задачи: как создать боеспособную часть с достойными отношениями между людьми, как не дать угаснуть людскому энтузиазму и вере, как обеспечить часть всем необходимым для войны и для быта, как удерживать фронт силами, в разы меньшими, чем у неприятеля, а ещё — что весьма неожиданно на войне...

— Как не заикнуться на войне! Всякая война рано или поздно закончится. Мы в Абхазии слишком долго не могли выйти из этого состояния в своих душах. И здесь я делаю всё, чтобы мы не повторили этой ошибки.

О том, какой насыщенной жизнью живёт его батальон, командир может рассказывать бесконечно, пока не отвлекут дела — то есть аж целых несколько минут... Но мне как журналисту выпала удивительная возможность своими глазами взглянуть на жизнь «Пятнашки» изнутри. Действительно, её база в Донецке — недостроенная гостиница к чемпионату Европы по футболу 2012 года — это место, которое когда-

нибудь должно стать музеем. Помимо собственно расположения — казармы — там разместились и лесопилка, и мастерские (столярная, токарная), и хлев — личный состав должен качественно питаться — и... зоопарк! С волчицей, попугаем, шиншилами, и прочая, и прочая... А ещё у «Пятнашки» есть своя команда КВН, участвующая в республиканских конкурсах. Один лишь факт: уже известный нам Внук перевёз сюда жену из своей донецкой квартиры! Тут жизнь интересней.

И в этой жизни неразрывно сплелись и боевые, и творческие, и сугубо хозяйственные задачи. Да, батальон ведёт хозяйственную деятельность. Проще говоря, зарабатывает деньги. В его мастерских выполняются самые разные заказы. Зачем? Во-первых, чтобы бойцы не заскучали, а во-вторых — чтобы как можно меньше зависеть от окружающей среды. Даже воевать «Пятнашка» предпочитает на свои деньги...

Может быть, такое вот военно-хозяйственное устройство — это прототип будущего республик? Но вспомним, с чего начал Абхаз: не вечно же нам воевать!

А каким должно быть мирное устройство республик? Каким должен быть их статус? Можно бесконечно и с упоением упрекать руководство РФ в непоследовательности, в трусости, в чём угодно — я не берусь сейчас даже анализировать справедливость этих упреков. Потому что дело, по большому счёту, не в руководстве РФ.

А в ком? Или в чём?

В 2009 году в тогда ещё украинский Донецк приезжал с концертом Александр Моисеевич Городницкий — человек, вместивший в себя целую эпоху российской поэзии и российской науки, один из величайших путешественников и авторов-исполнителей. Житель блокадного Ленинграда. Автор песни «Севастополь останется русским». Отвечая на вопросы местных журналистов, он, в частности, сказал: «Украина, у которой нет нефти, вынуждена будет заниматься высокими технологиями и раньше нас войдет в мировое сообщество». Казалось бы, что особенного в этой фразе? — А вот что: войти в мировое сообщество. А оно сообщество, уточним, было создано по европейским лекалам и в интересах «золотого миллиарда». Правила, нормы и законы дипломатии, юриспруденции, экономики, даже языки международного общения — всё распространено на земной шар из Европы и Северной Америки. И даже Советский Союз и социалистический лагерь, бросив вызов этому самому «сообществу», всё равно принимали его базовые установки — если не как ценности, то хотя бы как инструменты. И вольно или

невольно «играли на чужом поле», вступая в международные организации, участвуя в гонке вооружений, конкурируя в экономике... И Европа — даже враждебная — всегда была для нас эталоном всего, что нам нравится.

И вот сейчас выясняется, что лимит возможностей для существования Русского мира с этим самым сообществом исчерпан. В полном соответствии с нормами международного права и при одобрении мирового сообщества был разрезан на части Советский Союз и появились такие удивительные государства, как Молдавия или Киргизия. Мировое сообщество как минимум не возражает против насильственной смены власти в любой стране, включая Украину, если новая власть провозглашает курс на его (читай — европейские) ценности. И то же самое сообщество гневно обличает любого, кто встанет на пути у этой власти — даже если она откровенно людоедская. Поэтому в глобальной перспективе ни русскому народу, ни Русскому миру места в этом самом сообществе просто нет. А сейчас глобальная перспектива становится тусклой реальностью в Донбассе и Новороссии. И отдаётся в сердцах безнадёгой...

Но самое интересное — что мы сами настолько мутировали за несколько веков, что давно уже не верим в возможность построения собственной, альтернативной реальности. Основанной на наших, православных и русских представлениях о добре и зле, о смысле жизни, о целях существования народов, обществ и государств. Мы даже не понимаем, какая колоссальная внутренняя работа необходима нам, чтобы отделить в своём сознании собственное от заимствованного и посмотреть, к чему приводит нас наше собственное, взятое само по себе. Мы его попросту почти забыли. А помним лишь унизительные клише, издёвки и насмешки над ним («водка-лапти-самовар»), мало чем отличаясь от иностранцев.

И по этой же причине множество, если не большинство представителей нашей интеллигенции как минимум с пониманием отнеслись к событиям на Майдане и с гневом — к событиям в Новороссии. Вот почему те, кого мы десятилетиями считали образцом нравственности и гражданственности, закрывают глаза на сожжение заживо, на расстрел ветеранов в День Победы и по-прежнему выражают приязнь киевскому режиму. Вот почему тот же Александр Моисеевич Городницкий вернул президенту медаль «За возвращение Крыма» и отказывается петь песню «Севастополь останется русским». Эти люди первыми ощутили глобальный кризис смыслов — и не нашли в себе достаточно русскости... А не найдя в себе русскости, утратили совесть.

Но в Донбассе речь идёт не только о совести, но и о выживании. Для Донбасса вопрос этой самой альтернативной реальности — это вопрос «быть или не быть». Не только разруха, как говорил М. Булгаков устами профессора Преображенского, но и победа начинается в головах. И как знать, не станут ли частью этой новой реальности практические решения, интуитивно найденные русским воином, командиром «Пятнашки» Ахрой Авидзбой?

...А тогда, в 2009 году, на концерте Городницкого в Донецке прозвучала шутка: «В связи с энергетическим кризисом принято решение выключить свет в конце тоннеля». Можно ли было представить тогда, насколько пророческой она окажется для данного места? А если брать шире — то и для одной шестой земной суши, просто мы этого не ощутили в полной мере...

И пока мы не нащупаем путь построения собственной реальности хотя бы в первом приближении — все сводки о разрушениях и смертях, о зверствах украинцев на оккупированных территориях будут умещаться, как у Ремарка, в одну только фразу: «Свет не включили, но наши специалисты работают над этой проблемой».

УКРАИНСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО И СЛАВЯНСКОГО БРАТСТВА

Украина, украинец и другие

Понятие Украина как государство появилось в XX веке. Вообще-то это определение славянского корня (*крайна, окрайна, украйна, край*) применялось для земель, окаймляющих державный центр. На Руси краем, порубежным с Диким полем кочевников, был юг Переяславского и Рязанского княжеств. В истории (если не считать административных краев РСФСР и РФ) «украинное имя» закрепилось за Поднепровьем, благодаря во многом полякам, для которых берега Днепра находились на юго-восточной окраине Речи Посполитой. Потом и царские земли, колонизированные беженцами из Польши, стали называться Слободской Украиной. А в СССР название Украина распространилось на всё Северное Причерноморье и дальше на запад.

Московиты чаще употребляли слово Малороссия из уважения и сыновьей любви к освящённому стариной Киеву с его Лаврой — к *Мати Городомъ Рускымъ*. Малая Русь — это не только меньшая по размерам часть Древней Руси, это изначальное гнездо, материнское лоно Святой Руси. Демонстрируют вздорное невежество те из нынешних, родство забывших

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«укров», которые оскорбляются якобы «москальской кличкой» Малороссия (как «приснопамятный» *пан прэзыдэнт* - Ющенко).

До 1917 года понятие Украина в Российской империи было равным понятиям Поволжье, Беломорье, Сибирь, Дальний Восток, а украинцы были не более *нэзалэжны* от Петербурга-Петрограда, чем волжане, поморы, сибиряки (чалдоны). Но почему во всех землячествах идея независимости от центра была достоянием горстки безобидных чудаков, узкокраевых патриотов, а украинская *окрэмость* из маргинальных голов распространилась в массы? Этому много объективных причин. Но главная из них в том, что украинцы, хоть и близкородственны великороссам, но этнос самобытный на общерусском поле. Отдельный не только сложившимся к третьему тысячелетию языком (*мовой*), но и мироощущением. Украинец (в добром просторечии «хитрый хохол») — это брат, который «себе на уме», который всегда внутренне жил *окрэмо*, повторяя «*моя хата з краю*». Он, не мучаясь «*чуттями ґе-ґиднои родыны*», участвовал в сломе забора между своим участком и владением соседа-великоросса, уверял хозяина хаты, веря своему заблуждению, что они братья — единокровные и по духу.

Потом, спустя 350 лет, брат-украинец так же старательно стал возводить новый забор, улучив момент, когда русский «брат» расслабился, устав от огромного расстроенного хозяйства. Притом за время такого отнюдь не взаимного «братства» личный участок хитрого хохла увеличился в разы, ведь *москали* — *дурни люды* (вроде так у Кобзаря). Всевластный инородец из Симбирска с кацапской фамилией раздарил всем союзнонерушимым «братьям» и «косящим» под братьев всё, что мог: Киеву, например, южные губернии от Северского Донца до днестровской Затоки, осввоенные в основном переселенцами из центральных губерний Российской империи. Достались придуманной (с мудрости или сдуру?) УССР и западные земли донских казаков. Украинизация, как мина под общерусское единство, грозила и Кубани, и возрождённой большевиками под названием СССР империи. Ленинским путём пошли продолжатели великого дела освобождения угнетённых народов от «угнетателя-великоросса» и «шовиниста-тюремщика» (согласно мнению «гениального вождя»). После ВОВ в состав УССР вошли Галиция и Волынь, Подкарпатская Русь (Закарпатье), Буковина (7 новых областей плюс Бессарабия). И наконец царский подарок «*братам навик*» от сына курского хохла с кацапским окончанием фамилии — Крым. Республика достигла таких

размеров территории и населения, что грех было бы не воспользоваться при благоприятном моменте «правом большого и сильного» в *союзе нерушимом республик свободных, сплочённых навеки великой Русью*, как пелось в первом куплете советского гимна.

Корни сепаратизма

Сепаратизм всегда тлел в просвещённых и власть имущих кругах малороссийского общества, то разгораясь, то угасая по ситуации. Он мощно вспыхнул вскоре после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 году, когда казацкая верхушка, неохотно присягнувшая царю Алексею Романову тремя годами ранее, стала тяготиться контролем Москвы, ограничивающим её беспредельное своеволие.

В советской школе нам внушали, что в середине XVII века украинский народ поднялся против гнёта польских помещиков — за волю и воссоединение с братской Россией. Действительно, гнёт ненасытной католической шляхты и ополченных потомков старой киевской знати был невыносимым для чёрного *руського люда*, как (и только так!) называли себя землепашцы греческого вероисповедания на территориях бывшей Киевской Руси, захваченных Литвой и Польшей после Батыева нашествия. Крестьяне из долины Днепра массово переходили на царские земли (Слобожанщина — ныне Харьковская и Сумская области). Покровительства царя просили также *руськие* единоверцы других сословий, грамотеи, спрос на которых увеличился в Москве при восстановлении страны по лихолетью самозванцев с изгнанием поляков. Горючего материала на православном юго-востоке огромной польско-литовской державы (*од можа до можа*) воинствующего католицизма накопилось достаточно для всенародного пожара. Гетмана Хмельницкого, панов полковников и запорожское *лицарство* печалило не страдание простого народа. Они были сильно обижены *крулем*, которому охотно служили за щедрое вознаграждение, иногда бунтуя по настроению. Но тот упрямо не отзывался на их настойчивые, слёзные просьбы о даровании им шляхетских привилегий. Оставалось высечь искру в нужном месте и в нужное время. Что и произошло за порогами в 1648 году. Но самостоятельно отделиться от Речи Посполитой у повстанцев не хватало сил. Помощь предлагали Стамбул и Бахчисарай. Москва колебалась. На Переяславской раде в январе 1654 года верх под давлением простых казаков взяла «промосковская партия», взывавшая к

православным чувствам. Стрельцы и дворянская конница выступили в поход на помощь Хмельницкому.

И тут раз за разом — предательские удары в спину. В разгар 13-летней войны, при частой смене случайных гетманов после блистательного Богдана, начались измены малороссийских верховодов своему сюзерену: одни готовы были вернуться под королевскую руку, другие ставили на Стамбул, третьи выбирали, кому б ещё «*виддатыся*» подороже; четвертые в обмен на лукавую верность Шапке Мономаха выторговывали себе такие привилегии, что в Кремле уже были близки к тому, чтобы отпустить этих неуправляемых печенегов на все четыре стороны. Начался длительный период украинской смуты, названный *Руиной*. Она ослабляла общее государство, приросшее в 1654—1667 годах Левобережьем и... проблемами. А ведь в то время России пришлось не только вести тяжёлую войну с Польшей, но отбиваться от ежегодных набегов крымчаков-Гиреев, умирять «вора» Стеньку Разина и Медный бунт, переживать раскол Церкви. Вот такова увертюра к совместной истории «двух братских народов». Её пафосной вершиной стало сражение под Конотопом всего-то через пять лет после Переяславской рады. Теперь те, кто вопил царским послам «*навикы разом!*», предательски, совместно с крымскими татарами, истребили арьергард царского войска, почти всю дворянскую конницу; погиб доблестный воевода князь Пожарский (сородич Героя 1612 года). Не спас тогда Господь русских воинов от таких «братьев».

Петру I, наученному бдительности шведолюбивым гетманом Мазепой, удалось привести в кое-какое подобие порядка эту степную по своему происхождению вольницу. Но только Екатерина II своим немецким умом поняла, чем приманить своих панов — полковников и есаулов. Она дала им то, чего они ждали, требовали от Варшавы и Москвы, ради чего Хмельницкий заварил кровавую кашу. Спустя век после того, как в местечке Андрусово Варшава признала себя побеждённой, как Левобережье Днепра отошло царю, а тот ещё прикупил Киев, верхушка *лыцарства*, не говоря уже о «рыцарях беспортошных», оставалась без вожделенных привилегий. Долго пришлось им, бедным, ждать. Наконец, в 60—80 годах века Екатерины казацкая старшина была введена в дворянское достоинство. Кандидатов всё прибывало, так как императрица уже прибрала к своим рукам Правобережье и принялась делить с Берлином и Веней саму Польшу. Регулярные части РИА беспрепятственно вошли в Запорожье, а казацкие курени охотно переселились на тучные чернозёмы Куба-

ни боронить кавказские рубежи Империи. Новые владельцы крепостных душ, сняв шаровары и прикрыв *осэлэджи* пудренными париками, ещё не облагороженные идеями гуманизма, в отличие от старого столбового дворянства, стали так неистово выжимать из холопов соки, что самим императорам не раз приходилось вмешиваться, чтобы умерить пыл выскочек из грязи в князи. Их литературные портреты сочно раскрасил Квитка-Основьяненко в повести «Пан Халевский».

Сепаратистские настроения среди бывшей казацкой вольницы резко убавились. Но недовольные, не успевшие или не сумевшие отхватить лакомый кусок от долгожданного пирога, продолжили безопасную для себя фронду за закрытыми дверьми гостиных. Это оттуда вышла лживая, питающая краевой национализм «История русов», там начались героизация царского изменника Мазепы и создание мифов о жестоким разгроме *вражими москалями* Батурина — резиденции двуличного гетмана-сладострастника.

Н.Ульянов назвал «Историю русов» катехизисом националистов. Неиссякаемым источником малороссийского национализма стало так называемое «*козакування*» — смакование *стародавних* легенд, «дум» бродячих кобзарей, рукописных и устных сказаний, новых подражательных сочинений о якобы золотом веке конституционной казацкой республики равных, доблестных и счастливых в своей одинаковости *лицарях* Запорожья, погубленных *пидступною Катэрыною*. Эти выдумки распространялись среди разночинной молодёжи, концентрировались в киевском и харьковском университетах. Там нашли внимательную аудиторию в лице поляков империи и пропольски настроенных малороссов (яркий пример — «украинопольский метис» Франтишек Духинский, перебежчик в английскую армию во время Крымской войны. Прощённый Александром II, он эмигрировал во Францию, где создал теорию туранского происхождения великороссов, якобы извечных врагов чистых славянорусско-украинцев).

Царское правительство снисходительно относилось к этой фронде, считая её безобидной, тешащей провинциальный патриотизм. Никакой заслуживающей внимания правительства базы кабинетные заговорщики не имели, настроения землячеств создавали временные пыльные завихрения, не больше того. Административные границы губерний в империи дальновидно рассекали инородческие территории, о национальных округах никто и заикнуться не смел. Подавляющая масса малороссов всех сословий без принуждения,

честно и ответственно служила единой державе всех разноукладных русов, оставаясь верноподданной. Полки, сформированные в малороссийских и причерноморских губерниях, держались в сражениях с внешним врагом общей родины так же доблестно и стойко, как и воинские соединения Великороссии. Единственным заметным явлением украинского национализма в XIX веке стала возбуждённая жаждущими реванша поляками и поддержанная Парижем идея Наполеониды. Так предполагалось назвать вассально зависимую от Франции *гетманщину*, которая будет провозглашена на Левобережье Днепра (с возвращением Правобережья возрождённой Польше), когда царь Александр капитулирует перед Наполеоном в Москве. Казацкую самостоятельность поддержали некоторые полтавские помещики, отдельные горожане-разночинцы; заговорщики располагали пятью тысячами сабель, чтобы *за волю* рубить в капусту москалей. Но даже помехать саблями не успели, финал известен.

Веками бок о бок существовали говорившие на русских (!) диалектах православные великороссы, украинцы-малороссы, белорусы, открытые поэтом Некрасовым. Всех их именовали русскими не только официально; так они называли себя сами, лишь уточняя региональную особость при необходимости или по желанию. После 1914 года в Петрограде не особенно обеспокоились созданием отдельных лагерей в немецких странах Четверного союза для военнопленных, которые «*балакают на мови*». А ведь немец ничего не делает без дальнего прицела. В Берлине и Вене прекрасно понимали, что русский русскому скорее глаз выколет, чем инородцу, и вскоре это наблюдение подтвердит Гражданская война. Возникшие тогда незалежные бабочки-однодневки УНР и ЗУНР, просиявшие в свете самостоятельности *гэтьман* Скоропадский и голова Директории Петлюра, *отаманы и батькы* — удивили своим многоголовым и слаженным явлением близоруких, хлопавших ушами наивных общерусов. А ведь в Вене ещё полвека назад началась с немецким тщанием последовательная работа по созданию в Галиции, населённой русинами, второй Украины — с намерением присоединить к ней Украину российскую. Значит, на Западе не преуменьшали сепаратистских тенденций «братьев во славянстве» в целом и «русского братства» в частности.

Во Вторую мировую войну особого рода украинцы станут лучшими лагерными надзирателями, карателями и палачами. К слову, и в царской России хороший исполнительный полицейский, унтер или кандидат в унтеры имел фамилию с окончанием на «нко» или «чук», или вообще Занедбайло. Не

большее впечатление, чем успехи Вены в воспитании украинцев в русинской среде, на дубовые великорусские головы произвёл и украинский интегральный национализм, развитый до высшей степени русофобии теоретиком ОУН (запрещенная в РФ организация. — Ред.) Донцовым, сыном русского (!) торговца из Мелитополя.

Царское правительство, косвенно потакая националистам-малороссам, хотя бы не несёт прямой вины за превращение отдельных ручейков в бурный поток, который на рубеже тысячелетий затопит всё Северное Причерноморье и даже русский Крым. А вот Советская власть не просто способствовала развитию национализма и сепаратизма на самом важном краю СССР, она его подгоняла.

Братя навик

Ни один из семёрки самовластных вождей не оказался дальновидным в решении т.н. национальных вопросов. Все верили в вечность и абсолютную мощь СССР. Ленин в 1922 году заложил под Союз гибельный заряд с часовым механизмом, срабатывающим от износа шестерёнок, создав УССР как крупный противовес Российской Федерации, которую он продолжал панически бояться. В границах этой республики (с правом выхода в стан врагов и выноса имущества) оказались, кроме этнических малороссийских земель (Киевщины, Полтавщины, Подолии), также Слобожанщина, Донбасс, Криворожье, Одесская область — буквально вся Новороссия.

Первые 10 лет советской власти здесь стала проводиться насильственная (по отношению к неукраинцам) украинизация. Далеко не во всех городах были школы с русским языком обучения. Потом Сталин спохватился, русские школы стали открываться в городах по желанию родителей. Вскоре практически вся городская детвора южнее 49-й параллели стала вновь учиться на родном для них русском языке с обязательными уроками *мовы*. Но сельские школы даже в областях исторической Новороссии остались украинскими, и это в своё время тоже сыграет на руку националистам и в Мариуполе, и в Херсоне, и в Николаеве, и в Одессе. Присоединение Сталиным к Украинской ССР западных регионов, населённых русинами (правильно *русыны*), которых Вена и Варшава к тому времени в большей части перевоспитали в «настоящих украинцев», вообще сыграет едва ли не главную роль в отрыве Украины от России. Тому будет способствовать близорукая политика правившей бесконтрольно партии комму-

нистов, её опора на местные кадры, искусственное препятствие конкуренции культур, преступная слепота при приёме в партию чужаков и скрытых врагов, которым «партбилет под сердцем» помогал в карьерном росте, усиливая их власть и влияние.

Советская власть, безмерно, во всём потакая «украинскому брату» в тройке «братьев-славян», рассчитывала на развитие в них добрых чувств, в первую очередь — «чувства единого родства», по выражению приближённого ко двору ЦК КПСС поэта. Но научила ради своих благополучия и безопасности лишь сугубо внешне выражать покорность и верность власти, безудержную лесть в её адрес и славословие даже в самых провальных делах. Зато из украинского карлика-националиста вырос националист-гигант, умеющий ждать своего часа, не рискуя. И дождался.

В истории множество примеров создания стран целенаправленными усилиями их пассионариев-строителей, способных на самопожертвование ради общей высокой цели. При этом формируется гордый, сильный духом народ, умеющий сострадать неудачникам реальной поддержкой, народ-гуманист. И совсем мало примеров, когда сообщество мечтателей о своей собственной домашней державе получает её из других рук. Украинцам их обширную страну преподнесла на «блюдечке с голубой каёмочкой», когда тоскливые националисты и не смели мечтать и ждать, Россия, сбитая с толку, как оказалось, безжизненным учением о Городе Солнца. Но, принимая такой немислимый, редчайший дар, не в силах от него отказаться, одариваемый расплачивается своим уязвлённым самолюбием и от этого душевно «страдает». И тот, кому одариваемый по правилам морали должен быть по гроб жизни обязан ответным, равноценным добром, желательно чтобы исчез с глаз долой, лучше — навсегда.

Уже с первых дней свалившейся, как кирпич на голову, *незалежности* «украинский брат», уверяя себя и весь мир, что это он сам *«выборював волю»*, запыхал всеми недобрыми чувствами к безумному москалю, который-де веками *«гнобив» «волэлюбну украинську націю, справжню Русь»*.

Как же «настоящему наследнику древней Руси» принять ключи от державы из рук какого-то болотного турана?! И желанно, и унижительно.

Как смотреть *эуропэйцю самостийной Хохландии в очи московскому азыату?*

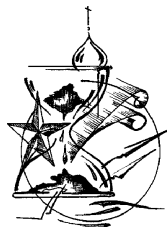
Легче эти глаза выколоть вообще, уничтожить этого *наибльшого ворога. Амэрыка опоможе...*

БОЛЬШЕВИКИ И РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

(К 100-летию начала Первого Русского Холокоста)

При ярком свете Дня Победы 9 мая 1945 года в тени осталось другое 9 мая — трагический день в нашей истории. В этот день 100 лет назад, в 1918 году, за подписями Свердлова и Ленина был принят декрет ВЦИК и Совнаркома «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», сокращённо именуемый «Декретом о продразвёрстке» или «Декретом о продовольственной диктатуре».

Декрет стал официальным объявлением войны русскому крестьянству, объявлением Гражданской войны в России, началом Первого Русского Холокоста. Суть декрета в том, что крестьяне были обязаны **фактически бесплатно** сдавать государству излишки хлеба, причём объём «излишков» определяло само государство, спуская губерниям цифры хлебозаготовок. Продразвёрстка (государственная монополия на торговлю хлебом) была введена ещё в конце 1916 года Царским правительством и продолжена Временным правительством, но она обязывала крестьян **продавать** часть урожая по твёрдым ценам, а не отдавать бесплатно.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Поскольку крестьяне бесплатно отдавать хлеб отказывались, у них его отбирали силой — вначале с помощью комбедов (комитетов крестьянской бедноты, т.е. сельских люмпенов). Это был ловкий ход — натравить одну часть сельских жителей на других. Однако вскоре выяснилось, что комбеды не столько заготавливают хлеб, сколько грабят трудовых крестьян («деревенскую буржуазию»). Тогда в деревни были направлены вооружённые продотряды, преимущественно во главе с инородцами, которые где по разнарядкам, а где и по своей инициативе конфисковывали хлеб в таких количествах, что не только не оставляли семенного запаса, но зачастую и обрекали крестьян на голодную смерть — вот главная причина голода 1921 — 1923 годов, унёсшего более 5 млн. человек, а вовсе не неурожай в Поволжье. Сокрытие хлеба каралось арестами, пытками и расстрелами.

Как проходила продрозвёрстка, показывает один из многих тысяч примеров: «...отряд с пулемётом арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж её был расстрелян» (из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов Пензенской губернии).

На насилие крестьяне ответили восстаниями, которые запылали по всей подконтрольной большевикам России. Так, задолго до выступлений Деникина, Юденича и Колчака большевики развязали Гражданскую войну, о которой ещё в декабре 1917-го ближайший соратник Ленина Троцкий сказал: «Наша партия за Гражданскую войну! Гражданской войне нужен хлеб. Да здравствует Гражданская война!» Война стоила, по разным оценкам, от 13 до 19 млн. жертв, не считая миллионов беспризорных детей-сирот, многие из которых в будущем пополнили «армию» уголовников.

Адепты ленинизма всё продолжают утверждать, что большевистская продрозвёрстка (она являлась составной частью военного коммунизма) была мерой вынужденной, поскольку: а) Украина стала независимым государством, в связи с чем РСФСР лишилась хлебных запасов, б) в стране началась разруха, промышленность остановилась, крестьянам нечего было покупать на деньги, вырученные от продажи хлеба, и посему они хлеб припрятывали, в) наконец, сами деньги стремительно обесценивались (инфляция достигала порой тысячи процентов в день), и посему для крестьян един-

ственным эквивалентом денег был хлеб, который они никак не хотели продавать за «совзнаки».

Это объяснение — лукавство. Во-первых, сами большевики активно приложили руку к разложению Русской Армии, к «братанию» с немцами, к «миру без аннексий и контрибуций» и, следственно, к поражению России в Мировой войне, продвижению германской армии на восток и захвату ею Украины. Ещё до Октябрьского переворота они на всех углах кричали о «праве наций на самоопределение, вплоть до отделения», и винить в потере украинской продовольственной базы им следовало только самих себя.

Во-вторых, промышленность остановилась не сама по себе, её остановили большевики. Национализировав промышленность (включая даже мелкие мастерские), они в одночасье разрушили все производственные связи между предприятиями и отраслями, а главное — изгнали «буржуазные» руководящие кадры и заменили их большевистскими, которые вообще ничем управлять не умели.

В-третьих, следуя своим «учебникам», большевики полностью отменили частную торговлю, рассчитывая на государственный товарообмен между городом и деревней. Даже когда в городах начался голод, они вели беспощадную борьбу с крестьянами (их называли «мешочниками»), пытавшимися обменивать свои продукты на бытовые предметы горожан.

В-четвёртых, инфляцию устроили не крестьяне, а опять же большевики. Согласно всё тем же своим «учебникам», они вообще отменили деньги и временно (до установления прямого продуктообмена) ввели ничем не обеспеченные «совзнаки», которые печатали без ограничений и которые никакой ценности не имели.

В-пятых, крестьяне резко сократили посевы: зачем сеять, если придут красные и всё отберут?

Введение военного коммунизма (частью которого было также введение трудовой повинности и даже трудармий; об обобществлении жён и детей официально вопрос пока не ставили) было вовсе не вынужденной мерой. Этот коммунизм строго соответствовал догматам марксизма и планировался задолго до 1917 года. Это уже потом, как бы для оправдания, к нему добавили слово «военный». Вынужденной мерой как раз была его отмена («всерьёз и надолго, но не навсегда»), вынужденной потому лишь, что непрекращающиеся народные восстания — не только крестьянские, но и городские — поставили большевистскую власть на грань краха.

В 1921 г. Ленин, оправдывая введение НЭПа, писал: «Развёрстка была наиболее доступной для недостаточно органи-

зованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков» (ПСС, т.44, с.7). Если учесть, что в начале мая 1918 г. не только «неслыханно трудной», но и вообще никакой войны против помещиков не было, единственная правда в этих словах — завуалированное признание неумения управлять государством.

Большевики отступили, но «не навсегда». НЭП для них явился только передышкой, а крестьянство по-прежнему было бельмом в глазу, поскольку в его руках находилась частная собственность (продукты его труда), а значит, оно всё равно оставалось «буржуазным», всё равно оставалось главным врагом марксистского коммунизма. С крупной русской буржуазией большевики расправились быстро (тех, кто не успел сбежать, расстреляли или посадили, притом к буржуйам-инородцам отнеслись весьма толерантно), потому борьба с «мелкобуржуазным» крестьянством оставалась одной из их главных задач. И они её возобновили в 1929 году, начав коллективизацию — Второй Русский Холокост

Была и ещё одна, не менее важная причина истребления крестьянства как сословия. Ленин и вся его «гвардия», включая и этнических русских, вроде Бухарина, были интернационалистами-руссофобами. В их планы входило создание Всемирной республики советов, без границ, а в будущем — и без национальных различий, или, говоря современным языком, — глобализация военно-революционными методами (польская авантюра 1920 года имела именно эти корни). Этим планам мешало национальное самосознание русского народа и, следовательно, его надо было подавить. А поскольку самым массовым носителем национального самосознания было русское крестьянство, то денационализировать, загнав в коммуны и колхозы, нужно было в первую очередь его.

Все 70 лет своей власти, исключая лишь несколько лет НЭПа, компартия воевала с крестьянством, ни на шаг не отступив от «всесильного учения». Менялись только методы раскрестьянивания. Коллективизация превратила крестьян в крепостных. Колхозники были лишены паспортов, работали за палочки в журналах (трудодни), их приусадебные хозяйства были резко ограничены и облагались огромными налогами.

Через 25—30 лет начались небольшие послабления, однако хозяевами земли крестьяне так и не стали. Обкомы и райкомы продолжали диктовать колхозам, что, сколько и когда сеять и строго спрашивали за отставания то в посевной, то в уборочной, то в вывозке навоза на поля. Колхозы преобразовывали в совхозы, совхозы — в агрогорода, «неперспектив-

ные» деревни ликвидировали, и всё это ради того, чтобы вытравить частнособственнический инстинкт. Догматизмом партийной идеологии умело пользовались и замаскированные русофобы, вроде главного теоретика ликвидации «неперспективных» деревень академика Заславской.

В итоге крестьянин от земли ушёл, но до города не дошёл, в итоге крестьянину стало на всё наплевать (пусть начальство думает!), в итоге крестьянин стал пить вдесятеро больше, чем при «проклятом царизме», в итоге страна впервые за свою историю с 1963 г. стала покупать зерно за границей.

И сегодня, хотя идеологические знамёна развеваются в противоположную сторону, продолжается истребление крестьянства, точнее, его остатков, только способы иные — ростовщические кредиты да баснословные цены на удобрения, технику и горючее.

Как известно, русские являются «самым непокорным народом в мире» (А.Даллес). И, как известно, крестьянство есть самая консервативная часть этого народа, а потому и наименее подверженная денационализации. Потому и уничтожается русское крестьянство как сословие, потому и зарастают бурьяном плодородные нивы, потому и завалили страну дешёвой импортной отравой.

Отбросим городскую спесь, снимем шапку перед русским Крестьянином! И в Отечественную войну 1612 года, и в Отечественную войну 1812 года, и в Великую Отечественную войну спас Россию он. Устоит ли крестьянин в нынешней Отечественной войне?..

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ОККУПАЦИЯ РОССИИ

Тема иностранных инвестиций на протяжении многих лет была одной из главных в выступлениях наших руководителей и в российских СМИ. Сегодня она отошла в тень. Причина — начавшиеся весной 2014 года экономические санкции Запада против России. С одной стороны, вроде бы ослаб приток иностранных инвестиций в Россию. С другой стороны, даже те иностранные инвесторы, которые обосновались в нашей стране, стали ее покидать. Действительно, Центральный банк России на протяжении трех последних лет фиксирует большие оттоки капитала. По его данным, в 2014 году чистый отток капитала из России был рекордным, превысив 152 млрд. долл. Правда, Центробанк не дает разбивку экспорта и импорта капитала по видам «российский» и «иностраный». Вместе с тем считается, что чистый отток капитала из России происходит преимущественно за счет иностранного капитала, хозяева которого, мол, опасаются неприятностей, могущих возникнуть из-за нарушения санкционного режима в отношении Рос-

ЭКСПЕРТЫ

сии. У некоторых наших сограждан (даже экономистов) возникло представление, что иностранный капитал покинул Россию. Мол, российская экономика теперь держится на отечественных инвесторах.

Однако должен разочаровать тех наших патриотов, которые думают, что экономика постепенно освобождается (или уже освободилась) от гнета иностранного капитала. То, что мы называем чистым оттоком капитала, демонстрирует движение спекулятивного капитала, который в России занимается лишь мародерством, но глубоко и надолго в экономику не внедряется. Но есть другой иностранный капитал, который не очень-то подвержен экономической и политической конъюнктуре и который Россию не только не покидал, но и намеревается ее дальше «осваивать». Можно даже предположить, что наши геополитические противники заинтересованы в том, чтобы иностранный капитал «глубокой закладки» в России оставался. Это примерно то же, что присутствие своих партизан в глубоком тылу противника. В любой момент времени такие «партизаны» могут всадить нож в спину России.

Статистика по присутствию иностранного капитала в российской экономике не очень богата. Но даже то, что дает Росстат, позволяет составить приближенную картину и определить динамику.

Позиции иностранного капитала в российской экономике после начала экономических санкций против нашей страны не только не ослабли, но даже укрепились. Особенно по такому показателю, как обороты (объемы продаж). Если экстраполировать тенденцию периода 2011—2015 гг., то следует предположить, что на середину 2017 года предприятия с участием иностранного капитала по показателю объема продаж превзошли предприятия российского происхождения. Разве это не засилье иностранного капитала? О последствиях (экономических и политических) такого засилья я уже неоднократно писал, поэтому повторяться не буду. Единственное, что хочу отметить: принятая в этом году «Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 года» (указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года №208) вообще умалчивает о такой угрозе нашей безопасности, как присутствие иностранного капитала в российской экономике. Тем самым значимость указанного документа полностью девальвируется.

В каких отраслях российской экономики позиции иностранного капитала особенно значительны? Это в первую очередь оптовая и розничная торговля. В капитале сектора тор-

говли доля организаций с участием иностранного капитала составила 81,4% всего уставного капитала. Кроме того, это пищевая промышленность, где не менее 2/3 отрасли контролируется иностранным капиталом.

Остановлюсь еще на секторе «добыча природных ресурсов». Иностранные инвестиции в уставные капиталы предприятий указанного сектора на конец 2015 года составили 82,76 млрд. руб. Общий объем уставных капиталов предприятий с участием иностранного капитала (далее — ПИК) отрасли на тот же момент времени был равен 197,91 млрд. руб. Получается, что в среднем доля нерезидентов (физических и юридических лиц) в уставных капиталах ПИК была равна 42%. В свою очередь, доля ПИК в общем объеме уставных капиталов всех предприятий отрасли составила 26%.

Объем продаж ПИК, действующих в секторе «добыча природных ресурсов», в 2015 году составил 3,95 трлн. руб. По отношению к показателю оборотов всего сектора это равняется 34,7%. Здесь мы видим (как и в случае с другими секторами экономики), что доля ПИК в показателях оборотов существенно выше, чем их доля в уставных капиталах. Если принять средний курс рубля в 2015 году, равный 60 рублям за 1 доллар США, то получается, что иностранные инвестиции в уставные капиталы предприятий сектора добычи природных ресурсов были эквивалентны 1,4 млрд. долл. То есть ценой таких мизерных вложений в уставные капиталы иностранцы купили право контролировать более 1/3 оборота добывающей промышленности России.

Приведенные мною оценки присутствия иностранного капитала в добывающей промышленности России базируются на данных Росстата. Имеются иные оценки. Вот, например, обзор под названием «Кому принадлежит экономика России». Этот общий обзор дополняется серией отраслевых (секторальных) обзоров, названия которых начинаются со слов «Кому принадлежит...» Авторы дают картину по разным отраслям, в том числе по сектору «добыча природных ресурсов» в 2014 году. По сектору «добыча природных ресурсов» были использованы отчеты и другие данные по 106 организациям добывающей промышленности по добыче 24 видов полезных ископаемых (в среднем 94% добычи этих ископаемых в стране). Казалось бы, по некоторым видам природных ресурсов ключевые позиции принадлежат государству. Например, по добыче газа. Но вот что пишут авторы обзора: *«Предприятиями с госучастием добыто около 3/4 российского газа. Опять же не забываем, что так же, как и в добыче нефти, среди газодобывающих компаний России нет ни одной,*

в которой не засветились бы офшоры или иностранцы». Вот резюмирующая цитата из отчета по сектору добычи природных ресурсов: «Предприятия в иностранной или офшорной юрисдикции добывают 55% российских полезных ископаемых».

В отдельном обзоре, который называется «Кому принадлежит сырьевая экономика в России», те же авторы дают более развернутое резюме по ситуации в добывающей промышленности России: «... всё участие государства в добывающей промышленности России сводится к владению Калининградским янтарным комбинатом, «ПГХО», «Алросой», «Роснефтью» и «Газпромом», которые, с учетом дочерних компаний, добывают весь российский уран, янтарь (официальный), около половины нефти, 75% газа и все алмазы. Все остальные ресурсы в России добываются частными, офшорными или иностранными компаниями». Отмечу, что в обзоре была рассмотрена отдельно добыча многих видов металлов, имеющих жизненно важное значение в производстве оружия и военной техники, таких, как полиметаллы, медь, никель, кобальт, молибден, металлы платиновой группы. Там нет никаких признаков присутствия государства (либо же оно представлено в гомеопатических дозах). Зато везде присутствуют иностранный и офшорный капиталы. Также обращаю внимание, что масштабы присутствия иностранного капитала в секторе «добыча природных ресурсов», оцениваемые авторами обзора, существенно большие, чем это вытекает из цифр, представляемых Росстатом.

У меня нет возможности приводить оценки, содержащиеся в обзорах из серии «Кому принадлежит...», по всем отраслям и секторам российской экономики. Отмечу лишь, что исследование было весьма фундаментальным, но, к сожалению, промелькнуло малозамеченным (думаю, что были приняты усилия по его замалчиванию). Попытаюсь привлечь внимание читателей к этому исследованию. В нем была рассмотрена деятельность не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности. По последней были проанализированы учредители 1265 предприятий и холдингов обрабатывающей промышленности (на них в 2014 году пришлось 74% объема производства по 121 виду продукции). Цель исследования — оценить, что еще из экономики остается в руках государства и в каких секторах еще можно ожидать приватизации остающихся государственных активов.

Вот резюме по положению в российской промышленности в целом: *«Активы государства пока еще наиболее велики в генерации электроэнергии, добывающей промышленности (нефтегазодобыча, янтарь, уран и алмазы), нефтепереработке,*

транспортном машиностроении, атомной промышленности. В остальных отраслях государство уже не играет заметной роли. Более половины из рассмотренных компаний имеют в списке акционеров или учредителей иностранные или офшорные компании».

И опять я возвращаюсь к документу «Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 года». Может ли власть членораздельно ответить, как она собирается обеспечивать экономическую безопасность страны в условиях, когда ей почти ничего не принадлежит? И вообще может ли она управлять страной, когда, по крайней мере, половина экономики принадлежит иностранному и офшорному капиталу?

Валентин СЕМЁНОВ,
доктор психологических наук

ЗАКОН И «КУЛЬТУРНАЯ МАФИЯ»

31 декабря 2015 г. В.В. Путин подписал указ № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ». В этом документе четко и однозначно говорится о том, что к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности в области культуры относятся: *«Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны»*. При этом «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины». Как видим, власть обозначает приоритет традиционных духов-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

но-нравственных ценностей и единство всей отечественной истории. Более того, заявляется идейное единство власти и Русской Православной Церкви, а также соответствие их целей-ценностей глубинной сущности русского менталитета и духовно-нравственному вектору народа.

Однако на практике этому ядру русского менталитета и традиционным российским ценностям в настоящее время противостоит духовно-нравственная и финансово-имущественная поляризация нашего общества. Противоречия между либералами, с одной стороны, и православными и просоциальными («белыми» и «красными») гражданами — с другой проявляются на всех «этажах» российского общества. Одним из основных препятствий для общества социальной справедливости и социального согласия выступает значительное влияние либералов-западников и сторонников глобалистско-потребительского постмодернистского общества в сфере культуры (образование, искусство, СМИ, реклама и др.). Отсюда — прозападный, антипатриотический, провокационно-безнравственный характер содержания многих телевизионных каналов, средств массовой культуры и искусства, по сути, предназначенный для перекодирования общественного сознания, традиционных российских ценностей и норм, в первую очередь, у молодежи.

Назовем некоторые негативные тенденции, которые проявляются в деятельности наших социальных институтов и средств культуры:

— явный уклон в пустое, зачастую пошлое и вульгарное развлекательство, юмор «ниже пояса» (телевидение, кино, театральная-концертная деятельность, развлекательные центры);

— преобладание на телеэкране отечественных криминальных сериалов и фильмов, в которых всё разрастаются сцены крайней жестокости и насилия, аморализма и цинизма, в том числе представителей полиции и закона (например, «Метод», «Майор», «Невский проспект» и т.д., и т.п.);

— откровенное заимствование негативных жанров (ужасы, мистика, антиутопия, монстро-вампиризм-мания, так называемая «эротика» и извращенный секс) и сюжетов западного кинематографа (например, перенесение истории «Рембо» в нашу провинцию или образа офицера-предателя из американского, снятого на основе израильского, сериала «Родина» — в Москву);

— тотальное засилье на многих российских телеканалах (в первую очередь, молодежных) американских фильмов, в

том числе антироссийских и антисоветских, где орудует чудовищная русская мафия, а наших солдат американские супермены убивают сотнями;

— практически неподконтрольная массовая «интернет-культура», с её субъективным произволом, ложью, обманом (фейками), сплетнями, злобными троллями, порнографией, языковым беспределом, стимуляцией к терроризму и самоубийствам, а также электронные игры, среди которых немало зомбирующих и вредных;

— расширяющееся вовлечение детей (даже самых маленьких) в шоу-бизнес, во всевозможные конкурсы, где «наставники» и «судьи» поощряют их подражание сомнительным «звездам» и «кумирам», калечат их личности неумеренным захваливанием и одновременно стимулируют безудержную конкуренцию и зависть;

— русский язык и русская речь уже требуют реальной защиты и лечения от эпидемии американизмов и иных иноязычных слов и интонаций, от чудовищной заразы нецензурной речи, от повсеместной массовой неграмотности (ударения, произношение, орфография и синтаксис). Авторитет русского языка снижается: бывшие республики СССР переходят на латиницу, даже малые дети всё чаще поют на певческих российских конкурсах на английском языке, граффити на наших улицах также рисуются исключительно на латинице, рок-поп-музыка также скоро будет только англоязычная. И на анонсах научных конференций в России уже не редкость такая констатация: «Рабочий язык английский»;

— в настоящее время в российской молодежной культуре отсутствует «галерея» образов современных героев (людей мужества и труда), их подменяют клипы «идолов потребления и моды»;

— не прекращается демонстративное поношение святого — духовного и нравственно-классического — так называемыми новаторами-авангардистами-постмодернистами: от разрубания икон на выставке и канкана в храме — до голых задов и физиологических «откровений» на сценах известнейших государственных театров. По какому праву лже-новаторы, неспособные создать ничего своего оригинального и великого, издеваются над творениями Пушкина и Чехова, Мусоргского и Чайковского? Почему эти проблемы не решаются юридически? И зачем тогда авторское право?..

Анализируя эти проявления контркультуры, нельзя не прийти к выводу о несомненной антидуховной, аморальной и в конечном счете антироссийской деятельности целого кла-

на чиновников и «делателей» подобной псевдокультуры. Возникает закономерный вопрос: почему не исполняются установки «Стратегии национальной безопасности» в сфере культуры? Почему можно разрушать истинные человеческие ценности, развращать детей и молодежь? Почему в то же время народное искусство, образы настоящих героев нашего времени, вечные ценности истины, добра и красоты не реализуются в нашей современной русской, российской культуре? Множество отечественных и зарубежных социологических и психологических исследований доказали, что подобная «грязная», античеловечная культура отрицательно и разрушительно влияет на людей. Большинство российских граждан осуждает проявления жестокости и низости в массовой культуре и искусстве. Значит, государство в содружестве с народом и церковью обязано очистить и вылечить отечественную культуру от становящихся хроническими болезнями.

Так, Театр им. Ленсовета 19 и 26 апреля этого года давал спектакль «Город. Женидьба. Гоголь». В афишах объявлялось, что это сочинение по пьесе «Женидьба» Н.В. Гоголя. И тут же: «В спектакле звучат тексты из романа Достоевского «Идиот» и романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин», стихотворение Цветаевой «Мы с Вами разные, как суша и вода». И далее: «Режиссер Юрий Бутусов вместе с замечательными артистами сочиняет шемящую петербургскую историю про одиночество...» То есть вновь нам навязывали очередное примитивное постмодернистское издевательство над классиками, которое может вызвать только сарказм: бездари по-прежнему продают убогий коллаж, занимаясь наглым воровством и плагиатом. Когда же наши правоведы сумеют защитить авторские права великих?!

Данила Козловский снялся в фильме наших британских «друзей» о русской мафии на Западе. С ним снялся ещё один «достойный» канадско-российский гражданин Алексей Серебряков и дочь великого русского писателя, режиссера и артиста Мария Шукшина. А поп-певец Максим Леонидов с коллегами использовал персонажей Марка Твена (Тома Сойера и всю компанию), пересадив их в 1950-е годы и назвав это детским спектаклем «Крем, джем и Буги-вуги («Буги» — с заглавной буквы). То есть здесь уже была международная кража... И впрямь — «культурная мафия»...

СИСТЕМА, УБИВАЮЩАЯ РАЗУМ

В школах в авральном порядке внедряется система электронного обучения. Проект экспериментальный, предварительно не опробованный, не имеющий аналогов в мире. В прошлом учебном году в Москве электронное обучение пытались внедрить в 8 пилотных школах. Педагогической общественности неизвестны результаты эксперимента даже по этим школам.

Очевидно, что проведенный эксперимент не является представительным, сроки проведения слишком кратки и явно недостаточны, выборка слишком мала, искусственно подобрана. Сроки проведения ничтожно малы и не могут дать представительных результатов.

По замыслу «реформаторов» московского департамента образования, благодаря использованию новейших электронно-информационных технологий все столичные школы будут объединены в одно электронное образовательное пространство. На уроках ученики, начиная с начальных классов, должны пользоваться исключительно индивидуальными планшетами или смартфонами, связываясь по Wi-Fi с интерактивной доской в классе, заполнять в них тексты, читать электронные учебники, «посещать» виртуальные экскурсии, пользоваться виртуальными лабораториями, электронными библиотеками и обучающими компьютерными играми.

Сейчас идёт массовое техническое переоснащение столичных школ. Классы оборудуются интерактивными досками, роутерами Wi-Fi и т.д. Учителя успешно проходят обучение по новой системе, тренируются создавать электронные уроки, наполнять электронные библиотеки новыми материалами. Для этого к ним приставлены «тьютеры» — инструкторы по внедрению «московской электронной школы». Педагогов и директоров стимулируют для участия в проекте материально. Разработчики электронных материалов для Московской электронной школы (МЭШ) получают гранты от прави-

тельства Москвы. Их сумма будет зависеть от востребованности (количество скачиваний материалов) и составит от 10 до 150 тыс. рублей.

подавляющее число родителей не в курсе происходящего, поскольку сведения о готовящемся кардинальном преобразовании столичной системы воспитания и обучения скудны и обрывочны.

В общественное пространство в качестве успокаивающего информационного прикрытия массированно вбрасываются материалы PR-кампании с голословным утверждением о выдающихся успехах московской образовательной системы. Успехи эти более чем сомнительны. Нет серьезной аргументированной базы для сравнения. Опытные педагоги ещё советской школы полностью вытеснены из столичного школьного пространства. Корпус директоров московских школ тщательно сформирован из людей, полностью лояльных лихим нововведениям. Нет оценок беспристрастных независимых экспертов. Всё это выглядит как хорошо подготовленное манипулирование фактами. А факты таковы: катастрофическое падение среди подростков школьного возраста знаний, грамотности, способности к запоминанию и критическому мышлению.

Угрозой национальной безопасности назвала 26 февраля существующую систему образования педагог, председатель Московского отделения Общероссийской общественной организации защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС) Анна Кульчицкая на круглом столе Общественной палаты РФ «Состояние и профилактика преступности среди несовершеннолетних».

Проект электронной школы должен заработать уже с сентября 2018 года. Почему такая авральная спешка? Почему всё происходит в атмосфере замалчивания? Внимание общества отвлечено событиями на Украине и в Сирии. Общество наше медленно приходит в себя после погрома «лихих девяностых»: здоровые тенденции в нашей жизни постепенно набирают силу, и маятник социальных процессов может качнуться не в пользу «пятой колонны», поэтому «реформаторам»-разрушителям надо спешить...

Вся эта реформа — похоже, волюнтаристская инициатива департамента образования Москвы и Минобрнауки. Никакого экспертного широкого общественного обсуждения эта трата колоссальных бюджетных денег не проходила. Отсутствует нормативная и законодательная базы подобного электронного обучения. Московская электронная школа может

резко изменить (далеко не в лучшую сторону) судьбы сотен тысяч людей — подопытных детей и педагогов.

Всё познаётся в сравнении. Какова ситуация с внедрением виртуального электронного обучения в «граде на холме», в самой передовой и демократичной стране мира — США? В наиболее технологически продвинутом государстве современности в сфере школьного образования наблюдаются диаметрально противоположные процессы. Дети руководителей американских IT-компаний занимаются в школах, где вообще нет компьютеров. (В то время как московских школьников опускают в стихию виртуального цифрового мира с непредсказуемым контентом, куда легко войти и очень трудно выйти.) Руководители и сотрудники таких мегакорпораций, как Google, Apple, Yahoo, Hewlett-Packard, также определили своих детей в школы без компьютеров. Внешний вид школы в Силиконовой долине прост и старомоден: стеллажи с энциклопедиями, атласами, справочниками, деревянные парты, старинная классная доска с цветными мелками, традиционные бумажные тетради и учебники, цветные карандаши, приспособления для лепки из глины и иголки для шитья... В школе запрещены любые виды компьютеров, педагоги настоятельно не рекомендуют учащимся использовать компьютеры и гаджеты дома... Развивая жизненно важную для детей мелкую моторику, на специальных уроках ученики вяжут спицами, похвалы и высоких оценок удостоиваются ученики с красивым чётким ровным почерком. На одном из уроков ученики второго класса, стоя в кругу, повторяют за учителем стихотворение, одновременно играя с мешочком, наполненным фасолью для обучения синхронизации действий тела и мозга.

Родители этих детей — выдающиеся программисты, ведущие специалисты в области компьютерной техники — применительно к обучению и воспитанию своих детей уверены, что компьютеры не позволяют развиваться творческому мышлению подростков, внимательности, памяти, двигательной активности, коммуникабельности, другими словами, школа, желающая добра своим питомцам, и компьютеры — несовместимы. Эти родители считают, что после завершения обучения молодые люди без труда в домашних условиях легко освоят технологии общения с программами компьютеров, если такая необходимость на тот момент возникнет. Компьютеры легко освоить, поскольку для пользователя технологии общения с компьютером очень простые.

Известный американский учёный Пол Томас, профессор Университета Фурмана, написал 12 книг об образовательных методиках в государственных учреждениях и показал, что для образовательного процесса лучше, если компьютеры используются как можно меньше: «Образование — это прежде всего личностное переживание, получение опыта. Компьютерные технологии только отвлекают, когда нужны грамотность, умение считать и способность критически мыслить».

Компьютеры отсутствуют в системе образования в закрытых элитных школах Англии и Японии. На действительно заботящиеся о своих питомцах московские национальные грузинские, еврейские, армянские школы реформа не распространяется... Проигнорировали эту странную реформу частные школы для детей состоятельных родителей, например известная Ломоносовская школа...

Кто проводил серьёзные исследования о воздействии излучения электронных устройств на организм человека, тем более детей? А был ли определён объём электромагнитного излучения от множества различных устройств, находящихся в одном помещении, не возникнет ли эффект резонанса, синергии? В практике разработчиков МЭШ в каждом классе должен быть свой роутер, интерактивная доска, 25—30 планшетов учащихся, планшет у учителя, электронные книги, мобильные телефоны. И это в помещении только одного класса, а сколько классов в здании школы?

Для справки: оценка Научного центра здоровья детей РАМН учебных занятий с привлечением электронных планшетов в 7-х классах показала, что при гигиенически рациональной организации урока (оптимальная смена видов деятельности, плотность уроков — 60—80%) общая продолжительность работы с планшетом за урок должна составлять не более 15 минут, а непрерывная — не более 4 минут. Соответствуют ли методики преподавания в среде МЭШ этим рекомендациям? Нет, не соответствуют.

С большой степенью вероятности мы получаем большое поколение? Почему надо экспериментировать сразу на всех детях? Почему такая спешка? Для объективной оценки МЭШ необходимы независимая беспристрастная экспертиза высококлассных специалистов, длительный эксперимент в течение нескольких лет в разных регионах страны. Необходимо заранее на основании фундаментальной доказательной базы определить: каково влияние навязываемой компьютеризации и виртуализации на общее здоровье, на зрение и осанку, на способность продолжения рода, психику, интел-

лектуальное и духовное развитие, умение дружить, сопереживать, на социализацию школьников, смогут ли они стать достойными гражданами нашего государства, патриотами своего Отечества.

Легко догадаться, что в системе МЭШ учитель постепенно станет лишним, а затем при массовом чипировании населения лишней станет и сама школа. В Высшей школе экономики уже обсуждается возможность замены лекторов на онлайн-курсы. Академик Георгий Фурсей считает, что замена личного активного общения с преподавателем на диалог с экраном монитора недопустима...

Для цифровой среды МЭШ нужно огромное количество компьютеров, планшетов, смартфонов. Наша промышленность эти устройства не производит — в результате происходит импорт западной техники на огромные суммы из нашего тощего бюджета. Насколько это оправданно в наших экономических реалиях? В чьих интересах нахрапом осуществляется эта реформа? Кто выгодополучатель? Однозначно — не ученики...

Игорь РОМАНОВ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ И БУТАФОРСКАЯ МОНАРХИЯ

Княгиня Мария Владимировна Романова приехала в Крым со своим сыном Георгием из Европы. Ну и что? Разве стоит эта новость того, чтобы о ней сообщали в центральных информационных изданиях. Скорее всего, не стоит. Но кто-то заставляет средства массовой информации обращать внимание читателей на это частное событие частной жизни европейских туристов.

...Смутное время. В это время мы сейчас живем. В смуте мутной трудно увидеть правду. Даже очертания лиц размыты в этой мутной воде нашей действительности.

Смута в наших головах, потому что большие информационные потоки размывают сознание. Но эти потоки не дают глубоких, полных, системных знаний. Человек просматривает новости, лазает в интернете по «полезным» сайтам. А умнее не становится. Скорее, наоборот, тупеет. Информация много, но она обрывочная, не подчиненная ясной цели, не имеющая четко означенного предмета. О чем пишет любой новостной канал? Обо всем. Новости даже не имеют иерархичности. Сплошная каша из винегрета. «Миллиардер уехал в Лондон». «Собака укусила слона». «Жаренных паучков готовят в соевом соусе». «Вратарю «Ливерпуля» желают смерти». «Трамп плюнул в лицо Киму и тут же заботливо протер...».

Внутри всей этой ахинеи постоянно проводятся какие-то информационные кампании. Вся мировая информационная политика — это большая кампания, а в ней есть краткосрочные и долгосрочные проекты, такие как «Мария Владимировна». Мария Владимировна — удивительная женщина, которая именуется главой Российского императорского дома. При этом есть исторический факт, что великая Российская Империя разрушена с прямым участием дедушки Марии Владимировны — двоюродного брата Царя Николая II — Великого князя Кирилла Владимировича, поддержавшего свергавших монархию февралистов в 1917 году. Кирилл, как известно, повязал красный бант и со своим отрядом — Гвардейским экипажем — явился к Родзянко, председателю революционной Госдумы. Явился, присягнув на верность революционерам, по сути, отрекшись от Императорской Фамилии...

Совершив предательство, Кирилл Владимирович впоследствии благополучно оказывается за рубежом, где через шесть лет после убийства Царской Семьи провозглашает себя Всероссийским Императором. И в этом самопровозглашенном состоянии доживает до 1938 года. Потом самопровозглашенная эстафета переходит к сыну Владимиру. От Владимира Кирилловича — к Марии Владимировне. Мария Владимировна по воле своего папы становится главой российского императорского дома — некоей общественной организации с большими политическими амбициями.

У Марии Владимировны от брака с принцем Прусским рождается в 1981 году пухлый розовощекий мальчик. Мальчика назвали Гошей — Георгием и стали готовить на «царствование» в России. Сейчас РИА «Новости» так и сообщают: «Цесаревич прибыл в Крым». А ведь этот новостной канал, можно сказать, почти официальный, почти государственный.

Всем, что имеет «цесаревич» Гоша, он обязан матушке-Европе. И местом жительства, и образованием и даже работой. Гоша, родившись в Мадриде, высшее образование получил в Оксфорде, как и его мама. Затем трудился в Европарламенте помощником вице-президента Еврокомиссии и так далее... Даже в российском «Норникеле» поработал. Вероятно, в целях адаптации к месту будущего «царствования». Георгий знает несколько европейских языков, но с русским у него не сложилось. По-русски он говорит очень тяжело, с большими акцентом и ошибками. Папа Георгия, чью фамилию должен носить Гоша, вообще — Гогенцоллерн. И Гоша должен быть Гогенцоллерн. Но это, вероятно, не соответствует мировому замыслу по установлению лжемонархии в России.

Георгия вместе с мамой встречают на высшем уровне, целуют им ладони, именуют высокими императорскими титулами. Выглядит это странно, ведь если наши современные высшие государственные лица в России обращаются к Марии Владимировне как к императрице, то какое место они отводят себе? Кто они тогда, если кланяются императрице и называют ее императорским величеством? Неужели они ее подданные?

Предки кирилловичей-гогенцоллернов были очень далеко, когда Государь Николай Александрович принял мученическую смерть вместе со своей святой Семейей. Все, кто оставался с Царем, кто был предан Ему, были жестоко убиты. Причем, дедушка Марии Владимировны в это убийство внес свой заметный вклад.

На этом фоне официальные встречи с Марией Владимировной на высшем политическом и даже церковном уровне в России выглядят скорее кощунством по отношению к памяти святого Царя-мученика Николая. Именно кощунством, наподобие проекта «Матильда».

Депутат Госдумы Наталья Поклонская вернула Марии Владимировне награду «Российского императорского дома» в связи с позицией «императрицы» и ее окружения в отношении кощунственного фильма «Матильда», ставшего публичным поруганием святого Государя.

Мария Владимировна не возражала по поводу показа фильма. Ее представители даже заявили, что та омерзительная ложь в отношении Царя, которая была продемонстрирована в фильме, является «историческим фактом».

Исторический факт, что Царь Николай Александрович — святой, а дедушка Марии Владимировны — Кирилл Влади-

мирович — предатель. Медузообразную позицию Марии Владимировны и ее «дома» в отношении фильма «Матильда» следует расценивать как очередное предательство Царя-мученика. Предательство, совершенное уже потомками Великого князя Кирилла Владимировича.

И нам бы не было дела до предателей, проживающих в Европе. Европа — это такое место, к предательству располагающее. Но беда в том, что с ельцинских времен в Отечестве нашем выстилают ковры перед европейскими лжепретендентами на Российский престол.

Уже не первый раз заводятся разговоры о предоставлении Марии Владимировне и ее сыну резиденции в Москве. Весной этого года агентство «Интерфакс» разместило большое интервью с княгиней, в котором Мария Владимировна в очередной раз поведала о своем желании переехать в Москву. Однако для этого Россия должна выполнить несколько условий. Как минимум — предоставить резиденцию в Москве всему «императорскому дому». Мария Владимировна дает понять, что жить на улице она не может. На восстановление монархии в России Мария Владимировна вместе с сыном не претендуют. Они готовы встроиться в демократическую политическую модель, которая существует сегодня в нашей стране.

Хотите жить в России, так переезжайте. Чтобы не пребывать здесь на улице, продавайте жилье в Мадриде и приобретайте дом в любом российском городе — хоть в Москве, хоть в Крыму, хоть в Уссурийске. Живите и трудитесь в России, можете даже «дальневосточный гектар» взять и пчел разводить или никель плавить. А почему особняк должен быть вам, Мария Владимировна, в Москве предоставлен?

Но дело далеко не только в Марии Владимировне. Нельзя исключать, что она сама и ее сын уже не рады, что ввязались в этот спектакль «с установлением монархии» в России. Но нельзя было не ввязаться. Это ведь наследственный груз. Еще Кирилл Владимирович оказался в этом долгосрочном мировом замысле. Замысел в том, чтобы любыми способами контролировать и губить ростки истинной монархии в России. Вообще любая небутафорная монархия в мире — это серьезное препятствие на пути глобального сатанинского порядка. Монархия истинная не оставляет возможности мировому сообществу разрушать границы государства, стирать его культуру и брать управление в свои руки. При настоящей, неконституционной монархии — власть в руках монарха, а не в руках двухсот семей, руководимых проходимцем с большой горы.

Для чего нужны такие, как Мария Владимировна с Гошей? Чтобы подменить настоящую монархию бутафорией, плюшевой игрушкой.

Монаршую резиденцию, в которую должна перебраться Мария Владимировна, необходимо создать, чтобы плавно, не слишком заметно приучить наш народ к тому, что в России живут «императрица» и «наследник престола». Мол, пусть живут, никому не мешают. Зато всё как в Европе. Там тоже монархи существуют. Недавно внук английской королевы Елизаветы, Гарри, женился на уже бывшей замужем афро-американке, актрисе из телесериалов. И ничего. Вся Великобритания плакала от счастья и восторга. Известные футболисты и содомиты на свадьбе присутствовали. Сакральность монархической власти уничтожена. Сама идея монархии в мире уже попрана, брошена псам. Только в России еще горит крохотное пламя истинных монархических настроений. В России еще живет в сердцах боголюбивого народа мысль о Царе. В России любят и молятся святому Царю-мученику Николаю. Молятся ему и в тех странах, где с надеждой смотрят на Россию. Потому и пытаются внедрить нам «монархический евростандарт». Чтобы все те, кто мечтает «о православном Царе», успокоились. Или, как сказал министр обороны Великобритании, «отошли в сторону и заткнулись». Так министр британский посоветовал сделать всей России, когда с нашей стороны последовали первые возражения по делу о Скрипалях.

Мутное дело — вся эта история со Скрипалями. Но ведь и с Марией Владимировной, и со всеми этими лжемонархами — тоже дело непрозрачное. Время такое. Смутное.

Но всякое смутное время на Руси кончается. И собирается Земский Собор. Он и засвидетельствует то, что будет открыто людям духоносным.

УВИДЕТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ ЧЕЛОВЕКА

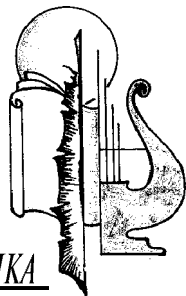
К 70-летию Валерия Хатюшина

Статья первая

1

На первый взгляд, все поэты пишут об одном — о земной жизни, о любви, о близких людях... Но лишь немногие пишут так, что сжимается сердце и кажется, что всё сказанное — о тебе, о твоей судьбе, о твоих слезах и печалях или о твоей бесконечной радости. И при этом настоящая поэзия не заслоняет облик самого поэта, она его высвечивает, показывая изнутри. Для него хронология жизненных переживаний куда сильнее и важнее, чем сама жизнь. Эта вереница событийных эпизодов и есть его настоящая жизнь. Таковой мы видим ее в стихах удивительного поэта Валерия Хатюшина.

Каждая строчка, написанная его душой, сопряжена с великой тайной бытия. Мир глубоких раздумий, выраженных ёмко, самобытно, эмоционально, предстаёт перед читателем. «Неразрешимая тайна», которой открывается первый том в Собрании сочинений В.Хатюшина, в его стихах давно разрешилась. Именно они, творения поэта, отвечают на «безответный вопрос»: «Почему я стал поэтом?» Стихи ответили просто: по-другому быть не могло, судьба выбрала того, кто сумеет найти слова, исполненные глубоким содержанием и непреходящей важностью.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В стихах В.Хатюшина — портрет Человека с большой буквы, образ его времени, этапы творческого поведения многогранной личности, смелой мысли и робкой надежды. После пристального чтения поэт оказывается совсем рядом: вдумчивому читателю становится понятно и близко то, что чувствует поэт, когда «капли текут по стеклу в хмари осенних дней» или когда «давит сумрак ночной» и «ночь тяжела обидами»...

В ранних стихах юного поэта много личного, пережитого, выстраданного. Здесь реальные герои, и сам автор реален, а страсти, бушующие в душе романтика, — неудержимы. «Раскованность рисковая, безудержность...» определяют поступки человека, который «накрепко врос в тайгу», и она для него — святое место, храм. И не только тайга — во власти поэтической интонации всё, что окружает поэта: «гребни крыш», «вечерние жёлтые окна», «изумрудная чудная зелень», «белёсый туман» и романтика времени, её герои:

*...Они в мороз работали смеясь,
в теплушки шли угрюмо и устало.
Потом, в одном вагончике сойдясь,
тепло и грустно пели под гитару...*

Природа для молодого поэта была храмом, в котором можно слушать тишину и молиться с ней, никого не замечая. И в этой хрупкой тишине происходил настрой чувств и мыслей раннего юного человека.

Читая первый том Собрания сочинений В.В. Хатюшина, я отмечала про себя бесхитрость его стихотворений. Всё как на ладони — смотри, понимай, отторгай... Я старалась понять, откуда исходит упругость стиха и сила яркого слога. И наконец понимала: они сотканы из той же тишины и желтой россыпи морозных ночей, из мутной дрожи утреннего голубого сиянья, бескрайнего простора, сплошной вечерней синевы. Оптимистично звучали слова поэта: «При всех невзгодах жизнь прекрасного полна».

Как справедливо замечал известный поэт Анатолий Аврутин в своей статье о творчестве В.Хатюшина («Рыцарь русского образа»), «поэт не умеет лгать и притворяться, а потому и строка его, становясь всё мудрее, просветляет нынешний облик автора...»

Стихотворная мысль молодого поэта была прикована к великой тайне мироздания, к вечности, к красоте существующего в природе. Здесь и мечтательность, и тяга действовать, и тревога за судьбу человечества:

*Всё продали, всё предали,
всё отдали на слом.
Мы жили и не ведали,
что к этому придём...*

Осмысленная сила не только тоски, но и радости звучит во многих стихах, она обретает возможность быть символом — ступенькой энергии, который будоражит кровь влюбленного, любящего и любимого. Любовные испытания безмерны, безграничны — они в «туманности речей», в бессонных ночах, в холодном взгляде уходящей женщины и в собственном непонятном «спокойствии». Реальные переживания в стихах о любви наполняются какими-то неземными, возвышенными чувствами.

«Ты загадай меня и разгадай» — вот, пожалуй, то главное заветное желание, которое так необходимо не только молодой ищущей душе, но и вполне зрелой. Она всегда у поэта живая, ранимая, умеющая молчать и говорить. «Душа моя, давай поговорим. В такую ночь кому с тобой нужны мы?» Свои сложные внутренние состояния поэт воплощает опосредованно — через деталь внешнего мира, через то, что может дышать, жить, чувствовать. Или просто быть сновиденьем, быть частью Вселенной.

*Затем ли мы с тобой нашли
друг друга в поднебесном царстве,
чтоб дни томительно текли
в тоске, обмане и коварстве?*

Поэт знает точно: «душа бессмертна»... Убедительно звучит мысль в одном из стихотворений о вечной любви. И в это трудно не поверить. Так ёмко, так искренне передается душевное состояние, граничащее с надрывом, надломом, невосполнимой потерей, звучит так, что, несомненно, веришь в истинность этих строк:

*...Я ей до святости послушен,
хоть стынет горечь на устах...
Когда она смотрит мне в душу,
я вижу боль в ее глазах.*

*Я за нее на этом свете,
уже наученный добру,
всем существом своим в ответе,
она умрет — и я умру. («Моя любовь»)*

Не только душа, но и душевное Слово, по убеждению поэта, не знает тленья — оно вечно:

*Сгорает лишь то,
что подвержено тленью.
Забудется всё,
что подвластно забвенью.
Но душу всего
беспредельно живого
в себе сберегает
бессмертное Слово.*

В художественном воображении поэт В.Хатюшин свободно перемещается в пространстве и во времени, но везде поэту уютно, во всём он видит гармонию и красоту. Это какой зоркий глаз нужно иметь, чтобы видеть, как «луна полыхает в окне», чувствовать, как «молча слушают стены»!..

В каждой строчке поэт дорожит настроением, тем состоянием расположенности к тому, о чем пишет, о ком страдает, кого видит или представляет. В вечном ожидании пылкая душа поэта: «Я чувствую, что радостное что-то со мною вдруг должно произойти...»

Есть у В.Хатюшина особый, тонкий дар обо всём сказать сочно, к месту, ладно. Творческий процесс создания стиха представляется удивительной лабораторией души поэта, в которой собраны именно те слова и словосочетания, которые извлекутся в нужный момент для создания яркого образа.

*О, как тихо в этот вечер,
как безгрешно и темно...
Я зажгу сегодня свечи
и поставлю на окно.
И во мраке отразятся
их дрожащие огни,
плавно стёкла заслезятся,
и кому-нибудь приснятся
золотые в прошлом дни...*

Мотив одиночества проходит через весь стихотворный ряд первого тома, гармонично уживаясь с любым другим мотивом. Одиночество стало осознанной мыслью, обреченностью и безысходностью. «В громадном городе один» — прочитывается строчка как трагедия человека, осознавшего своё состояние в какой-то непростой жизненный момент. Автор не боится поделиться своими переживаниями с читателем, по-

тому что он ему доверяет. «Так неуютно и беззвёздно вокруг меня, как и во мне...» — то же состояние одиночества, до боли знакомое каждому, и потому отвлеченное понятие наполняется жизнью, смыслом и надеждой: «Но где-то есть душа живая, которой плохо без меня...» Автор скорее всего не надеется на благосклонное внимание публики к своему одиночеству, но читатель в нём непременно найдет собственное «больное» и одинокое в тоскующей душе.

*Я умру, а кто осиротеет?
Разве только тихая звезда.
Чуть заметным холодом повеет
от реки — и зарыбит вода...*

Поэту В.Хатюшину, по моему читательскому убеждению, важен не столько сам человек, сколько его душа. И определяет он Человека по особому критерию: сколько души в человеке? Лирика поэта — исповедь перед самим собой, перед собой строгим, требовательным, привередливым. И душа поэта стремится от разлада и противоборства с окружающей действительностью прийти к единству и согласованности в земном мире. Хотя на поверхности таких выводов нет — они читаются между строк, угадываются через подтекст.

Остро и проникновенно мыслящий лирик В.Хатюшин умеет чувствовать радость, боль, тревогу, одиночество. От сердечного чувства путь стиха лежит к глубокой мысли, к осознанию: «...Все мы временно прописаны на единственной Земле»; или: «...В своей стране — как странники, нигде нам места нет...»

Через стихи, через бездну их лирического подтекста, через недосказанность и таинственность просматривается плотная ткань образов. Огромный мир противоречий открывает первый том многогранного творчества Валерия Хатюшина, и в нём — реальная жизнь, судьба, сотканная из звуков и красок земли, из тончайших сокровенных мыслей поэта, для которого Человек с большой буквы важнее всего. «Есть единственный храм во Вселенной, называется он Человек» — такими словами заканчивает автор стихотворение «Спасение». Да, видеть в человеке Человека — основа происходящего, настоящего и вечного, она объединяет все стихи, вошедшие в этот том. В них — жизнь, и суть ее — в любви к Человеку и к окружающему его миру.

2

Первый том Собрания сочинений Валерия Хатюшина удивителен еще и тем, что в неброской манере, но уже проступает

образ светлого чувства — веры, без которой, пожалуй, невозможно постичь ничего в этом хрупком мире. «Бесцельная, плутаешь, как во мгле, бурьяном заросла твоя дорога» — так автор определяет путь без веры: путь в никуда, в пустоту и бесцельность. Его риторический вопрос, еще в 80-е годы прошлого века адресованный стране, был адресован и каждому, способному мыслить:

*Россия, далеко ль уйдёшь без Бога?
И есть ли путь без веры на Земле?*

Но до определённого момента автор стихов всё же видел спасение души человека в постоянной работе над собой, в стремлении стать лучше, добрее:

*Мир наш будет чего-нибудь стоить,
станут помыслы наши чисты,
если каждый сумеет построить
в нежном сердце приют доброты.*

Вера — очень непростой процесс сосредоточенности, обновения личности и душевной самоотдачи, он повторяет в миниатюре процесс создания фундамента дома, на котором и держится вся остальная конструкция. Так и в стихах Валерия Хатюшина человек проходит непростую стадию перехода, перерождения, формирования в личность значимую, духовно наполненную, настоящую!

Постепенно блоковское понятие «вочеловеченности» звучит в стихах В.Хатюшина всё настойчивее — оно в земном воплощении великих истин красоты, добра, справедливости. И, наверное, совсем не случайно поэт заканчивает первый том словами: «Здесь полной мерой понимаешь причастность гжучую к Нему...» Такого осознания не было у юного поэта — оно пришло позже, с «тоской бесконечной», «с бесприютной звёздной мглой», с большими потерями и со своей *печалью*, потому что

*Одна она лишь не предаст
среди общей слепоты,
и только с нею Божий глас
расслышать можешь ты.*

И, приступая к чтению второго тома, окончательно приходишь к выводу: нет, не случайны эти последние строчки из первого тома: в них и есть та суть, которую обретает человек, перерождаясь в Человека.

Мир сотворён по Слову, и Словом он избавляется от пу-
стого, наносного, лишнего. Благодаря Слову, мир идеали-
зируется, приобретает гармонию. В Слове — путь к Исти-
не, приводящий к ней через сомнения и печали. Всё зри-
мое, всё отчётливее поэт-романтик становится поэтом-
философом, и снова звучит вопрос, но уже иного порядка:
«Кому нужны твои стихи?» Не ожидая шаблонного, избы-
того ответа, сам же и отвечает: «И если пишешь для себя —
ты лишь тогда поэт». «Для себя», должно быть, надо пони-
мать буквально: отдавая себя во власть Слова, несущего
свет! По-другому истинный поэт отвечать на этот вопрос
не может и не должен!

Второй том стихов В.Хатюшина — как новая жизнь, но со
старыми и обострёнными тревогами, переживаниями. Мета-
форичность языка обуславливается степенью зрелости са-
мого поэта.

Никогда не изменяя призванию, Валерий Хатюшин упорно
проносит живое слово, необходимое людям, что и означа-
ет — «пишет для себя»! Боль за произошедшее и происходя-
щее вырывается из души — и рождаются стихи как образцы,
достойные пера поэтической классики.

*Ты услышишь не раз как о сказочном чуде
об ушедшей Отчизне своей.
Той великой страны больше нет и не будет.
Много раз мы поплачем о ней.*

*Мы свободными были, спокойно общались.
Всех нас праздник за стол собирал...
Мы с червонцем в кармане
на поезде мчались
хоть на запад и хоть на Урал...*

Мир в зрелых стихах поэта-лирика, поэта-философа В.Ха-
тюшина — это мир, творимый руками человека. В природе
всё совершенно: «Светлый мир, задуманный прекрасно...»,
«звенит в траве кузнечик», и «душу лечит соловей»... Но в
человеческом мире всё по-другому: «Безумный род людской
исчадью тьмы послушен», «торгует вся страна, торгует чем
попало...», «весь мир погряз в деньгах». Израненное сердце
поэта, чувствуя боль за судьбу страны, презирает недостой-
ное в ней, мелкое, пошлое, грешное...

И в то же время поэт-философ Валерий Хатюшин верит в
преображение России на началах добра и высшей справед-
ливости: «Нет, никакая в мире нечисть из нас не вытравит

людей...» С надеждой и тревогой поэт всматривается в даль, открывающуюся его взору.

*За помраченьем и развалом
нас ждёт весенняя страда...*

Поэт — «пришелец из мира иного», способный «молча плакать» и «глухо рождение своё проклинать», переживая за страну, — воистину велик! Величие не в слезах и не в печали, а в смелом Слове, наполненном человеческой верой.

Громко, настойчиво поэт Валерий Хатюшин заявляет о том, что его судьба — это судьба его страны, судьба людей, с которыми рос, мужал, судьба его современников. В стихах поэт говорит с читателем открытым текстом, чаще всего не прибегая к полунамёкам, туманным эвфемизмам и эзопову языку.

Второй том Валерия Хатюшина, на мой взгляд, не для женственной публики, привыкшей к романтичному и сентиментальному чтению. Слишком много здесь открытой боли, оголённого нерва, жгучей печали и тоски. Это стихи, порождённые рубцами на сердце.

*Как пережить мне этот новый ад,
где столько прежней силы взять — и выжить,
теперь, когда дороги нет назад,
когда последний свет из сердца выжат?*

Мотив одиночества, обречённости занимает пространство многих стихов Валерия Хатюшина, порой вытесняя из них всё «живое». Тонкий, нежный поэт-лирик из первого стихотворного тома превращается в поэта-христианина, бичующего, хлещущего, обвиняющего себя за все грехи мира.

*Навсегда эта горечь прописана
там, где буду свой век доживать.
Всё вокруг будет ею пронизано...
Так, наверное, свыше предписано:
цену полной свободы познать.*

Но признавая своё отчаяние грехом, поэт пытается не «открывать спящим людям уставшую душу». Как спасение является «Молитва» — стихотворение, способное исцелить страждущего и немощного...

*Помоги мне, Господи, помоги,
от отчаянья душу мою сбереги.*

*Помоги мне выжить, печальный лес,
дай надежду мне, синева небес.*

*Сбросить с плеч этот мрак — не хватает сил,
видно, сердце я попусту износил.*

*Укрепите мой дух, вековые дубы,
чтобы вырваться вновь из капкана судьбы.*

*Дождь и ветер, не дайте ослепнуть от слёз,
не сорваться во тьму помощи мне, Христос...*

Отрезанный «от светлого мира», поэт чувствует себя загнанным и обреченным, и здесь поэтическая мысль движется между двумя полюсами: бытие — небытие. Вот в этом и проявляется масштабность мысли, её сила и бессилие. Конфликт — в сложном взаимодействии «за» и «против», дня и ночи, сна и бессонницы...

Однако тьма и холод не могут длиться бесконечно. Вослед за молитвой в стихах Валерия Хатюшина рождаются две спасительные темы — весна и творчество. Живительным источником служит поэзия, а весна — удивительна своей лёгкостью и красотой, пробуждающей душевные силы.

*За хмарью тягучих, томительных дней
утихла душевная вьюга,
И, словно бы вторя улыбке моей,
лесная запела пичуга...*

Расширение диапазона поэзии — это следствие перемен в мироощущении и миропонимании поэта. Он возмужал и в силе поэтической мысли, и в её глубине, в осознании первостепенности, важности духовных ценностей.

Путь лирического героя Валерия Хатюшина в конце концов выбран верно: через муки, страдания, несбыточность надежд он с их печальным багажом идёт к Богу.

Стихи Валерия Хатюшина — переключка поколений, в которой он сам — главный герой, и поэтому на высокой, эмоциональной ноте в его стихах звучат они, «свидетели живые» всего происходившего в его судьбе. Стихи Валерия Хатюшина рождены счастьем быть на земле — страдать, отчаяваться, метаться, предчувствовать, но жить!

*Долго ли угрюмости
надо мной кружить?*

*Мне опять, как в юности,
захотелось жить!*

Стихи зрелого поэта Валерия Хатюшина — просветлённые и мудрые, в них всё дорогое, сокровенное его душе и сердцу: ушедшие тени былой любви, звуки родного детского голоса, несбыточная мечта и добрая память... Его высокая Поэзия органично вписалась в его жизнь, стала её неотъемлемой частью, её высокой «духовной глубиной». Сокровенный смысл человеческого существования, по глубокому убеждению поэта, в том, «...чтобы не упасть и не разбиться с высоты той самой глубины». И остаться человеку Человеком!

3

Высшее свойство поэзии — волновать душу правдой увиденного, прочувствованного и пережитого поэтом. Сама возможность прямого воздействия на чувства читателя заложена в природе лирики, однако, как я уже говорила, не все стихи и не все поэты волнуют читателя в одинаковой степени. Поэзия Валерия Хатюшина, как мне кажется, сильно воздействует на чувства потому, что для самого автора — это постоянный диалог с миром, серьезный, принципиальный разговор, в котором раскрывается красота чувств и благородство человека, лишённого своекорыстия, эгоизма, зависти.

Стихи В.Хатюшина лирически конкретны, они запечатали пережитые сомнения, тревоги, раздумья, которыми он готов еще долго делиться.

*Господи, не торопи,
я ещё не всё успел.
Дух мой нищий укрепи
в безрассудстве тщетных дел.
Господи, не торопи...*

Поэту есть что сказать читателю, и он говорит языком сердца, а значит, языком правды, любви и справедливости. Удивление жизнью с годами не ослабло, но обострённое ощущение скоротечности жизни нередко вызывает у него печаль и даже тоску. Однако это чувство всё чаще сменяется состоянием высокого изумления перед нестареющей красотой бытия — и рождаются строки, наполненные чистотой и еле уловимым ароматом утренней свежести:

*В летнем лесу аромат и прохлада,
лиственный свет.*

*Милая, думать о прошлом не надо,
прошлого нет.
В летнем лесу соловьиное пенье,
стрёкот дроздов.
Милая, нежного сердца волненье
слышно без слов...*

Или, к примеру, в стихотворении, написанном 17 августа 2011 года, тоже сказано о лете, об августе, за которым следует осень как особая пора жизни. «Время — безумно, а сердцу — тревожно...» — говорит поэт о времени, в котором люди подводят итоги, сверяя жизненные часы с временем вечности.

*Счастьем, как видно, мне стали печали.
Нет, не мечтал я судьбу обмануть.
Верил я в жертвенный, слёзный вначале,
свыше дарованный — избранный путь.*

*Август, как жизнь, истекает и тает.
Осень в преддверье хмельной ворожбы.
Листья слетают, и ветер листает
чью-то забытую книгу судьбы...*

Лирическое и личное в этом стихотворении не просто перемежаются и случайно соседствуют, но художественно взаимодействуют: «избранный путь» и «жертвенный» тоже сливаются воедино, и создаётся ощущение высшего предопределения.

У лирика Валерия Хатюшина август полон жизни, света и надежды. Каждое мгновение в его стихах — это сама жизнь, но она уже во имя спасения своей души и любви к Творцу. В стихах последних лет нет дисгармонии, нет духовной раздвоенности — есть святая вера в торжество любви, как земной, так и высшей. И в качестве итога жизненных раздумий рождаются строки: «Смакует август ласковые дни...», «цветы на клумбе — яркие огни, не верят в скорый листопад они...» Глубокий поэт, научившийся ценить мгновения бытия, благодарен этой жизни, горнему свету и просит других ценить каждый данный нам земной миг:

*Не торопите жизнь, она сама — мгновенье.
Как отошедший снег, отцветшая сирень...*

Но, как и в прошлом, мера гражданственности в его душе никуда не ушла, не утасла с годами. Его острый взгляд и не-

успокоенное сердце способны видеть и красные листья бересклета, и бронзового солдата, сошедшего с пьедестала в боях за Донбасс... В стихах В.Хатюшина, написанных, казалось, на едином дыхании, на одном порыве чувства, уже практически неразделимы скорбь страны и личная боль поэта, они слились в общей картине нашей грозной действительности.

*...Но русскому сердцу не будет покоя.
Мы в мире жестоком остались одни.
Я помню весёлое время иное,
Я вижу безумные, зверские дни...*

Мотив вечности, мотив дороги всё чаще и всё увереннее звучит в стихах зрелого поэта-философа, поэта-лирика Валерия Хатюшина. Но предстоящая каждому скорбная дорога не кажется ему чем-то пугающим и несправедливым. Поэт с просветлённой душой готов честно пройти по ней до конца, не боясь, что «кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисьиим». Зарождение этой темы состоялось, кажется, в то время, когда поэт осознал себя личностью значимой, способной сказать что-то шеее и важное.

Чувство, полное душевных переживаний, определило полёт поэтического воображения. Оно разрушило грань между былью и небылью, личным и общественным, временным и вечным, между «было» и «есть».

В творчестве нашего современника Валерия Хатюшина в настоящее время происходит не расширение тем, не разброс стихотворных картин, а углубление смысла, укрупнение значимости ранее сказанного. И снова на первом плане — Человек! И вновь за него борьба! Сегодня, по утверждению поэта, каждый должен определиться в выборе жизненного пути: «кому служить — решает каждый сам».

*Нам суждено в последнем веке жить.
И выбор должен быть уже сегодня.
Коль не решил еще, кому служить,
готовь себя для службы в преисподней.*

Лирическая поэзия как самый чуткий «барометр» душевного состояния общества обнаруживает потребность в правде происходящего, без которой невозможно чувство ответственности. И поэт Валерий Хатюшин — «на передовой», а темы его политических «репортажей»: «горящий Киев», «крымская весна», «защитники Новороссии», «Славянск»,

«русский Холокост» и другие пробуждают и в других это чувство ответственности за содеянное, понимание того, что все мы в ответе за случившееся, за правду происходящего. Автор знает, что сказанное каждым из нас — это не просто личное дело каждого, это дело совести и смысла бытия.

Как уже было сказано ранее, глубокое по содержанию одиночество поэта, проходящее через всю его духовную жизнь, приобретает необходимость крайне значимого творческого процесса: в этом состоянии душевного одиночества поэзия стала и спасением, и любовью, и самой жизнью, и выражением веры — то есть всем крайне необходимым для страждущей души.

Любовная лирика зрелого поэта Валерия Хатюшина всё более элегична. В ней уже почти нет конкретных женских образов, нет прошлой горечи и прошлого надрыва, но есть тихая память, спокойная мудрая надежда на встречу в вечности...

*Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.*

*...Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»...*

Но «лирический дневник» Валерия Хатюшина не окончен, поэт во власти поэтических размышлений, он не имеет права молчать, пока «творяет молитву...уста» и стихотворная песнь еще не допета:

*Половина лета — позади.
И в запасе — половина лета.
Грусть моя, не надо, подожди —
песнь тепла и света не допета.*

Поэзия Валерия Хатюшина — это завещание поколению думающих людей, ценящих прекрасное, ищущих Человека в человеке.

г. Гродно, Белоруссия

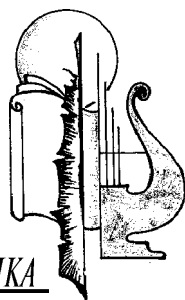
ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА

(О романе Олега Этлухова «Притяжение»)

Олег Адиль-Гиреевич Этлухов хорошо известен в Карачаево-Черкесии как писатель, учёный, руководитель крупного автохозяйства и общественный деятель. В своё время он окончил Грузинский политехнический институт им. В.И. Ленина по специальности «самолётостроение», сегодня он — доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии транспорта, президент ассоциации «Карачаево-Черкесавтотранс» и генеральный директор крупнейшей автотранспортной организации в Карачаево-Черкесской Республике, называющейся «Апсны». За заслуги в области транспорта и многолетний добросовестный труд Олег Этлухов удостоен почётного звания «Заслуженный работник транспорта Российской Федерации». Кроме того, он — председатель регионального отделения российских учёных социалистической ориентации и член республиканского совета Союза советских офицеров.

Но главное: Олег Этлухов является автором нескольких художественных книг, сре-

О. Этлухов. Притяжение. Роман. — М. Издательство «Перо», 2018. 816 с.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ди которых — вышедший в прошлом году в Сухумском Доме печати замечательный роман «Звёзды над Каиром», посвящённый жизни представителей абазинского, абхазского, адыгского и других народов Кавказа в Египте, где они достигали высоких постов вплоть до положения султана, и выпущенный в свет в этом году московским издательством «Перо» роман «Притяжение». Хотя назвать оба эти романа чисто «художественными» было бы, наверное, неправильно, так как, кроме изложения подробностей сюжетных мотивов, они содержат в себе ещё огромное количество чисто исторических и этнографических материалов, высвечивающих линии судеб многих кавказских народов.

События романа «Притяжение» происходят на фоне завершения Гражданской войны в России, и в частности — на Северном Кавказе и Ставрополье, в аулах Кува и Хахандукэй, станицах Баталпашинская и Зеленчукская, а также других населённых пунктах страны. И хотя основные бои ко времени действия романа уже отгремели, народ всё ещё остаётся разделённым на два враждующих лагеря — одна часть людей трудится, создавая для своих потомков новое государство, а другая таится за стенами своих домов или прячется в дикой местности, вынашивая коварные замыслы нанесения смертельных ударов по новой власти. «Бандитов ещё много, — пишет Олег Адэль-Гиреевич. — Очень много. Ими кишат горы и все окрестные леса...»

Однако суть романа Этлухова заключается вовсе не в том, чтобы выяснить, кто прав, а кто не прав — красные или белые. Лейтмотивом этой глубокой и серьёзной книги выступает идея сохранения каждым человеком и всем народом в целом его чести, не запятнав её грязными поступками, независимо от того, по какую сторону идейно-политических баррикад он находится. Честь — это та важнейшая духовная категория, которую на Кавказе уже с самого раннего возраста воспитывали в детях и потом берегли до седых стариковских волос, потому что запятнанная честь — это позор для всего рода. Не случайно молодой герой романа Давлет, служивший в отряде чоновцев, оказавшись в плену скрывавшихся в лесах белогвардейцев, вспоминает закон Кавказа, который гласит, что «кавказец, потерявший честь, уже не кавказец».

«Страх — это позор», — внушали ему с детства старики. «Мужчина, показавший свой страх врагу, не мужчина. Показать свой страх врагу — позор. Позор, который не смывается ни кровью, ни смертью. Этот позор ложится не только на него, но и на весь его род».

Главарь банды Махмуд отпускает пойманного ими в лесу Давлета к больной матери при условии, что завтра тот возвратится на это же место обратно, один. И Давлет понимает, что «не сделай он этого, слух о его трусости быстро достиг бы жителей Кувы». Он знает, что «законы аула жёсткие. Ни мундир чоновца, ни вся Советская власть не спасли бы тогда Давлета от презрения и позора. Законы аула были выше законов государства и всей его могучей силы. Они подвластны были только Всевышнему и инстинкту самосохранения народа, не имевшего другого пути в будущее, кроме как с мужеством и готовностью к самопожертвованию каждого его представителя. У аула не только другие законы. У аула и другие ценности. Наибольшим почётом среди аульчан пользуются не те, у кого больше всего коров и лошадей, баранов и овец. Славят не тех, кто имеет много земли, чинов и наград. Больше всего в ауле почитают мужество и отвагу. Здесь нет места трусости или малодушию. В вопросах чести и достоинства мир Кувы, как и абсолютного большинства других аулов Кавказа, окрашен только в два цвета. Здесь всё или белое, или чёрное. Кува полутонов не желает видеть. Она не желает видеть в своих рядах трусов и предателей...»

Эти суровые, но по-своему честные законы, выработанные народами Кавказа за долгие столетия жизни, лежат в основе всего романа «Притяжение», отодвигая собой на задний план даже требования укреплявшейся в то время советской власти. Потому что трусость кавказцы ни себе, ни своим родственникам не прощают. «На Кавказе люди гораздо легче прощают своих врагов, чем друзей», — отмечено на одной из страниц этого ёмкого, как жизненная энциклопедия, романа. И это действительно проявляет себя на протяжении всей этой книги.

«Северный Кавказ — совершенно другой мир. Мир, в котором живут другие народы и царят другие законы», — говорил бывший в те годы секретарём крайкома ВКП(б) Анастас Иванович Микоян. Книга Этлухова хотя и называется романом, отчасти напоминает собой документально-историческое исследование, так как она наполнена именами реально существовавших людей и подробностями реально происходивших событий. Помимо проживавших и действовавших в 1920-е годы на Кавказе людей, на страницах книги появляются такие персонажи, как Сталин и Ленин, Троцкий и Микоян, а также целый ряд тех исторических лиц, кто укреплял советскую власть на Кавказе, и тех, кто считал её своим врагом. Потому что на первом месте писателя стояло исследование взаимоотношений между людьми, а не полити-

ческие мотивы, хотя они и составляли собой фон всего этого объёмного романа.

На первый взгляд, сюжет романа «Притяжение» рядом своих мотивов перекликается с известным романом Михаила Шолохова «Тихий Дон», так как оба они повествуют о становлении советской власти в станицах юга России и борьбе противников нового строя с её строителями. Некоторые моменты «Притяжения» внешне очень сильно напоминают собой эпизоды из шолоховского романа, особенно такие, как сцена ночного ухода в «Тихом Доне» Григория и Аксиньи с родного хутора в Кубанские степи, когда на краю хутора их обстреляли четверо случайно встретивших их продотрядовцев. «Громом ударил неровный раскатистый залп, вспышки огня пронизали темноту.. Аксинья натягивала поводья и, запрокидываясь, валилась набок...

— Тебя ранило?! Куда попало?! Говори же! — хрипло спросил Григорий...

Но ни слова, ни стопа не услышал он от безмолвной Аксиньи... Пуля вошла Аксинье в левую лопатку, раздробила кость и наискось вышла под правую ключицей... Григорий, мертвея от ужаса, понял, что всё кончено...»

Точно так же, как шолоховские Григорий с Аксиньей, в романе Этлухова бывший белогвардеец Семён и его возлюбленная казачка Ксения решили бежать из своей станицы на Урал, чтобы начать там новую жизнь под новыми именами, не боясь ареста за прошлое участие в борьбе против советской власти. Но при выезде из станицы их обстрелял отряд самообороны, оборвавший своими пулями эту любовь так же, как оборвали жизнь Аксиньи пули продотрядовцев в «Тихом Доне». С одной только разницей, что, в отличие от романа Шолохова, где смерть Аксиньи произошла случайно, в романе Этлухова пуля, попавшая в Семёна, была послана не наугад:

«Ксения и Семён уже садились на лошадей, когда из соседнего переулка послышался топот большого количества коней... Кони рванули с места и понеслись в темень степи, спасая своих хозяев от погони. Впереди всех скакала Ксения... Вслед им неслась кавалькада всадников во главе с Сафроном... Он хорошо видел фигуру Семёна, припавшего к холке коня. Всю жизнь Семён был наверху. Его выбрала Ксения. Семёна, а не его, избрали казаки есаулом; не на груди Сафрона, а на груди у Семёна сияли два Георгиевских креста. Судьба всё время отдавала предпочтение ему, а не Сафрону. Теперь жизнь изменилась. Теперь жизнь Семёна была у него в руках. Он желал теперь взять у Семёна реванш за всё. Взять сразу и навсегда... Он привстал на стременах и выст-

релил. Пуля, выпущенная им, нашла свою дорогу. Семён начал крениться набок, его лошадь всё так же неслась дальше, а он всё больше и больше сползал с седла...»

Это едва ли не единственная сцена в романе Этлухова, когда поступок совершается вопреки законам Кавказа, когда человека убивают не в бою, а из-за ревности, злобы и зависти, которыми руководствовался ненавидевший Семёна Сафрон. Почти во всех остальных случаях людьми руководят законы Кавказа: «Многовековой опыт выживания в суровых условиях кавказской реальности выработал у малочисленных народов инстинкт самосохранения, в основе которого лежали никому внешне не понятные традиции и обычаи, объединявшие людей. Они требовали от членов общества своего безусловного исполнения вне зависимости от всех прочих внешних обстоятельств. Перед лицом этого закона были равны все. И князья, и холопы, и дворяне, и вольные землепашцы. Невыполнение этих неписаных законов влекло для любого из них только одно — изгнание из народа...»

Помимо скрупулёзного воспроизведения истории аула Кува, роман Олега Этлухова насквозь пронизан дыханием народных традиций, обычаев и законов, воспроизводя жизнь близких между собой по духу абазин, абхазов, адыгов и других народов. Один из главных героев романа — белогвардейский полковник Махмуд Аджиев — спасая от ареста притютивших его людей, решает сдаться чоновцам, но при этом ставит такое условие: «После того, как я сдамся, мы станцует перед жителями Уатхары. Пусть старейшины села определят, кто из нас танцует лучше. Чья школа танцев — грузинская или абхазская — стоит выше. Старейшины не умеют лгать. Пусть они и скажут...»

И это состязание состоялось. «Заиграла гармошка. К небу полетел дробный тревожный набат звучного барабана. Махмуд выскочил в круг. Полетел над землёй. Глаза горят. Зрители едва успевают уследить за мельканием ног летящего над землёй человека. Он дважды прошёл в танце мимо Микеладзе. Тот сорвался с места и полетел навстречу своему однополчанину, ставшему его смертельным врагом. Никто, ни сам Микеладзе, ни Махмуд, не знали, что и почему развело их в своё время по разные стороны баррикад... Им двоим было тесно и там, на небе, и здесь, на земле...»

По окончании танца, Махмуд сдался бойцам ЧОНА. «В это время раздался громкий голос Микеладзе:

— Чего ждёте? Вяжите ему руки. Он уже оттанцевал своё».

Но собравшиеся на площади абхазы не дали связать своего гостя в их присутствии. Старший по возрасту Баграт на-

чал говорить, обращаясь к начальнику ОГПУ республики Алексею Сергеевичу Агрба:

«— Алексей! Ты такой же абхаз, как и мы. Ты вскормлен молоком женщины-абхазки. Пойми нас правильно и не допусти нашего позора. Бесчестьем для всего нашего села станет, если ты разрешишь связать по рукам нашего гостя. Так у абхазов не бывает. Не будет и у нас. Не заставляй нас делать то, чего мы не хотим делать. Не проливай невинную кровь. Хотите вы того или нет, наш гость из нашего села не уйдёт связанным по рукам. Он сам пришёл к вам... Он мог уйти, но не ушёл. Он не захотел, чтобы из-за него, абазина, пострадали абхазы. Он показал нам своё мужество. Показал лицо своего народа. Мы ответим ему тем же. Или пусть он сядет на своего коня и сам уедет из нашего села, или прольётся кровь. И эта кровь будет на твоей совести...»

Махмуду вернули его коня, и, оставаясь не связанным, он выехал из села в составе чоновского отряда. А Алексея Агрбу и Давлета попросили остаться в селе, сказав Алексею, что он «сегодня спас честь нашего села и не дал пролиться крови наших сыновей. Все они готовы были защищать своего гостя с берегов Кубани. Да, он враг Советской власти, но он был нашим гостем, и мы бы защитили своего гостя... Мы бы никогда не отдали на поругание нашего брата-абазина и должны были с оружием в руках защищать его честь, если бы появилась на то необходимость. Узы, связывающие абазин и абхазов, стоят той крови, которую готовы были пролить наши сыновья. На какой бы службе ни находился абхаз, он всё равно остаётся абхазом...»

И это подчёркивание верности национальной характеристике и укоренённым законам своего народа проступает на каждой странице романа Этлухова, донося черты характера своих предков до их нынешних потомков. Потому что нет ничего важнее, как сохранить образ своего народа в истории, донести его законы и традиции до сегодняшних читателей.

Роман Олега Этлухова «Притяжение» (как и его предыдущий роман «Звёзды над Каиром») можно назвать в буквальном смысле слова энциклопедией народной жизни, воплощающей в себе многолетнюю мудрость жителей Кавказа, их традиции и обряды, законы, привычки и веру. В нём встречается много ярких выражений, достойных занесения в сборники изречений и пословиц, да и просто вошедших в речевой обиход и философию народа. Ну чем, скажем, не пословица такое крылатое выражение, как фраза: «Конь о четырёх ногах и тот иногда спотыкается». Или такое высказывание, как:

«Лицо фортуны обманчиво. Оно может улыбнуться тебе, может отвернуться в самый нужный момент. Многие верят, что фортуна будет долго улыбаться им. Другие понимают: она — девица лёгкого поведения. Надеяться на неё — безумие». И такими выражения наполнены страницы всего романа.

Многие из персонажей «Притяжения» высказываются фразами, равнозначными народным мудростям, такими, к примеру, как: «Одинокая птица может высоко взлететь, но далеко улететь она не может. Далеко улетает только стая». Или такими, как: «Один и тот же огонь может согреть человека, может и сжечь его. Нужно следить за своим очагом, чтобы он согрел дом, а не сжёг его дотла».

По просьбе своего учителя паренёк Иналь записывает в толстую тетрадь услышанные от аульчан ёмкие выражения, которые по прошествии лета зачитывает учителю. И разве не напоминают собой пословицы высказывания такого рода, как записанные в тетради Иналья? К примеру, вот эта: «Нельзя долго плыть против течения. Рано или поздно даже очень сильный пловец устанет. И тогда безжалостная вода унесёт его. Унесёт туда, откуда нет возврата...» Или такая, как эта: «Напрасно старается человек, стирающий грязные вещи в грязной воде. Вещи станут ещё грязнее». Или: «Время не прощает ошибок никому. И самым гениальным, и самым великим...»

Много глубоких наблюдений, рассыпанных по страницам книги Олега Этлухова, касаются судьбы нашего великого государства, размышлений о его путях. Вот что он высказывает устами своих героев: «Россия — громадная страна, над ней никогда не заходит солнце. Войну за будущее России нельзя выиграть на поле сражения. Её можно выиграть только в головах миллионов людей». А вот ещё одно такое же высказывание: «Локомотив русского народа несётся в неизвестность. Никто не знал, куда несётся он. То ли в пропасть, то ли к славе. Вслед за локомотивом, летевшим неизвестно куда, мелькали вагоны больших и малых народов. Страшная сила несла их в неизвестность. Люди верили, что там, впереди, светлое будущее, но что было там на самом деле, не знал никто...»

Старики в кавказских аулах говорили: «Ни одна, даже самая сильная и самая умная птица не улетает одна. Она одна не найдёт дороги в тумане дня и ночи. У неё не хватит сил долететь до безопасного места. Долетает до цели только стая. Только стая находит единственно правильный путь. Только у птиц, собранных в единую стаю, хватает сил долететь до цели. Так и люди. Только тот человек, кто и в радости, и в беде

остаётся со своим народом, находит нужную дорогу. Оторвёшься от своих корней — и как бы высоко ни взлетел ты, дорога одна: вниз и только вниз...»

Персонажи книги Олега Этлухова затрагивают в своих разговорах очень многие стороны жизни, касающиеся не только времён Гражданской войны в России, но и жизни всех граждан России, вплоть до нашего времени. При этом не только её бытовой стороны или гражданской, но и философской, религиозной. «Вера во Всевышнего — основа всего. Поссорившиеся с ним могут прийти к печальному концу», — говорится на одной из страниц романа. А на другой странице другой персонаж говорит: «Когда коммунисты найдут общий язык со Всевышним, то перед ними ляжет большая широкая дорога в светлое будущее. Если нет, то все их самые грандиозные и нужные людям планы рухнут...» И это высказывание относится не только к коммунистам двадцатых годов двадцатого века, но и ко всем тем, кто строит наше государство сегодня, которым тоже не помешало бы согласовывать их дела с заветами Всевышнего. Не просто же так писатель заостряет наше внимание на том, что Творец однажды дал человеку зачем-то глаза, уши, руки, ноги, голову и душу, и сказал: «Живи и помни, для чего тебе дали всё это. Твори сам свою судьбу, а я спрошу с тебя за то, что творил ты в жизни этой. Время уходит, как песок сквозь пальцы. Ничто не вернётся. Спешит творить добро!»

Роман Олега Адаль-Гиреевича посвящён истории и судьбе жителей Карачаево-Черкесии и, говоря шире, становлению государственности и быта народов всего Северного Кавказа и Кубани, и в особенности это касается представителей таких национальностей, как адыги и абазины. «В беде или в трудную минуту они готовы друг за друга жизнь отдать, но отдать первенство на скачках никто из них не согласится, — замечает он. — Жизнь отдать можно, а вот славу первенства в извечном споре братских народов — никогда...»

«Мы и адыги — это два народа, имеющие общий корень, — говорит в романе абазин Асхад. — Сперва был один ствол. Потом ствол раздвоился. Потом на каждом новом стволе появились свои ветки. Абхазская, кабардинская, бжедугская, убыхская, нтухайская, абазинская, шапсугская и так далее. Но все эти ветки — дети одного дерева. Мы и адыги — единое целое. И в горе, и в радости. Кто бы чего ни сделал на сегодняшний день, какую бы ошибку или нечестность ни допустил, ему не нарушить наше единство. Мы как были единым народом, так им и остаёмся... Потому что в каждом абазине течёт струя адыгской крови».

Эта общая для всех кавказских народов кровь пропитывает собой все страницы романа Этлухова, дышащего стремлением к единению всех национальностей Кавказа и одновременно — к сохранению неповторимого своеобразия каждого из обитающих там народов.

Книга Этлухова «Притяжение» написана не только для абазин и абхазов, но для всех нас, живущих на земле бывшего СССР, стремительно забывающих свои родные языки и традиции, засоряя свою речь и литературу чужими словами, а иногда даже заменяя родной алфавит чужеродной латиницей или другими шрифтами. Название романа говорит как раз о **притяжении** человека к его родной земле, своему языку, своей культуре и той вековой памяти, которая хранит в себе историю наших народов.

«Как-то Мырзакан сказал:

— Если большевики не обманут народ, они далеко дойдут. Советская власть будет тогда и в Европе, и в Америке, и на Луне, и на Солнце.

Выслушав его слова, Катмащ на минуту задумался и добавил:

— Да. Большевики далеко пойдут. Они раздавят на своём пути всех своих врагов. Лишь бы они не раздавили сами себя...»

Казалось, что они смотрят из своих двадцатых годов прошлого века прямо в наши дни, где бывшие большевики как раз перешагнули через свои вчерашние цели и заветы, раздавив и себя, и всё то, что они до этого строили.

«Многих в этой жизни обманул блеск солнечных лучей, золото погон, должности и деньги. Не станьте одними из них, — предупреждал своих земляков Катмащ. — Нет ничего дороже чистой совести и возможности смотреть своему народу в глаза, не опуская их от стыда... Не забывайте: ни одна власть не бывает вечной. Власть приходит и уходит, а народ остаётся... Может случиться, что когда-то красные станут белыми, а белые красными. Время может сделать всё. Пусть оно не обманет вас...»

Последние три десятилетия жизни бывшего Советского Союза показали, что время действительно способно всё переворачивать с ног на голову, меняя политические режимы государств и делая красных белыми, а белых красными. Именно так произошло в нашей стране после крушения социалистического строя. Но книги наших писателей продолжают хранить нравственные законы и заветы наших предков, показывая нам, как нужно нам жить, чтобы потом не было стыдно перед потомками. Жить, руководствуясь своей честью, а не охотой за наживой.

В романе Олега Этлухова описывается, как парни и девчата из аула Кува собираются все вместе и сообща изготавливают саманные кирпичи для постройки дома готовящейся к свадьбе молодой паре. С шутками, смехом, радостными улыбками они возят телегами глину, солому, песок и воду, готовят массу для изготовления кирпичей и потом формуют их для высушивания, чтобы у молодой семьи вскоре мог появиться свой хороший новый дом, в котором вскоре зазвонят счастливые голоса детишек.

Этот коллективный труд очень сильно напоминает собой недавно существовавший в нашей стране социализм, который точно так же сообща, всем миром, строился всеми на радость жителей молодого государства. И сегодня, читая роман Этлухова «Притяжение», хочется сильно поверить в то, что подобный коллективный труд по созиданию нашей державы ещё обязательно притянет нас к себе, призывая всех к строительству нашего нового счастливого дома. Дома, в котором главным законом является — честь...

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 639002389037017175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».